

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2008

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

В. С. Меметов (главный редактор),
В. П. Раков (заместитель главного редактора), **В. В. Комиссаров**,
С. С. Садина, **В. В. Селезнев**,
Н. Г. Юркин (ответственный секретарь)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00

E-mail:

memetov@ivanovo.ac.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирёва*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,

Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ,
2008

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2008

Подписной индекс 60320

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *III № ФС 77-21093*)

2008

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief **Valery S. Memetov**

Editorial Board:

Valery Rakov (Deputy Editor-in-Chief), **Vladimir Komissarov**,
Svetlana Sadina, **Vladimir Seleznev**,
Nikolay Yurkin (Secretary of the Board)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
E-mail: memetov@ivanovo.ac.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiriyova*
Computer Design *Nikolay Yurkin*,
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2008
© Ivanovo State University, 2008

Subscription index 60320

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **В. Т. Ермаков**, Институт российской истории РАН; **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **V. T. Ermakov**, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

В НОМЕРЕ:

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ**

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

**ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

ДИСКУССИЯ

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Мансуров В. А., Барбакова К. Г.* Интеллигенция в структуре власти – миф или реальность? 7
- Без интеллигенции невозможно возрастание духа (Интервью *В. П. Ракова с О. И. Федотовым*) 32

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Никонов О. А.* Из истории русско-иранских гуманитарных связей 46
- Михайлюк А. В.* Интеллигенция и крестьянство Украины (февраль – октябрь 1917 г.) 50
- Миронова Н. А.* Образ «старой» творческой интеллигенции в советской прессе первого послеоктябрьского десятилетия (1917–1927 гг.) 67
- Григоркина И. И., Добрякова Н. А., Сопенок О. В.* Интеллигенция и власть в эпоху коренных перемен (На примере послереволюционной истории Александринского театра) 77

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Соколова Ф. Х.* Судьбы «старых» специалистов в 1930-х годах (На материалах европейского Севера России) 91

ДЕБЮТ

- Кривенцова С. Ю.* Общественно-политическая деятельность немецких писателей-антифашистов во Франции в 1933–1939 гг. 106
- Матусевич Р. Н.* Концептуализация понятия интеллигенции С. Булгаковым: идеология и формирование «я» 117
- Аннотации 139
- Информация для авторов 143
-

CONTENTS

CHALLENGING ISSUES OF MODERN INTELLIGENTSIA STUDIES

- Mansurov V. A., Barbakova K. G.* Intelligentsia in power structure: myth or reality? 7
- Spiritual growth is not possible without intelligentsia (*V. P. Rakov* interviews *O. I. Fedotov*) 32

GLIMPSES OF INTELLIGENTSIA HISTORY

- Nikonov O. A.* Glimpses of Russian-Iranian humanitarian contacts . . . 46
- Mikhailyuk A. V.* Intelligentsia and peasantry of Ukraine (February – October, 1917) 50
- Mironova N. A.* Image of ‘old’ clerisy in the Soviet press of the first post-October decade (1917–1927) 67
- Grigorkina I. I., Dobryakova N. A., Sopenok O. V.* Intelligentsia and power in the epoch of dramatic changes (exemplified by the post-revolutionary history of Alexandrinskiy theatre) 77

PERSONALITY IN DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Sokolova F. Kh.* Fates of ‘old’ specialists in 1930s (Exemplified by the European North of Russia) 91

DEBUT

- Kriventsova S. Yu.* Social and political activities of German anti-fascist writers in France of 1933–1939 106
- Matysevich R. N.* Conceptualization of the ‘intelligentsia’ notion by Sergey Bulgakov: ideology and formation of self 117
- Summaries 139
- Information for authors 143
-

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

В. А. Мансуров, К. Г. Барбакова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

История русской интеллигенции есть история русской мысли. Но не всякой мысли. Интеллигенция есть еще и категория нравственности.

Д. С. Лихачев

Достаточно известный афоризм гласит: человечество избавилось бы от половины своих ошибок, если бы вовремя уточняло понятия.

Непосредственным поводом обратить внимание на содержательные характеристики интеллигенции стала статья М. Антонова «Уроки на будущее»¹. Во избежание обвинения в неправильной интерпретации мыслей автора мы приведем некоторые цитаты из его статьи.

«О внешних врагах СССР вряд ли нужно распространяться, они и в наши дни требуют “интернационализации” российских природных ресурсов. А чтобы выявить внутренних врагов, надо хотя бы кратко проследить, как красной нитью проходят

© Мансуров В. А., Барбакова К. Г., 2008

Мансуров Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН (Москва).

Барбакова Креина Григорьевна – доктор философских наук, профессор, директор Научно-исследовательского института исследования общества ТюмГНГУ (Тюмень).

через всю нашу историю противостояние народа и интеллигенции, борьба “самодержавия” и “боярства”».

«Как боярин, даже захудав, не теряет барских замашек, так и интеллигент, лишившись реальных привилегий, сохраняет память о своем “высокородстве”. Это не означало, что интеллигент – всегда антипатриот. Он мог любить свою страну, но желал, чтобы она стала европейской по своей сути».

«Советская интеллигенция не выполнила своей главной задачи – не вооружила народ и власть адекватным пониманием действительности. Впрочем, она принципиально не могла этого сделать. Процессы, которые происходили в стране, не описываются теми понятиями, которые присутствуют в сознании интеллигента».

«Вот и происходящее сейчас с нашей страной объясняется тем, что в очередной кризис (а они время от времени неизбежны; причем нынешний вызван необходимостью перехода к постиндустриальной формации) либеральная интеллигенция решила взять верх и нанесла подлый удар по больному обществу. Об этой причине краха СССР интеллигенты, естественно, предпочитают умалчивать».

«Главная вина за беды, постигшие ныне страну, – именно на этой интеллигенции. Для нее не важно – гибнет страна или нет, главное, что нет тоталитаризма, зато есть биржи и свобода финансовых спекуляций».

«Впрочем, наш народ показал, что он не приемлет жизни, где нет места социальной справедливости и патриотизму. И время “боярства” вновь быстро кончается, наступает эпоха нового “самодержавия”. Речь идет, конечно, не о восстановлении монархии, это архаика... В новой России должно быть коллективное руководство при наличии лидера (президиум во главе с председателем). При этом должен сохраняться принцип неделимости власти».

«Но из случившегося нужно обязательно сделать радикальные выводы. К следующему историческому виражу мы должны воспитать поколение образованных людей нового типа... преданных по-настоящему патриотическим идеалам и готовых служить не просто Отечеству, но еще и режиму (разумеется, патриотическому и справедливому)».

«И чтобы больше не возвращаться к истории, надо опровергнуть миф о якобы имевшем место при социализме “разрыве с исторической Россией”. История России – это история смены трех “империй”. В период “империи Даниловичей” сложились русский национальный характер и идеал тоталитарного государства. За 300 лет империи европеизаторов Романовых... катастрофически деградировал. СССР возродил тоталитарный строй и русского человека. Советский человек был не просто русским, а как бы воскресшим москвитом»².

Не было бы смысла подробно останавливаться на такой интерпретации роли интеллигенции в России, если бы мнение М. Антонова было уникальным. Но обвинение интеллигенции во всех бедах, какие бы ни происходили в обществе, присуще, прежде всего, обыденному сознанию: интеллигент (да еще в очках, в шляпе) было ругательным словом на этапе становления и функционирования советского общества. А что касается правительства, то оно от слов переходило к делу: сотни высланных представителей интеллигенции из России 20-х годов прошлого столетия, тысячи отправленных в ГУЛаг – свидетельства отношения к интеллигенции.

Статья М. Антонова вызывает удивление тем, что этот «теоретик» демонстрирует свое полное незнание определения специфики, статуса и направленности деятельности российской интеллигенции с момента ее возникновения. Понятие «интеллигенция» чисто русского происхождения. Его, как известно, ввел в научный оборот в 60-х годах XIX века П. Боборыкин.

С. Елпатьевский, определяя интеллигенцию как общественно думающую и общественно чувствующую часть общества, подчеркивал, что кардинальным признаком в понятии интеллигентности является ее духовная сущность. «Тот врач, для которого медицина ремесло... – не интеллигенция. И тот адвокат, для которого чужды интересы, выходящие за рамки его адвокатского дела – не интеллигенция»³. Эти слова русской интеллигенции были не просто словами, а воплощались в конкретные дела, например, многие представители интеллигенции, имеющие соответствующие дипломы и знания, бросали свои комфортные квартиры, сферы интересного общения, свою профессиональную деятельность и шли «в народ», работая там

в тяжелейших условиях врачами, сестрами милосердия, учителями, провизорами и т. д.

В качестве обобщающего вывода целенаправленности миссии интеллигенции можно привести слова Р. Иванова-Разумника: «Принято интеллигентом считать всякого образованного человека. Но это абсурдно. Никакие дипломы не сделают еще сами по себе “образованного” человека “интеллигентным”... Наоборот, к интеллигенции могут одинаково принадлежать и физические и умственные рабочие, и “культурные” и “некультурные” люди, и ученые, профессора и полуграмотные рабочие, если все они удовлетворяют некоторому социально-этическому критерию»⁴.

Экскурс в понимание сущности интеллигенции, специфики ее концепций и действий представляется нам необходимым в связи с многочисленными поливариантными толкованиями данной категории и включением в нее различных, фактически не имеющих никакого отношения к интеллигенции, групп. Естественно, пересечение тех или иных качеств, свойственных интеллектуалам, профессионалам, специалистам, присуще в определенной мере и интеллигенции. Так, например, знания, научное мышление, теоретический багаж, необходимый интеллектуалам, отдельным видам специалистов и профессионалам, чрезвычайно важен и для интеллигенции. Но не в этом ее специфика. Главное – ее нравственный потенциал. На протяжении многих десятилетий интеллигенция находилась в оппозиции к власти, была ее активным критиком.

Современность предъявляет другие требования к интеллигенции: *из критика власти она должна стать субъектом власти*. Чтобы не смешивать ее с интеллектуалами, профессионалами и т. д., которых многие называют «отрядами интеллигенции», мы вынуждены *к определению интеллигенции присоединить прилагательное: интеллигентная*. Хотя, как видно даже из нашего краткого введения, – это нонсенс, равносильный тому, как «масло масляное», *ибо без интеллигентности нет интеллигенции. Нравственный критерий – сущностный признак интеллигенции*.

Прошедший век, особенно его вторая половина, подготовил появление новой информационной цивилизации. Индустриальная цивилизация ушла в прошлое, появились новые взаимоотношения, новые формы взаимодействия, формируются процессы гло-

бализации. Конечно, глобализацию понимают по-разному. Некоторые ее рассматривают на бытовом уровне, например, как захват американцами российских рынков, российской науки и российских умов. Отдельные СМИ подогревают это отношение, подчеркивая ненужность вхождения России в систему глобализации.

Можно хотеть или не хотеть входить в эти процессы, но они не зависят от желания людей. Это – историческая закономерность, также как и переход к информационной стадии развития общества. Такая стадия характеризуется, прежде всего, тем, что меняются ценности и содержание капитала. Сегодня основным капиталом являются не земля, не заводы, не полезные ископаемые, а интеллект человека. Именно человеческий потенциал, человеческий ресурс становится субъектом преобразования действительности, главным ресурсом развития. Информационные технологии обуславливают необходимость взаимодействия не только отдельных личностей или социальных групп, а, прежде всего, государств. Его отсутствие означает отставание во всех сферах жизнедеятельности стран: в экономической, политической, социокультурной и т. д. Поэтому социологи раскрывают содержание категории «глобализация» как взаимообусловленность и взаимодействие всех процессов, которые происходят и в отдельных странах и в мире в целом.

В. Баринов называет информационное общество новым высшим, в сравнении со всеми предыдущими, уровнем развития человеческого сообщества. А. Подберезкин и Е. Иванов считают, что конечная цель политического и государственного строительства на современном этапе развития мирового сообщества – это переход на информационную стадию для создания общества, которое сможет предоставить оптимальные условия для развития и самореализации нравственных, грамотных, одухотворенных личностей. Интеллектуальный потенциал государств уже сейчас, а в перспективе – тем более, определяется уровнем интеллекта его граждан. «Нация и государство, – пишут эти авторы, – это сумма личностей, а не “серая” масса. Сумма нулей в результате может дать только нуль. И наоборот, сумма незаурядных личностей, больших потенциалов дает огромный национальный потенциал, который, в свою очередь, является локомотивом глобализации»⁵.

Но, согласившись с выше названными созидательными характеристиками глобализации, невозможно оставить в тени ее разрушающую силу. Информационная цивилизация, порождая взаимообусловленность различных процессов функционирования мирового сообщества, может действительно обеспечить потенциальное невиданное развитие человечества, но с таким же успехом возникает возможность, при использовании новейших технологий, его уничтожить.

Такой возможный дихотомический результат порождает вопрос, что делать в сложившейся современной ситуации? Естественно, ответ на этот вопрос зависит не от народов, населяющих те или иные страны, не от интеллектуалов, профессионалов, специалистов, не от интеллигенции.

Именем народа прикрываются все субъекты власти, но очень редко они прислушиваются к его голосу. Эта ситуация может измениться лишь тогда, когда *интеллигентная интеллигенция станет основным субъектом власти.*

И не считайте нас мечтателями-утопистами! В свое время в конце XIX – начале XX века Н. Бердяева, Р. Иванова-Разумника, П. Лаврова, Р. Виппера, Д. Овсяннико-Куликовского и других тоже называли отнюдь не реалистами. Тем не менее, сегодня признается, что они идеологически подготовили февральскую и октябрьскую революции. Правда, на это потребовалось более пятидесяти лет. Но темп исторического развития ускоряется. Анализ современной российской научной и публицистической литературы свидетельствует о наличии протестного движения по отношению к различным формам нарастающего авторитаризма, к сохраняющему позиции коррупционному союзу власти и бизнеса, к принятию скоропалительных, непроверенных на результативность законопроектов и реформ.

Такая ситуация, на наш взгляд, является не показателем некомпетентности властей, а скорее – их зависимостью от определенных заинтересованных групп. В связи с этим можно сделать вывод о том, что общество в достаточной мере подготовлено к постепенной смене субъекта власти и передаче полномочий интеллигентной интеллигенции. Самым сложным при этом является вопрос разработки системы индикаторов нравственной зрелости и проверки их наличия у тех или иных субъектов.

Многие российские и зарубежные обществоведы подробно анализировали проблемы власти и проблемы интеллигенции, но при этом в тени оставался аспект их взаимоотношений. Сегодня же, когда интеллигенция все в большей степени становится не только антиподом, но и активным субъектом структур власти, этот аспект приобретает особую значимость. Когда, почему и каким образом пересекаются пути интеллигенции и власти, нагляднее всего прослеживается на истории конкретного государства. Нет видимой границы между прошлым, настоящим и будущим. Предвидеть будущее, понять настоящее можно только на основе детального знания и осмысления прошлого. Возможно, прогнозы перспектив взаимообусловленного развития власти и интеллигенции станут реальнее, если опыт истории не отбрасывать, а изучать.

Россия эпохи М. С. Горбачева поставила цель: благо человека, его свобода являются условием пользы, интереса государства. Провозглашалась эта цель многими правителями многих государств. Но еще никогда и нигде в полной мере не была достигнута. И не только потому, что провозглашалась для лозунга, для привлечения масс, для обеспечения своего пути к власти. Достижение этой цели предъявляет особые требования к применяемым средствам. Должна быть создана система постоянного контроля за соответствием средств целевым гуманистическим установкам, должна проводиться профессиональная экспертиза степени нравственности того или иного средства. Вместе с тем, вероятно, следует подчеркнуть, что как в медицине безнравственными являются эксперименты над людьми, так и в обществе недопустимы социальные эксперименты в масштабе страны для проверки эффективности инструментария управления.

Население страны в основном приветствовало перестроечные процессы. Показательны в этой связи результаты социологических исследований, демонстрирующие отношение к преобразующей роли перестройки и роли в ней отдельных институтов власти, различных социальных групп советского общества.

Большинство опрошенных считали перестройку революционным преобразованием общества, возвращением к ленинским принципам социализма. Среди респондентов-москвичей, разделивших это мнение, – 40,5 %. 29,2 % считают, что перестройка – лишь косметический ремонт построенного здания социализма,

придание ему более современного облика. 6,6 % высказали негативное отношение к перестройке, расценив ее как полный пересмотр принципов марксизма-ленинизма, отступление от наших завоеваний⁶. При этом респонденты не были удовлетворены темпами перестройки.

Каждый человек заинтересован в немедленных позитивных преобразованиях и не хочет понимать их сложностей, необходимости длительного времени для их течения.

Социальная база, социальные ориентиры самодержавия сложились в России давно, сформировав особую ментальность российского народа: веру в царя-батюшку; вот придет барин, барин нас рассудит; жить по принципу: «я человек маленький, ничего не решаю, пусть начальство решает». Скоропалительность перестроечных демократически направленных процессов не могла изменить веками сложившееся отношение к власти.

В. В. Крамник в работе «Власть и мы: ментальность российской власти, традиции и новации» поставил вопрос, почему в России с таким трудом изживается автократический политический режим, хотя периодически и возникает скрытое или явное противостояние политической власти и народа. Многие авторы причиной такой ситуации называют просчеты властных структур. В действительности же они коренятся в ментальности россиян. «В жизни людей реально не то, что есть на самом деле, а то, что является фактом их сознания, что они себе представляют, во что верят, к чему стремятся»⁷. Жесткий тоталитарный режим сформировал предпочтения к унификационному, однообразному, монистическому типу правления и, как результат – ригидную политику, ригидность субъектов власти и народа. Склонные к подчинению массы формируют соответствующую ментальность правящей элиты. В. В. Крамник подчеркивает, что монизм, включая монистическое насилие со стороны власти, исключает разномыслие и вводит полное единомыслие, что позволяет правящей элите присваивать себе монополию на истину. Поэтому опорой власти становятся тщательно подобранные ею, зависимые от нее эксперты, одобряющие все принимаемые решения. По мнению В. В. Крамника, ригидность в соединении с авторитарностью является психологическим источником исторической неэффективности российской власти⁸.

Естественно, что ментальность, являясь психологической основой взаимодействия населения с властными структурами, не представляет собой единственную причину сложившейся в посткоммунистической России кризисной ситуации. Значительную роль в разворачивании кризиса сыграла непродуманность, неподготовленность, поспешность проводимых в 80–90-х годах XX века реформ.

Сложившийся в современной России капитализм, следуя марксистской терминологии, является монополистическим, а в терминах западной науки – олигархическим капитализмом. Но суть не в названии, а в факте его незаконности. В литературе очень часто встречается положение о том, что новейший российский капитализм создавался в результате приватизации государственной собственности. С данным утверждением трудно согласиться в связи с тем, что фактически государственной собственности не было в Советском Союзе, ибо признаком собственности является не только, вернее, не столько право распоряжения, сколько право сохранения, передачи по наследству, право купли-продажи, чем не обладала так называемая государственная собственность. Фактически собственность была «ничейная», что позволяло власть имущим присваивать себе право распоряжения, а иногда, злоупотребляя правом распоряжения, рассматривать ее как свою личную собственность. Так, Н. С. Хрущев «по доброте душевной» подарил Крым Украине, а Л. И. Брежнев преподносил в качестве подарков соотечественникам и иностранцам сокровища царской короны.

В начале 90-х годов XX столетия в России происходило, так называемое, первоначальное накопление капитала. Процесс, как свидетельствует история, для каждой страны был чрезвычайно сложным. В Англии превращение пашен в пастбища породило обнищание многих тысяч крестьян. Неслучайно К. Маркс, характеризуя тот период, отмечал, что «овцы съели людей». Но земли, превращенные в пастбища, были собственностью лендлордов. При формировании капиталистических отношений в Северной Америке, приехавшие туда европейцы сгоняли индейцев с их территории или «покупали» какие-то земли (за 5 ножей купили Манхеттен). Конечно, это был грабеж, но грабили европейцы не своих соотечественников. В России же XX века произошел гра-

беж собственного населения, как правило, представителями бывшей власти или с их ведома и разрешения другими субъектами. Это обусловило становление крупного капитала, что не способствовало повышению жизненного уровня населения и не обеспечило развитие в стране малого и среднего бизнеса как основы ее благополучия.

Как восприняло российское население эти нововведения? В 1999 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) совместно с Московской школой политических исследований провели социологический опрос по проблеме «Человек и власть». Всего было опрошено 2000 человек. 72 % из них считали, что Россия уже не великая держава, и примерно столько же сожалело о распаде СССР. 65 % опрошенных в марте 1999 года и 54 % – в августе 2000 года полагали, что безопасности государства угрожают страны Запада, входящие в блок НАТО. Ответы на вопрос о правах человека показали, что главными социальными правами респонденты считали право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости и по болезни – 68 %. Намного меньше респондентов высказали необходимость в гражданских правах: на получение информации, свободу слова, вероисповедание и т. д. На вопрос, какая идея могла бы скорее всего сплотить общество, в 1999 году 31 % респондентов ответили, что это идея достойной жизни, подобающей свободному гражданину. В 2000 году 39 % из числа опрошенных на вопрос, что является, прежде всего, признаком великой державы, дали ответ – величие страны с соблюдением прав и свобод человека. Анализируя результаты проведенных исследований, Ю. Сенокосов делает вывод о том, что стремление людей к переменам сопровождается желанием стабильности, которая может стать важнейшим фундаментом соблюдения прав человека⁹. Такой настрой населения представляет собой хороший потенциал для формирования демократического общества при создании условий социально-экономического развития России. Но следует подчеркнуть, что все это возможно только в случае коренного качественного изменения субъектов властных структур.

Г. Г. Дилигенский отмечает, что научная мысль второй половины XX века «обосновала ведущую роль “человеческого фактора” – социальных действующих лиц, “актеров”, их мотиваци-

онно-волевых и ментальных качеств и потенции – в трансформационных процессах»¹⁰. Но такая властная элита не могла формироваться в сложившихся в России исторических условиях переходного периода. Российские демократические лидеры, выдвинувшиеся на этом этапе, не были готовы к решению важнейших практических задач демократического переустройства общества и не могли противостоять унаследованному от старого режима бюрократическому аппарату. Как подчеркнул Ю. А. Левада, публичная демократическая «элита» времен перестройки в новых условиях не смогла выполнить функции «элиты»¹¹ социальной. Она прекрасно продемонстрировала себя в качестве лидера «митинговой демократии». Исторический опыт свидетельствует, что переход от одной общественно политической формации к другой обязательно должен сопровождаться сменой правящей элиты, что не произошло в России, где основную массу политиков, особенно региональных, государственных чиновников, имеющих властные полномочия, составили представители старой номенклатуры. Таким образом, в России сохраняется авторитаризм, главным источником которого является не система формальных институтов, а методы осуществления власти реально обладающими ею лицами и группами при слабости демократических принципов в общественном сознании¹².

Политическая власть, какие бы нравственные ценности ни провозглашала, не может следовать им, ибо действия ее представляют реализацию ценностей определенной социальной группы, которая привела субъекта власти к власти. Даже при развитой демократии народ следует за наиболее значимыми для него группами или личностями. Зарождающаяся же демократия отягощена привязанностями к прошлому или полным анархическим отрицанием его, что не может не отразиться на формировании групповых интересов, на их приоритетности в процессе выбора субъекта власти. Стремящиеся к политической власти определенные группы или их представители, сориентированные на интересы выдвигающих их групп, вынуждены при получении власти эти интересы реализовывать, подавляя в той или иной мере оппозиционные им группировки.

Может ли какая-либо политическая власть в своей деятельности ставить во главу угла общечеловеческие ценности? Исто-

рия свидетельствует, что пока этого не удавалось сделать ни одной социальной группе, пришедшей к власти. Не потому ли реализацию гуманистических принципов: человек – цель, а не средство для другого, человечество связывает или с царством Божиим на небе, или с утопическими представлениями о царстве справедливости на земле? Невозможность реализации гуманистических идеалов во всей полноте приводит к концепции «меньшего зла», концепции достаточно опасной из-за субъективности трактовки степени зла. А судьи кто? Кто может в обществе решить вопрос об уровне управления с точки зрения общечеловеческих принципов, а также начать поиск реальных возможностей осуществления этих принципов в жизнедеятельности настоящих и будущих поколений? Возможно – интеллигенция? Именно она может и должна стать субъектом осознания необходимости превратить властные структуры России в защитника интересов не отдельных социальных групп, а общества в целом и каждого гражданина страны. В этом ее современное предназначение, в этом ее историческая миссия. К реализации данной миссии интеллигенция подходит не с нуля. Что объединяет или должно объединить людей? Страх перед Апокалипсисом? Общая беда пассажиров тонущего корабля? Или наличие общечеловеческих ценностей, общечеловеческих интересов? В состоянии ли сегодня интеллигенция перевести идеи общечеловеческих ценностей из области мечтаний в науку, превратив их в фундаментальные принципы взаимодействия власти и общества?

К. Мангейм подчеркивал, что в трансформационных процессах общества решающим моментом становится способность мыслящих сил так творить знание и волю, чтобы преобразовать историю¹³. Мыслящие силы – интеллигенция – выдвигаются на первый план в современной динамике мирового сообщества через выполнение еще одной своей функции – функции воспитательной, функции субъекта нравственного преобразования человека и, следовательно, формирования общества, способного обеспечить сохранение человечества, а не его уничтожение¹⁴.

Интеллигентность как показатель нравственной зрелости личности отражается в способности действовать на благо общества, человека, человечества, действовать во имя реализации общечеловеческих ценностей не по внешнему велению, из боязни

кому-то не угодить, а по велению совести. Но не все так действуют. И не потому, что не хотят, а потому, что не могут.

Для интеллигенции часто основным регулятором мышления и поведения выступает не страх определенных санкций власти по отношению к ней, а иллюзорное понимание своего ролевого предназначения. В настоящее время нет ни одной сферы общественной жизни, в которой интеллигенция не играла бы заметную роль в силу специфики своей функции. Приступая к выполнению той или иной роли, интеллигенция, по крайней мере ее значительная часть, принимает в качестве личностных ценности, как бы присущие этой роли. Так, управленческая интеллигенция, став частью бюрократического аппарата, начинает руководствоваться принципами функционера определенной системы. Одновременно она теряет качество интеллигентности, ибо происходит смена нравственных постулатов. Общечеловеческая, гуманистическая направленность мышления (даже если она и существовала у данного субъекта) уступает место функционально-подчиненной морали. Естественно, что осмысление такой метаморфозы унижает личность в собственных глазах, мешает ее самоутверждению. И тогда включаются защитные механизмы, определяющие понимание именно данной клановой, функциональной морали в качестве адепта общечеловеческой. Следовательно, все, что не совпадает с ценностями этой морали, провозглашается негуманным, человеконенавистническим, нарушающим устои общества и человечества. История трансформации нравственных принципов партийно-функциональной интеллигенции при переходе статуса партий, подготавливающих революцию, в ранг партий правящих наглядно демонстрирует регулярность такой метаморфозы. Речь здесь идет не о лицемерах, приспособленцах, скрывающих свои истинные мысли под маской функционально заданных слов и действий, речь не идет о явных конформистах, меняющих направленность мышления и поведения в зависимости от требований руководящих лиц.

Было бы гораздо проще сделать интеллигенцию интеллигентной, если бы только безнравственностью или глупостью отдельных людей обуславливалась деформация ее нравственных ценностей, и именно низкой нравственной культурой определялся бы факт боязни сегодня «сметь свое суждение иметь».

Но дело в том, что к страху репрессий присоединяется страх недобросовестного выполнения своего ролевого предназначения. И это относится не только к интеллигенции аппарата управления, но и к инженерно-технической, творческой, научной. Так, обществоведческая интеллигенция, связывая свою роль с функцией идеологической, искала и ищет, находила и находит обоснование принимаемым политическим решениям. И не только обоснования, но и методы реализации этих решений.

Поэтому неверным является тезис, будто бы интеллигенция всегда оппозиционна к власти. Она, как правило, интегрирована с нею. И только ее часть – интеллигентная интеллигенция – оппозиционна ко всему антигуманному, независимо от того, кто является носителем антигуманизма – власть или ее оппозиционеры. Имена Коперника и Маркса, Золя и Пастернака, Сахарова и Эйнштейна, Михайловского и Чайнова и многих, многих подлинных интеллигентов, для которых приоритет общечеловеческих ценностей был независим от ролевого статуса, которые, более того, гуманистические нравственные ценности реализовали в своей профессиональной и общественной деятельности, свидетельствуют о наличии глубоких корней подлинной интеллигентности. Тонкая, но все же довольно крепкая нить совести, как основы единства мыслей, чувств и действий, связывает гуманистически ориентированную интеллигенцию современной эпохи с гуманистическими традициями России, с идеалами человечества.

Роль интеллигенции сводилась к оппозиционным господствующему режиму концепциям и действиям. Именно поэтому интеллигенция рассматривалась как антипод государственности. В первой половине XX века эта традиция несколько меняется и дополняется включением еще одной важнейшей функции интеллигенции: управление обществом, то есть государственное управление требует глубокого осмысления сущности, причин развития конкретного общества, возникающих тенденций и перспектив его дальнейшего существования. А для этого необходим определенный, достаточно высокий уровень знаний, интеллекта и понимания нравственных критериев и границ реализации государственных функций. Этими качествами может и должна обладать интеллигенция в силу ее многословного и разноклассового происхождения, полученного образования, формирования в ней такого качест-

ва, как «многофункциональная рациональность» (К. Мангейм), которая предполагает направленность на социально значимую деятельность, деятельность не столько для реализации своих целей, сколько для реализации интересов личности и общества.

В связи с этим возникает необходимость и возможность вхождения интеллигенции во властные структуры при сохранении своей интеллигентности, то есть нравственной зрелости. Такое сочетание становится особо целесообразным с развитием цивилизации, с ростом технологической оснащенности общества, способной обусловить не только созидательную, гуманистически направленную политику, но и разрушительную. Этот принцип особенно важен для современного исторического этапа, когда мировое сообщество обладает такими технологиями, которые могут поставить под вопрос само существование человечества. Вот почему XXI век опровергает тезис многих теоретиков о том, что если интеллигент хочет сохранить свою сущность, он должен уходить от политики, быть в оппозиции к власти, так как политика и нравственность – антиподы. Сегодня такое противопоставление социально опасно для человечества в целом и для России в частности. Поэтому современный этап функционирования мирового сообщества предьявляет новый социальный заказ к интеллигенции: интеллигенция должна идти во власть во имя сохранения человечества – в этом ее современная историческая миссия.

Конечно, только фантасты могут предположить, что беспринципность, безнравственность, неинтеллигентность, присущие до сих пор в значительной мере субъектам власти, моментально изменятся только благодаря призыву: политики, будьте интеллигентными, интеллигенты, идите во власть! Потребуются еще многие годы, большие усилия для реализации принципа вовлечения в структуру власти интеллигентной интеллигенции. Но можно спрогнозировать, что появление государственных деятелей в России, ориентирующихся не на следующие выборы, а на следующие поколения, на реализацию принципов подлинного демократизма и гуманизма, сделают эти принципы основой исполнения своих функций, а для этого начнут с подготовки и введения во все сферы государственной власти субъектов, личностные качества которых представляют собой сочетание образованности, профессионализма, творческого интеллекта и глубокой

нравственной зрелости, то есть тех, кто действительно является представителем интеллигентной интеллигенции.

Что может и что должен сделать этот новый субъект государственной власти? На наш взгляд, прежде всего, изменить целенаправленность государственной политики: от народа вообще, среднестатистических данных о жизненном уровне населения, от принятия «экспериментальных» законов, результативность которых проверяется на миллионах граждан, перейти к социальной политике, которая подразумевает рассмотрение общества с позиций интересов личности и социальных групп со всеми их социальными (социально-психологическими, социально-этническими, социально-демографическими, социально-профессиональными и др.) детерминантами.

XX век – век научно-технической революции – создал основу формирования информационной цивилизации, предполагающей повсеместную образованность, информированность, интеллектуальность личности как факторы превращения «социального тупицы» в активного субъекта исторического действия, понимающего, что принципом дальнейшего сохранения и развития человечества является гармония интересов личности и общества, отсюда направленность государственной политики на реализацию этих взаимосвязанных и взаимообусловленных интересов. Именно включение в структуру государственной власти интеллигентной интеллигенции может обеспечить такую государственную политику, каждый аспект которой будет пронизан социальнойстью.

Это утверждение никоим образом не предполагает исключения из состава законодательных и исполнительных органов государственной власти представителей рабочего класса, бюрократического аппарата, крестьянства, военных, молодежи и других социальных групп, но при условии наличия у них духовно-нравственных качеств. К ним в первую очередь относятся гражданственность, чувство долга, ответственность, порядочность, совестливость и др.

Эти общепризнанные в обществе духовно-нравственные качества, то есть качества интеллигентности, присущи, как пишут И. И. Осинский и М. И. Добрынина, и с утверждением которых в полной мере мы солидаризируемся, «не только представителям интеллигенции, но и части рабочих, крестьян, предпринимателей,

других социальных групп. При этом, обладая качествами интеллигентности, они не перестают быть рабочими, крестьянами, предпринимателями <...> Что касается интеллигенции, то наличие у ее представителей данных качеств является обязательным. В противном случае они лишаются статуса интеллигентов в полном смысле этого слова»¹⁵. Возникает вопрос, почему на современном этапе развития России стало насущной необходимостью сделать интеллигентную интеллигенцию субъектом государственного управления, то есть ее изначальную функцию – критика власти – заменив функциями субъекта власти, способного изменить целенаправленность деятельности властных структур.

Динамику ментальности российской интеллигенции детально проанализировал еще в 1994 году вице-президент РОС, доктор социологических наук, профессор Н. Е. Покровский в докладе на международной конференции «Культура и революция. Русская цивилизация до, во время и после советской эры» в Орегонском университете (США).

По его мнению, интеллигенция представляет собой общественный слой, большую группу людей, главным занятием которых является продуктивная умственная деятельность, рассматриваемая в широком нравственном контексте. Для данной социальной группы нравственные поиски стали своего рода социальным предназначением. Н. Е. Покровский подчеркивает, что интеллигенция – понятие чисто российское, не имеющее прямых параллелей в иных культурах.

Уникальная историческая природа русской интеллигенции, характеризующаяся великими нравственными открытиями, горением мысли и чувства, трагическими противоречиями, осложнявшими ее положение в обществе, создала почву для возникновения выдающейся российской культуры и сформировала систему духовных ценностей, общекультурный нравственный фон, на котором развивались происходившие в XIX и XX веках все исторические события российской действительности.

Общеизвестно, что Русская революция 1917 года была детищем русской интеллигенции. Революция представлялась ей как тотальный переворот от социальной системы, очищение от старых ценностей, от «распутинщины» и как создание нового, направленного на благополучие народа, государства. А реально-

стью стал быстро укрепившийся в Советской России бюрократически-тоталитарный режим, который фактически интеллигенция, не ведая того, что творит, привела к власти.

В современной России удачливые интеллигенты отходят от своих прежних занятий. Материальный успех приходит к ним не столько по линии высокого профессионализма, сколько в системе удачного менеджмента, выбора партнеров, поиска рынков сбыта и т. д. Происходит, как подчеркивает Н. Е. Покровский, «перерождение» российской интеллигенции, превращение ее в присущую Западу группу интеллектуалов.

Таким образом, уничтожается основная социальная функция интеллигенции – аккумуляция нравственного сознания и нравственной деятельности.

В качестве вывода в докладе Н. Е. Покровского отмечается, что в России проявилась тенденция отделения классического («интеллигентского») культурного населения от новой духовно-интеллектуальной и нравственной ситуации в России конца XX века. Говоря проще, мир «излишней» нравственности, созданный российской интеллигенцией XIX и начала XX века и в превращенной форме сохранившийся даже в условиях тоталитарного строя после Октября 1917-го, ныне теряет свою социальную основу и нравственную устойчивость. Он распадается и уходит со сцены¹⁶.

С таким выводом Н. Е. Покровского мы не можем согласиться в связи с тем, что он не соответствует той ситуации, которая сложилась в современной России. Изучая более сорока лет проблемы становления, развития и направленности деятельности российской интеллигентной интеллигенции на протяжении двух столетий¹⁷, мы обратили внимание на стремление не только субъектов властных структур, но и ученых, литераторов, журналистов и других представителей различных отрядов интеллигенции отрицать теоретические обоснования «миссии» интеллигентов и историческую практику ее реализации в России. Это не случайно. Ибо, с одной стороны, деятельность интеллигентов была реальной угрозой сохранению существующих «порядков», субъектами которых являлась сложившаяся оппозиция такой интеллигенции. А с другой – не обладая способностью критического осмысления своих действий и в связи с этим взятия на себя ответственности

за благополучие народа и страны, оппозиция (особенно властная) абсолютизировала свое мнение по поводу перспектив и субъектов развития общества, считая, что именно она владеет истиной в последней инстанции.

Все вышеизложенное подтверждает тот факт, что одним из основных и достаточно тревожных процессов, наблюдаемых в настоящее время, является размывание интеллигенции. Этот процесс идет по следующим направлениям.

Первое связано со становлением новой российской государственности, в ходе которого многие представители интеллигенции уходят во властные структуры, переставая быть собственно интеллигенцией, становясь чиновничеством, бюрократией, номенклатурой. Второй путь «ухода» интеллигенции вызван тем, что в условиях перехода к рынку, в связи с резким падением уровня зарплаты в госсекторе экономики, не имея возможности обеспечить себя, семью материально, многие представители интеллигенции меняют профессию, уходят в коммерческие и т. п. структуры, т. е. уходят из сферы интеллектуального труда. Третье направление – это внешняя эмиграция, отъезд за рубеж специалистов, ученых, писателей, деятелей культуры, т. е. речь идет о потере страной людей, обладающих талантами, умениями, профессионализмом, компетентностью. Последствия этих процессов чрезвычайны – разрушение интеллектуального, нравственного фонда России, отбрасывание ее на многие годы назад.

С одной стороны, названные тенденции и пути «ухода» интеллигенции являются следствием экономических и политических преобразований в нашей стране, в ходе которых идет формирование новой социальной структуры, появляются новые социальные слои и группы, вбирая в себя вчерашних «бюджетных» интеллигентов. Это процесс объективный и воспрепятствовать ему невозможно. В то же время настораживают некоторые «антиинтеллектуальные» и «антинаучные» мнения и настроения, складывающиеся как в обществе, так и в государственной политике.

Для российского общества и российского государства последние десятилетия XX и начала XXI века были годами тяжелого и затяжного кризиса. Они характеризовались не только увлечением политическими проблемами, но и явным конфликтом нравственных позиций определенной части интеллигенции (интели-

гентной) и новых экономических реформ. Кризисные отношения в обществе усугубились крушением национальной экономики и полным распадом потребительского рынка. Бедность, которая была серьезной проблемой еще во времена перестройки, стойко возросла в постперестроечном периоде как результат резкого сокращения выпуска отечественной продукции и общего повышения цен. Произошла резкая дифференциация общества, 10 % населения представляют собой олигархическую элиту с невероятными даже для Запада миллиардными доходами. По данным статистики, 30 % населения находится за чертой бедности, а социологические исследования эту цифру удваивают.

Наблюдается процесс перехода относительно богатых в разряд наиболее бедной части российского населения, которому особенно подвержены такие социальные группы, как квалифицированные и неквалифицированные рабочие, работники сельского хозяйства и специалисты с дипломами, т. е. интеллигенция.

В процессе реформации российского общества решающим моментом является способность мыслящих сил так творить знание и волю, чтобы преобразовать историю. Мыслящие силы – интеллигенция – выдвигаются на первый план в перестройке общества через выполнение еще одной своей функции – функции воспитательной, функции субъекта нравственного преобразования человека. Ибо без высокого уровня интеллектуального, профессионального и нравственного потенциала личности экономика XXI века мертва, а общество обречено на вымирание.

Для одних нравственная революция начинается, других она вообще не коснулась. Интеллигентность как показатель интеллектуальной и нравственной зрелости личности отражается в способности действовать на благо общества, человека, человечества, действовать во имя реализации общечеловеческих ценностей не по внешнему велению, из боязни кому-то не угодить, а по велению совести. Именно такая мотивация обуславливает творческую, самостоятельную деятельность, без которой не может быть развития ни одной сферы общества, и прежде всего экономической, т. е. действия подневольные, действия раба далеки от созидания.

В связи с вышеизложенным следует акцентировать внимание на еще одном аспекте взаимоотношения определенной части интеллигенции (скорее профессионалов) с властью – это осознание

степени своей социальной ответственности перед обществом, перед народом, который во многом доверяет ей или ее представителям решать социальные проблемы, в нашей ситуации – проблемы изменения общества. И в этом случае происходит излишняя включенность интеллигенции в политическую борьбу, а значит, действие уже не в качестве профессионала-специалиста, а в качестве профессионального политика, что резко снижает эффективность социальной деятельности, уводит ее от общечеловеческих интересов в сферу интересов групп, борющихся за власть. В этой сфере некоторые отряды интеллигенции, действуя в интересах политических групп, разумеется, используют свои профессиональные возможности в большей степени. Речь идет, прежде всего, о журналистах, литераторах, ученых-экономистах, о политологах и социологах, историках, этнографах и, конечно, юристах. На представителях этих профессиональных групп лежит громадная ответственность, так как они в большинстве своем должны предвидеть социальные последствия многих, если не всех политических действий и кампаний. А если они этого не делают или уже не сделали, то это может быть объяснено или тем, что они целиком перешли на базу групповых интересов, т. е. перестали быть интеллигентами, или тем, что они не смогли этого сделать, т. е. они и не были интеллигентами по уровню своих нравственных принципов.

Проведенный анализ основных процессов, имеющих место среди российской интеллигенции в период трансформации общества, позволил сделать вывод о том, что основным субъектом государственной власти должна и может стать интеллигентная интеллигенция, существенными чертами которой являются, прежде всего, моральные свойства: высокие нравственные качества, толерантность, высокий уровень культуры и стремление посвятить свою деятельность на благо общества. И это не миф и не утопия, а реальность для России. Наша надежда на реализацию основной миссии интеллигентной интеллигенции обусловлена в определенной степени содержанием отдельных выступлений, обращений, посланий президента В. В. Путина: в своем Послании Федеральному Собранию 27 апреля 2007 года Президент обратил внимание на тот факт, *«что духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность»*.

Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи – когда у него есть общая система нравственных ориентиров... Решая стоящие перед нами задачи и используя при этом все самое современное, все самое новое, генерируя эту новизну, мы вместе с тем должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю. Только в этом случае мы сможем правильно определить ориентиры развития страны. И только в этом случае нас ждет успех»¹⁸.

Но следует подчеркнуть, что для решения выше обозначенных Президентом задач необходима несколько иная направленность деятельности властных структур, которая возможна в случае существенного изменения ментальности их субъектов.

Панацеей от многих бед общества считают становление и развитие демократического государства. Эту задачу поставил в числе первоочередных Президент РФ еще в Послании Федеральному Собранию 25 апреля 2005 года: *«Главной политико-идеологической задачей считаю развитие России как свободного, демократического государства... Надо было решить труднейшую задачу: как сохранить собственные ценности, не растерять безусловных достижений и подтвердить жизнеспособность российской демократии. Мы должны были найти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства... Убежден, для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей»¹⁹.*

Идеи демократии всегда были привлекательны для населения, ибо они предполагали предоставление власти народу. Но практика построения демократических государств не соответствовала сущности и принципам демократии. Результативностью демократического устройства общества должна стать, прежде всего, социальная справедливость. Существующая в современных, так называемых, демократических государствах социальная поляризация, обусловленная богатством и властью немногих на фоне бесправия и нищеты большинства, разрушает миф о прогрессирующей демократизации различных стран мирового сообщества. Сущностью демократии в прошлом и пока еще в настоя-

шем является ситуация, когда власти уже не назначаются определенной кастой, а выбираются невежественным большинством (Б. Шоу), а цель демократии – одурачивание народа при помощи народа, ради блага народа (О. Уайльд).

Подлинная демократия включает в себя, прежде всего, социальную справедливость и действия правительства, направленные на благополучие всех социальных групп и каждой личности. При этом принципом политических лидеров должен стать девиз Дж. Ф. Кеннеди: «...Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, – спроси себя, что ты можешь сделать для своей страны»²⁰. Именно с правления этого президента начались реформы, направленные на борьбу с бедностью, за гражданские права, за равенство возможностей, за социальную справедливость. Но это возможно в случае трансформации нравственных качеств субъектов власти и, соответственно, граждан страны²¹.

В. В. Путин неоднократно акцентировал внимание на необходимость ориентации общества на человеческий потенциал, его интеллект, моральный уровень как факторы построения подлинного демократического общества. Так, например, в послании Федеральному Собранию РФ в апреле 2007 года В. Путин говорит: *«...Многие согласятся со мной в том, что, решая стоящие перед нами задачи и используя при этом все самое современное, все самое новое, генерируя эту новизну, мы вместе с тем должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности... Только в этом случае мы сможем правильно определить ориентиры развития страны. И только в этом случае нас ждет успех»*.

В этом Послании в отличие от Послания 2005 года акцентируется внимание не на развитии демократии, а на становлении *«дееспособного гражданского общества. Это – строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей. Это – становление свободного и социально ответственного предпринимательства. Это – борьба с коррупцией и терроризмом, модернизация Вооруженных сил и правоохранительных органов. Это, наконец, значимое укрепление роли России в международных делах»*. При этом В. В. Путин подчеркивает роль интеллигенции в формировании политической культуры и культуры общества и личности. *«Пережитый страной длительный экономический кризис тяжело сказался на по-*

ложении российской интеллигенции, на состоянии искусства и литературы, народного творчества. Прямо скажем, эти трудности едва ли не привели к исчезновению многих духовных, нравственных традиций России. Между тем отсутствие собственной культурной ориентации, слепое следование зарубежным штампам неизбежно ведут к потере нацией своего лица. “Государственный суверенитет определяется, в том числе и культурными критериями”, – так писал Дмитрий Сергеевич Лихачев»²².

В этом Послании В. В. Путин подчеркнул роль интеллигенции в форсировании социально справедливой государственной политики, направленной на создание достойных условий жизнедеятельности личности и социальных групп. Поставленные Президентом перед властными структурами задачи могут быть выполнены, на наш взгляд, в случае изменения субъекта власти, основой которой станет интеллигентная интеллигенция. Хотим надеяться, что высказанные в Послании принципы направленности деятельности государственной власти не останутся политическими декларациями, а станут реалиями российской системы социально-политического управления. Но для этого необходимы желание и действия определенной части интеллигенции взять на себя ответственность за создание комфортных условий жизнедеятельности российского общества.

Пойдет ли современная российская интеллигентная интеллигенция в структуры власти? Или останется ее критиком. Сегодня критиком быть легче, чем субъектом власти – в концлагеря не сажают, за границу не высылают, печатные издания предоставляют, соблюдая свободу слова. Но мы считаем, что позиция только критика является в настоящее время определенным предательством идеалов прошлого и вызовом современности. Пусть девизом российской интеллигенции станет известный афоризм: «Если я не за себя, то кто же за меня. Но если я только за себя – зачем я!»

Примечания

¹ Антонов М. Уроки на будущее // Лит. газ. 2007. № 7. 21–27 февр.

² Там же.

³ Елпатьевский С. Я. Из разговоров об интеллигенции. СПб., 1904. С. 68.

⁴ Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция? Берлин, 1920. С. 11; Он же. Что такое «махаевщина»? СПб., 1908. С. 146–147.

- ⁵ Подберезкин А., Иванов Е. В поисках нового алгоритма развития // Свободная мысль – XXI. 2005. № 3. С. 103–104.
- ⁶ Исследование проведено в октябре – ноябре 1989 года сотрудниками ИС АН СССР под руководством В. А. Мансурова. Оперативная информация: Интеллигенция о социально-политической ситуации в стране (данные эмпирических исследований 1989–1990). М., 1990.
- ⁷ Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти, традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000. С. 90–142.
- ⁸ Там же. С. 94–103.
- ⁹ Сенокосов Ю. Власть как проблема: Опыт философского рассмотрения. М., 2005. С. 50–52.
- ¹⁰ Дилигенский Г. Г. Демократия на рубеже тысячелетий // Политические институты на рубеже тысячелетий (XX–XXI вв.). Дубна, 2001. С. 27–44.
- ¹¹ Мы взяли в кавычки слово «элита», так как считаем, следуя его этимологии, что субъекты властных структур не являются лучшими представителями общества, и поэтому целесообразно считать их политическими лидерами.
- ¹² Дилигенский Г. Г. Указ. соч.
- ¹³ Mannheim K. Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus. Leiden, 1935. S. 31–32.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Осинский И. И., Добрынина М. И. Интеллигенция и нравственность // Интеллигенция и нравственность. М.; Улан-Удэ, 2005. С. 10.
- ¹⁶ Покровский Н. Е. Доклад на международной конференции «Культура и революция. Русская цивилизация до, во время и после советской эры» в Орегонском университете (США). 1994.
- ¹⁷ Барбакова К. Г. Капитализм и интеллигенция. М., 1978; Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Молодой интеллигент социалистического общества. М., 1981; Барбакова К. Г., Мансуров В. А. Интеллигенция и власть. М., 1991; Барбакова К. Г., Мансуров В. А. Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия. Курган, 2007.
- ¹⁸ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Рос. газ. 2007. 27 апр.
- ¹⁹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Рос. газ. 2005. 25 апр.
- ²⁰ См.: Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. М., 2005. С. 362.
- ²¹ Там же. С. 333–371.
- ²² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Рос. газ. 2007. 27 апр.

БЕЗ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НЕВОЗМОЖНО ВОЗРАСТАНИЕ ДУХА (Интервью В. П. Ракова с О. И. Федотовым)

Олег Иванович Федотов – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского института открытого образования, член Союза писателей России, член-корр. Международной Академии педагогического образования. Многие годы преподавал в разных педагогических вузах России: Елабужском педагогическом институте, Владимирском педагогическом институте, Московском педагогическом государственном университете, где в 1971 году защитил кандидатскую диссертацию «Фольклорные и литературные корни русской рифмы», а в 1985 – докторскую «Проблема происхождения русского литературного стиха». Работал также – большей частью одновременно – в Московском городском педагогическом университете, Московском экстерном университете, Московском гуманитарном педагогическом институте. 9 лет провел в Польше как профессор Академии имени Яна Длугоша в Ченстохове.

Свою педагогическую деятельность Олег Иванович успешно сочетал с научной. Список его ученых трудов приближается к трем сотням, среди них издано и переиздано два десятка книг, в основном весьма популярных учебников по теории и истории русской и зарубежной литератур. В 70–80-е годы активно выступал как литературный, театральный и кинокритик. Научный кругозор Федотова необычайно широк. Среди своих учителей он числит Александра Ивановича Ревякина, аспирантом которого был, Алексея Федоровича Лосева, с которым общался в стенах МГПИ будучи аспирантом, Сергея Сергеевича Аверинцева, лекции которого прилежно посещал в это же время, Ефима Григорьевича Эткинда и Михаила Леоновича Гаспарова, которые оппо-

© Раков В. П., Федотов О. И., 2008

Федотов Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского института открытого образования.

Раков Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Интеллигенция и мир».

нировали его кандидатскую диссертацию, Леонида Ивановича Тимофеева и Владислава Евгеньевича Холшевникова, от которых воспринял строгую науку стиховедения, Дмитрия Сергеевича Лихачева и Александра Михайловича Панченко, приобщивших его к медиевистике.

В 2002–2003 годах вышли два его двухтомных фундаментальных труда. Сначала в издательстве «Флинта-Наука» появились «Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха»: первый том посвящен проблемам метрики и ритмики, второй – строфики. Затем издательство «Владос» выпустило еще один двухтомник «Основы теории литературы»: первый том описывает учения о литературном творчестве и литературном произведении, второй – о стихосложении и литературном процессе. В настоящее время готовится его второе – исправленное и дополненное – издание. Однако самым востребованным учебником профессора оказался учебник-хрестоматия «История западноевропейской литературы средних веков». С 1999 года издательство «Флинта-Наука» выпускает его в пятый раз!

Один из ведущих отечественных стиховедов, О. И. Федотов отдает явное предпочтение строфике, посвятив большую часть своих последних трудов теории и истории сонета. В издательском портфеле РГГУ ждет своей очереди обобщающая монография «Сонет» объемом в 30 авт. листов.

Под научной опекой Федотова защитили кандидатские и докторские диссертации два десятка его учеников.

Предлагаем читателям текст беседы с московским профессором, посетившим редакцию.

Валерий Раков: Олег Иванович, мы знакомы едва ли не со студенческих лет. Наши аспирантские годы были, как мне теперь представляется, своеобразным духовным порывом, позволившим преодолеть господствовавшие на исходе 60-х годов стереотипы в мышлении. Стиховедение, в частности, и поэтика, вообще, считались табуированными областями филологии. Однако, не страшась запретов, мы смело двигались именно в этом направлении. Несколько позднее успех был развит и в наших диссертациях, сначала кандидатских, потом – докторских, ну, и, разумеется, в статьях и книгах. Ныне, слава Богу, иное время!

Тем не менее, среди коллег все чаще слышатся сетования: исчезает преемственность поколений ученых, редуцируется фундаментальность исследований, да и роль гуманитарных наук в общем, как сейчас говорят, культурном пространстве неудержимо падает. Так ли это?

Олег Федотов: Дорогой Валерий Петрович, действительно, много воды утекло с тех пор, как наш незабвенный шеф, Александр Иванович, наставлял нас, что если к формальным делам все-таки можно относиться формально, то изменять своему призванию – просто преступно. 60–70-е годы, на которые падает время нашего духовного становления, получили совсем не героическое наименование «эпохи застоя». И до аспирантуры и после нее мне лично тошно было слышать, что мы-де работники идеологического фронта, что литературоведение – наука партийная, поскольку партийность – неотъемлемое свойство художественной литературы. Трижды ко мне приступали с предложением вступить в КПСС, но каждый раз я находил благовидный предлог для отказа. Вместо лекции на каноническую тему «Классовость и партийность художественной литературы» в курсе Введение в литературоведение, помнится, я с неизменным успехом проводил диспут Мистера Смита (американского гостя) со всей группой. Как правило, аполитичный Мистер Смит, обыкновенно самый думающий студент, посрамлял запальчивых, но не слишком убежденных адептов идеи партийности. Правда, в их сомнительной роли однажды пришлось оказаться мне самому. Декан филологического факультета Владимирского пединститута Р. Л. Засьма, как бы в отместку за мою безответственную позицию, направила меня в университет марксизма-ленинизма прочитать лекцию для творческой интеллигенции города именно на эту ненавистную для меня тему. Мне удалось, однако, выкрутиться из столь незавидной ситуации весьма нетривиальным способом. Я начал свою речь с цитаты из Якова Полонского:

Писатель, если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.

Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода!

После чего обратил внимание присутствующих на то, что если даже сторонник «чистого искусства» не чужд тенденциозности, то она в той или иной мере присуща всем писателям без исключения, как прогрессивно мыслящим, так и реакционерам. Поэтому партийность, под которой надо понимать осознанную или неосознанную тенденциозность, может быть и коммунистической, и фашистской, и абстрактно-гуманистической, и пр. Больше меня на такие мероприятия не засылали, я получил от родного декана очередную взбучку, а потом в виде мягкого наказания в принудительно-добровольном порядке отправлен на обучение в тот же самый университет. Но и там я умудрился провести время с немалой для себя пользой. Определившись на факультет этики и эстетики, я посещал исключительно лекции по этике профессора Ю. В. Согомонова, который научил меня, как можно увлекательно говорить о самых абстрактных теоретических категориях... Стихийным протестом против насильственной идеологизации литературоведческой науки была и моя «эмиграция» в стихопэтику. Моя кандидатская диссертация, например, невинно начиналась не с традиционных ссылок на авторитет пресловутых классиков, а с риторического вопроса «Откуда есть пошла русская рифма?»).

Что касается оценки фундаментальности исследований нынешнего времени, я бы все же поостерегся от погружения в однобокий пессимизм. Да, соглашусь, теория литературы в известной мере уступила и продолжает уступать свои позиции. То, что сделали в 60-е годы молодые дерзкие теоретики из ИМЛИ (В. В. Кожин, П. В. Палиевский, С. Г. Бочаров и др.), выпустив грандиозный коллективный труд «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении» (М., 1962, 1964–1965), теперешним их сверстникам не под силу. С другой стороны, не могу не восхищаться исследованиями совсем еще юных докторов наук, ознаменовавших свой приход в большую науку серьезными, теоретически оснащенными монографиями. К Вашему докто-

ранту Д. Л. Шукурову, только что защитившемуся («Концепция слова в дискурсе русского авангарда». СПб.; Иваново, 2007), и его оппоненту, тоже Вашему ученику, В. П. Океанскому, а также ученому секретарю Вашего Ученого совета Е. М. Тюленевой («Пустой знак в постмодернизме: теория и русская литературная практика». Иваново, 2006) могу присоединить еще несколько перспективных ученых, которым исполнилось от 35 до 40 с небольшим лет. С ними меня сводила судьба в самое последнее время... Таковы, в Казани – А. Н. Пашкуров («Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: эволюция и типология». Казань, 2004) и В. Н. Крылов («Русская символистская критика (1890–1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика». Казань, 2005), уже защитившие свои докторские диссертации, и А. Э. Скворцов («Игра в современной русской поэзии». Казань, 2005), готовящийся к защите; в Ярославле – Е. М. Болдырева («*Memini ergo sum*: Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма». Ярославль, 2007); в Краснодаре – О. Н. Мороз («Генезис поэтики Николая Заболоцкого». Краснодар, 2007); в Ставрополе – Я. В. Погребная (автор трех превосходных монографий: «Поиски “Лолиты”»: герой – автор – читатель – книга на границе миров». М., 2004; «“Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...”». Лирика В. В. Набокова». Ставрополь, 2005; «Неомифология В. В. Набокова: Способы литературоведческой идентификации особенностей художественного воплощения». Ставрополь, 2006), А. В. Останкович («Гармония сонета». М., 2005); в Благовещенске – А. А. Забияко («Синэстезия: метаморфозы художественной образности». Благовещенск, 2004 и «Тропа судьбы Алексея Ачаира». Благовещенск, 2005). С удовлетворением отмечу: трое последних – мои ученики. Так что с фундаментальностью литературоведческих исследований и преемственностью поколений не так уж и плохо!

В наше время выходить на докторскую защиту до 40 лет считалось дурным тоном, маститые корифеи настаивали на том, что гуманитарные знания, как хороший коньяк, должны выстояться. Что ж изменилось теперь? Поввысился ли интеллектуальный уровень ученых или понизились критерии оценки результатов их научного творчества? Выскажу внешним образом парадоксальное

соображение. Саморазвивающаяся система аттестации научной квалификации в нашей стране превентивно адаптируется к неизбежной отмене двухступенчатого обретения докторской степени. Для чего, в самом деле, дважды доказывать свою научную состоятельность? Предвижу, что уже в самом ближайшем будущем ВАК отменит институт кандидатства. Да и сама процедура защиты, скорее всего, перестанет быть такой громоздкой и дорогостоящей. Свой докторский «кирпич» соискатели в большинстве своем попросту дублируют в монографии. Может быть, настало время присуждать докторскую степень за получившие признание специалистов труды: скажем, монография и серия полнотражных статей (в печатном и/или электронном вариантах). По заявлению соискателя ВАК поручает компьютеру выбрать дюжину компетентных экспертов в той же области знания, те мотивированно оценивают работу в баллах, которые суммируются и сопоставляются с установленным минимумом; таким образом, выносится объективный вердикт. Труд экспертов оплачивает, разумеется, претендент, который без серьезных шансов на успех поостережется бросать свои кровные на ветер. Допускаю, что могут быть и другие, может быть, и более оптимальные варианты.

В. Р.: Как и раньше, Ваше внимание сосредоточено на изучении классического наследия культуры, на вопросах современного ее прочтения и духовной актуализации. Что здесь вас обнадеживает и что вызывает тревогу?

О. Ф.: Да, действительно, в широком спектре фактического материала, к которому я обращаюсь как литературовед, классика – явный фаворит. В продолжение моего стиховедческого двухтомника я задумал написать третий том с более чем амбициозным названием «Стихопоэтика». Теоретические идеи, изложенные в первом и втором томах, где речь идет о метрике, ритмике и строфике, необходимо подвергнуть всесторонней апробации в процессе целостного анализа на классическом материале русской поэзии от Грибоедова до Иосифа Бродского. С возрастом я все более и более ловлю себя на мысли, что заниматься чистым теоретизированием, используя тексты лишь для иллюстрации и аргументации априорно выдвинутых построений, – занятие азартное, но малопродуктивное. Художественное произведение –

главный герой литературоведения. Нет ничего важнее и увлекательнее, чем его доскональный целостный анализ. Все остальное – вторично. Не привлекает меня и модное нынче увлечение перекодировкой привычных категорий и терминов на западный манер. Конечно, исследователь должен отвечать только на правильно поставленные вопросы и ответы его должны опираться на исчерпывающее знание соответствующего опыта предшественников, на объективный анализ произведения как бесконечно сложной системы составляющих его элементов, не исключая и значимо отсутствующих (то, что Ю. М. Лотман именовал минус-приемом) и, конечно, используя может быть самый тонкий, глубоко интимный инструмент – субъективную интуицию. Ученый не просто препарирует текст, но и переживает его как наиболее чуткий читатель, в идеале конгениальный автору. Как стиховед я нередко применяю и точные методы исследования, произвожу элементарные подсчеты, сверяюсь с данными статистических справочников и частотных словарей с тем, чтобы наверняка знать, является та или иная форманта результатом авторского умысла или она просто-напросто неизбежна как естественное свойство национального языка.

Объективное знание ценно, но не самоцельно. Оно должно дополняться и субъективным видением исследователя, как раз и составляющим духовную его ипостась. Не могу не напомнить, казалось бы, очевидную, но не утратившую своей актуальности мысль Ю. М. Лотмана: «Обладая способностью концентрировать огромную информацию на “площади” очень небольшого текста (ср. объем повести Чехова и учебника психологии), художественный текст имеет <...> одну особенность: он выдает разным читателям различную информацию – каждому в меру его понимания, на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном чтении. Он ведет себя как некий живой организм, находящийся в обратной связи с читателем и обучающий этого читателя» («Структура художественного текста»). То, что увидим в тексте произведения мы, его интерпретаторы, и, сопоставив со своим духовным и жизненным опытом, передадим нашим ученикам, видимо, и есть самое ценное в нашей научной и педагогической работе.

В. Р.: Почти ежедневно только и говорят о так называемой реформе высшего образования, делая упор на компьютеризацию, всякого рода тесты и прочие средства технического характера. А вот как научить молодых людей элементарной культуре мышления, зародить в них творческий импульс, любовь к эрудиции и широким горизонтам познания?.. Вы что-нибудь слышали об этом? Какими могут быть наши педагогические стратегии, способные принести плодотворные результаты?

О. Ф.: Да, дорогой друг, и для меня разговоры эти, что нож острый. От добра добра не ищут. Реформа, к сожалению, не столько улучшает положение, сколько приспособливает нашу не столь уж несовершенную в прошлом систему образования к западным, далеко не эталонным стандартам. Мне пришлось поработать за границей и посмотреть на эти стандарты, так сказать, изнутри. Результаты – просто удручающие. Польские студенты-филологи, с которыми мне приходилось иметь дело, загружены всего пять дней в неделю, а на старших курсах и того меньше, и это при 30-недельном учебном годе! К тому же в каждом семестре они имеют рождественские и пасхальные «ферии» (это еще минус как минимум две недели) и в канун нескольких праздников в первой половине дня освобождаются от занятий приказом сердобольного ректора. Я уже не говорю о так называемых «ювеналиях», когда в мае, в самые горячие дни перед летней сессией они вспоминают о традициях средневековых вагантов и напрочь забывают об учебе. Не скажу, чтобы они слишком интенсивно занимались в библиотеках самостоятельно. Естественно, на выходе получаются суперузкие дилетанты, не знающие самых элементарных вещей: ни кто такая Марина Мнишек, ни кто такая Гражина... Конечно, все плюсы и минусы Болонской системы нам еще предстоит познать в наших собственных вузах. Мне лично претит прежде всего настойчиво внедряемая у нас «тестовщина». Виданное ли дело, предлагать гуманитарии определить, какой из трех кем-то сформулированных ответов на им же самим поставленный вопрос содержит в себе истину в конечной инстанции! Кажется, таким образом ГИБДД принимает экзамены у сдающих на водительские права. То-то и гибнут у нас каждый год на дорогах десятками тысяч! Во-первых, можно, не мудрствуя лукаво, ткнуть пальцем; вероятность правильного попадания велика:

33 %. Во-вторых, любую формулировку можно оспорить и усовершенствовать. Наконец, в-третьих, мы отучаем студентов самостоятельно мыслить и оригинально, лично оформлять свои мысли. Не получим ли мы в итоге филологов, не умеющих не только писать, но и говорить? Еще одна проблема, встающая перед нами во весь свой гигантский рост, – Интернет! Зло это или благо для высшей да и средней школы? Наверное, однозначного ответа не существует. Если раньше плагиаторам надо было хотя бы потрудиться и переписать чужой текст с минимальной пользой для себя, то теперь они бездумно скачивают и элегантно принтуют его без каких-либо последствий. Слава Богу, что и для проверяющего преподавателя нет никаких проблем отыскать источник столь примитивного заимствования. Достаточно выбрать любую подозрительную фразу и запустить ее в любую информационно-поисковую систему, чтобы тайна Полишинеля мгновенно раскрылась! С другой стороны, добросовестному студенту Интернет – беспрецедентно укомплектованная библиотека, с волшебной скоростью доставляющая информация почта, феноменально эрудированный справочник, могущественный помощник и советчик или, скажем так, едва ли не второй научный руководитель. Жаль только, что основы информатики мы, как правило, постигаем от имеющих смутное представление о нашей проблематике коллег-математиков.

В. Р.: Я знаю Вас как давнего и последовательного сторонника усиления роли теоретических дисциплин в системе гуманитарного образования. Вы хорошо знаете европейские университеты и в течение длительного времени преподавали в них. Есть ли там, кроме Болонского, такой опыт, который бы следовало заимствовать с реальной пользой для нашей высшей школы?

О. Ф.: Каждый кулик свое болото хвалит... Не скажу за все гуманитарное образование, но в литературоведении теория определенно в центре системы. Долгое время преподавание литературы как в средней, так и высшей школе осуществлялось в жестких рамках литературного процесса. И школьники, и студенты маялись в бесплодных попытках рассортировать писателей по направлениям, течениям и школам, против чего протестовал еще Александр Блок: «...нельзя разграфить страничку и

занести имена лириков в разные графы. Лирик того и гляди перескочит через несколько граф и займет то место, которое разграфлявший бумажку критик тщательно охранял от его вторжения». Здесь, верно, не обошлось без оглядки на периодическую систему элементов, которую увидел во сне, наверное, самый гениальный классификатор Дмитрий Иванович Менделеев – тещь поэта... Не в том беда, что участники литературного процесса дисциплинированно выстраиваются во фронт, а в том, что они при этом утрачивают свою индивидуальность, как оловянные солдатки. Первичное приобщение как школьников, так и студентов-филологов к раскрытию сокрытой в каждом литературно-художественном произведении тайны целесообразнее поэтому осуществлять не под историческим углом зрения, а при помощи категорий поэтики. Учение же о литературном процессе уместно на самом завершающем этапе обучения, когда учащиеся вполне овладеют азами литературоведческой науки, освоятся в поэтическом мире каждого изучаемого писателя, свяжут факты биографии с эволюцией и логикой творчества, научатся различать поэтические языки и идиостили, т. е. тогда, когда в полной мере будут готовы стать профессионалами.

Европейские университеты, по большому счету, для меня Terra Incognita. В сущности, я хорошо изучил только Ченстоховскую академию. Правда, еще один семестр поработал почасовиком в Лодзинском университете, посетил с десяток различных польских университетов во время конференций, да еще прочитал одну-единственную лекцию в университете «Фридрих Шиллер» в Йене, соблазнившись тем, что с этой же кафедры читал когда-то свои лекции по эстетике... сам Гегель. Так что знакомство, понятное дело, было шапочным... Из разговоров с коллегами, однако, я вынес глубокое убеждение, что, перестраивая нашу систему высшего образования, необходимо изучить, оценить и учесть соответствующий опыт зарубежных университетов, и не только западноевропейских. В частности, может быть, не стоит переоценивать значение наших лекционных курсов (весь учебный материал все равно не втиснешь в отведенные часы, поэтому надо лишь наметить свое видение проблемы, показать, как оптимально ее решать и какие альтернативные точки зрения существуют). И – наоборот – больше доверять студенту,

самостоятельно изучающему источники и, я думаю, самое главное, надо контролировать и поощрять разнообразные формы творческих работ учебно- и научно-исследовательского характера. В Германии, например, профессор не только и не столько вещает с кафедры, сколько царственно идет навстречу студенту, предоставляя ему роскошь профессионального общения с ним. Для этого раз или два раза в неделю он отсиживает в своем кабинете обязательные часы. Хороши, на мой взгляд, и многочисленные курсы по выбору, из которых студент формирует свой индивидуальный профиль специализации.

В. Р.: Теперь мне хотелось бы ознакомить читателей журнала с Вашими размышлениями об интеллигенции, предложив несколько вопросов:

1. Считаете ли Вы существенной значимость интеллигенции в социально-политическом спектре России, и какие уроки можно извлечь из исторического прошлого этого «сословия»?

2. Видите ли Вы жизненную ценность в философии и делах «национально-мыслящей интеллигенции», не закрывая глаза на процессы глобализации?

3. Что бы Вы хотели пожелать коллегам и читателям нашего журнала на ближайшее будущее и дальнейшие перспективы?

О. Ф.: 1. Как и большинство людей, претендующих на это высокое звание в нашей стране, я ощущаю себя интеллигентом в первом поколении. Мои родители не имели высшего образования, не говоря уже о дедах и прадедах, но, скажем так, врожденной интеллигентностью духа и соответствующими нравственными качествами обладали вполне. Когда была опубликована моя первая книжка, отец, помнится, произнес поразившую меня фразу: «Хоть одна моя буква в этом твоём труде есть. Значит, и я не зря прожил свою жизнь». Заглядывая теперь в ту эпоху, когда отец мой и мать, уроженцы Жиздринской деревушки с мрачным названием Мурачевка, отважно покоряли Москву, я отчетливо вижу современную им интеллигенцию: инженеров на мебельной фабрике, где они работали, учителей в вечерней школе, где они изо всех сил боролись с деревенской темнотой и отсталостью, и, вполне возможно, деятелей культуры, с произведениями которых они так или иначе знакомились. Была ли эта интелли-

генция особым, сознающим свою высокую миссию, консолидированным сословием? Не думаю. Разве что за редким исключением. Исконная русская интеллигенция, пережившая в эпоху Серебряного века невиданный ренессанс, частично была истреблена, частично оказалась в эмиграции, частично низведена до жалкого прозябания (вспомним карикатурные образы «инженера» Виктора Михайловича Полесова из «Двенадцати стульев» и «гуманитария» Васисуалия Лоханкина из «Золотого тельца»!). Так называемая рабоче-крестьянская интеллигенция еще только набиралась ума-разума. В условиях сознательно насаждаемого классового антагонизма она стыдливо именовала себя «социальной прослойкой», испытывая комплекс неполноценности вместо того, чтобы по праву гордиться своим интеллектуальным трудом. В полной мере она разделила трагическую судьбу обманутого господствующей идеологией народа, но и вина ее за покорное бездействие и идеологическое обслуживание преступного режима, с горечью надо признать, была тем выше, чем образованнее были отдельные ее представители и, следовательно, глубже и объективнее могли оценить реальную ситуацию.

В настоящее время отечественная интеллигенция, хотелось бы надеяться, осознала всю свою значимость как выразителя ума, чести и совести народной и неизбежную ответственность за судьбы России. При этом есть, конечно, в нашей среде немало «образованцев», предпочитающих не утруждать себя трудной работой души и сердца, бездумно подыгрывающих власть предержащим и аккуратно снимающих дивиденды с полученных когда-то синих и красных корочек. Впрочем, мы, преподаватели высшей школы, особенно гуманитарии, несем львиную долю ответственности за качественную сторону сословия, которому в обществе принадлежит духовное лидерство.

2. Не совсем понимаю, что за зверь такой «национально-мыслящая интеллигенция». Одинаково возможны два варианта: 1) интеллигенция, мыслящая в национальном масштабе, т. е. радующая за родину, за Россию, активно вразумляющая правителей и просвещающая елико возможно народ. Только такую интеллигенцию я и признаю и хочу хотя бы в малой, посильной для меня степени к ней принадлежать; 2) интеллигенция, отстаивающая исключительно узко-национальные интересы, неважно – русских,

татар, евреев – я в этом варианте предпочитаю пользоваться термином «национально озабоченная интеллигенция»; здесь я, как говорится, пас: гордиться своей принадлежностью к той или иной национальности для меня все равно, что гордиться своим полом, ростом или цветом глаз. При этом космополитом тоже я никогда не был и быть не желаю. Поэтому более всего я болею – последовательно – за свою семью, друзей, родной город, за русских, россиян, за славян, восточных, южных и западных, за Европу и т. д. до Вселенной. Мне кажется это естественным и справедливым и никак не ставящим под сомнение мою причастность к «национально-мыслящей интеллигенции», в первом значении этого понятия. С особой остротой я почувствовал боль за Россию будучи польским профессором. Связь с родиной мне обеспечивал исключительно Интернет; только в последние два года я налачился слушать «Эхо Москвы», а до того по-русски со мной разговаривали только радиоголоса: «Свобода», Би-би-си, «Немецкая волна» и «Голос Америки». Иногда, как в насмешку, прорывалась какая-нибудь Южная Корея, а наши радиостанции подавленно молчали. Та информация, которая до меня доходила, по своей тенденциозности и обличительной стилистике ничем не отличалась от продукции тех же голосов 20-летней давности. Чашу моего терпения переполнил, однако, соотечественник игумен из Петербурга Вениамин (Новик), который приехал в Ченстохову на конференцию «Наследие христианского Востока и Запада» и обрисовал «социально-политическую и церковную ситуацию в России» самыми черными красками. Тут мне пришлось напомнить ему известные слова Пушкина: *«Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство»*. То же самое, полагаю я, если еще не в большей мере, относится к россиянину, приехавшему жаловаться на свое отечество ляхам.

К стыду своему, не очень-то я понимаю, и что такое глобализация и почему она вызывает такие неистовые протесты главным образом у молодых людей во всех цивилизованных странах. Ведь никому же не приходит в голову протестовать против цивилизации, потепления климата или того же Интернета. Противиться неизбежному глупо и смешно. Наверное, если понимать под глобализацией закономерный процесс интеграции мировой про-

мышленности, финансовой системы, рынка природных ресурсов и, не в последнюю очередь, культуры, то интеллигенция как самая разумная часть общества, конечно, должна считаться с ней и исподволь готовить своих соотечественников к гармоничному сочетанию национального и интернационального. Кстати, именно Пушкин представляется мне идеалом русского интеллигента, гармонично сочетающего в себе любовь к родине и всемирную отзывчивость. Так что, вперед к Пушкину!

3. Что я могу пожелать редколлегии и читателям Вашего замечательного журнала? Ясного видения цели, энергии для ее достижения и вдохновенного творчества для неуклонного возрастания духа!

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

О. А. Никонов

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ

Проиграв в двух войнах с Россией, Иран в середине XIX в. переживал серьезный экономический кризис. Отсутствие собственных квалифицированных кадров не позволяло стране восстановить национальную хозяйственную жизнь, осуществить необходимую модернизацию армии, создать промышленность европейского образца, соорудить фабрики, построить железные дороги и современные морские порты, решить проблемы образования и медицины.

По поручению шахских властей иранские дипломаты во Франции и Англии попытались приступить к вербовке иностранных специалистов на иранскую службу, но европейцы неохотно соглашались на предложения. Иранское правительство обратилось также за помощью к российскому двору. Санкт-Петербург и Москва согласились принимать группы иранских мастеровых людей для обучения и совершенствования профессионального мастерства в областях плавильного, столярного и кузнечного дела, в изготовлении хрустальных и кондитерских изделий¹.

Правительство Ирана через своего посла в Санкт-Петербурге обратилось к императорскому правительству с просьбой

© Никонов О. А., 2008

Никонов Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

об оказании содействия в организации рудного дела и в подготовке специалистов-оружейников. Российская сторона охотно откликнулась на эту просьбу, понимая, что залогом преодоления недоверия во взаимоотношениях двух стран может стать расширение контактов в образовании, науке и других гуманитарных сферах. В Иран были направлены русские мастера лафетного, колесного, сверлильного и кузнечного дела для содействия в разрешении проблем тегеранского арсенала. В 1843 г. в Иран отправился русский специалист Воскобойников, обязавшийся обучить иранских ремесленников новейшей технологии плавильного искусства².

С середины 1840-х гг. лекари расквартированного российского флотского госпиталя на острове Каспия Ашур-Адэ стали совершать поездки по иранским прибрежным деревням и в город Астрабад для оказания помощи населению. Командир военных судов справедливо полагал, что благотворительная деятельность может стать весьма полезной для «сближения с туземным народонаселением»³. Медик, являясь лицом сугубо мирной профессии, гораздо легче, чем кто-либо, проникал в закрытые для русских местности, а бесплатные услуги и высокий процент выздоравливающих пациентов становились залогом появления доверия в отношениях между русскими и местными жителями. В 1847 г. на поездку лекарей и комплектование походных аптек из Фондов российской миссии императором было разрешено потратить до 150 золотых червонцев⁴.

При активном участии визиря Амир-Низама, инициатора реформаторских преобразований в Иране, в конце 1851 г. в Тегеране было основано первое в стране высшее учебное заведение европейского типа Дар аль-Фунун (Дом науки), где под руководством приглашенных иностранных профессоров изучали естественные и гуманитарные науки, медицину, военное дело и искусство. В Доме науки переводились с европейских языков на персидский язык учебники, учебно-методическая и научная литература, закладывались основы светского образования, большое внимание уделялось распространению естественных знаний. Директором этого учебного заведения стал образованный представитель иранской интеллигенции того времени Реза Кулихан Хе-

дают, автор таких работ, как «Собрание красноречивых» и «Словарь, украшающий собрания», которые до сих пор служат справочниками и пособиями для историков и филологов⁵. По инициативе Амир-Низама в Россию и другие страны Европы были посланы молодые люди для изучения техники, в Турцию – для освоения технологии добычи и обработки серебра⁶.

В 1856 г. поверенный в делах Ирана в Санкт-Петербурге Махмуд-хан нанял в Москве, Звенигороде и Смоленской губернии восемь мастеров ткацкого дела для передачи профессионального опыта иранским ткачам. Двумя годами позже в Иран выехали специалисты чугунного литья, медного производства, сахарного, писчебумажного и шелкомотального дел⁷. Во всех контрактах, заключенных русскими мастерами с персами, содержалось обязательство обучить за 2–3 года иранских ремесленников европейским технологиям фабричного производства. Одновременно с отправкой русских специалистов на фабрики Ирана царское правительство согласилось принять иранских подданных в высшие учебные заведения своей страны. Так, в частности, в Горном корпусе Санкт-Петербурга на учебу был принят иранец Джафар Кули-бек, ставший впоследствии начальником иранских горных инженеров⁸.

В целях расширения связей в сфере образования в 1866 г. министр просвещения России предложил иранцам проект открытия в Астрахани учебного заведения первоначальной ступени. Школа, где преподавание должно было вестись на русском языке, рассчитывалась на самых маленьких учащихся. Имелись в виду дети как постоянно проживавшие в Астрахани, так и приезжавших сюда в длительные командировки иранских купцов, занимающихся торговлей. «Обучаясь нашему языку, – писал министр просвещения, – сроднясь с нашим просвещением, они могли бы распространять его в своей стране, а это было бы самым прочным и вместе самым дешевым нашим завоеванием на Востоке»⁹. Предполагалось, что выпускники данной школы смогут получить дальнейшее образование в Астраханской и других гимназиях России. Примечательно, что это учебное заведение должно было стать исключительно светским. Получив императорское одобрение, проект был обнародован в Астрабаде и Тавризе. К сожалению,

нию, российский проект организации школы для иранских подданных не был реализован.

После отставки и казни Амир-Низама (1852 г.) и затем подавления реформаторских настроений в стране под давлением духовенства и феодальной знати почти все гуманитарные преобразования были свернуты, сокращены дотации иностранцам, работавшим в тегеранском Доме науки, из европейских стран отзывались молодые иранцы, получавшие образование за казенный счет. В силу таких причин русско-иранские начинания в гуманитарной сфере не могли реализоваться. При крайнем безденежье основной массы населения, с одной стороны, и стойкой убежденности знати в необходимости изучения только французского языка, позволявшего получить доходные должности при дворе, – с другой, расширить гуманитарные связи с Россией без поддержки шахских властей для Ирана оказалось невозможно. Однако просвещенные представители иранского общества не отказывались от попыток наладить сотрудничество с Россией в подготовке национальных кадров для различных сфер хозяйственной и гуманитарной деятельности, медицины и науки.

Примечания

- ¹ Новая история: Хрестоматия. М., 1988. С. 114.
- ² Архив Внешней Политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. 194.
- ³ Там же. Д. 238. Л. 381–382.
- ⁴ Там же. Д. 323. Л. 71.
- ⁵ Всемирная история: В 24 т. Мн., 1997. Т. 17: Национально-освободительные войны XIX века. С. 544–545.
- ⁶ Кузнецова Н. А. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII – первой половине XIX в. // Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М., 1978. С. 108.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 569. Л. 1–2, 7, 72, 76, 94, 100–102; Д. 610. Л. 2–3.
- ⁸ Там же. Д. 263. Л. 1 об; Д. 259. Л. 9 об.
- ⁹ Там же. Д. 784. Л. 2.

А. В. Михайлюк

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО УКРАИНЫ (февраль – октябрь 1917 г.)

Важность аграрного вопроса в общественно-политической жизни страны обусловила повышенный интерес к крестьянству со стороны интеллигенции. Особенно сакрализированным элементом в комплексе интеллигентской политической культуры являлись представление о «страдающем народе», почвенническая мечта о сближении с ним ради осуществления идеалов социальной справедливости. Многим представителям интеллигенции присуща идеализация деревни и крестьян. Эта идеализация отдает романтизмом и скорее говорит о поверхностном знании сельской жизни. Интеллигенция, с одной стороны, преклоняется перед народом, но, с другой – она его выдумывает. Интеллигенция стремилась «служить народу», то есть идеальному образу, созданному ею самой. Но когда представители «просвещенных слоев» столкнулись с реальным, а не вымышленным ими народом, то они увидели, опять же, искаженный образ «Грядущего Хама». В начале XX в. среди значительной части «образованного слоя» господствовало мнение об отсталости крестьянства, его дикости, «азиатчине» и т. п. Впрочем, это вполне могло сочетаться с «любовью к народу». Дореволюционная интеллигенция, преисполненная чувства оторванности и вины перед народом, создала устойчивый миф о крестьянстве как о страдающем и угнетенном, о жертве, нуждающейся в защите. Это была своего рода изнанка патерналистского деспотизма государства по отношению к крестьянству, от которого интеллигенция и хотела его защитить. Но, выдавая себя за «радетелей» об участи крестьянства, интеллигенция искала, главным образом, политических дивидендов в противоборстве с бюрократией. При этом собственно «народ», «крестьянство» служат лишь поводом для идеологических битв, реальные задачи которых свя-

© Михайлюк А. В., 2008

Михайлюк Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, документоведения и информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины.

заны с интересами идеологов. Как писал Н. П. Макаров: «Казалось, что говоря о нищете села, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства»¹.

Особенной популярностью в России пользовались идеи революционного изменения существующего аграрного строя, предлагаемые народническими партиями и социал-демократами. Народники и социал-демократы выступали с резкой критикой помещичьего землевладения и требовали его немедленного уничтожения. Говоря о малоземелье, интеллигенция всегда имела в виду, что земли только у крестьян мало, но вообще она есть, что ее можно дать в достаточном количестве. Но простое перераспределение помещичьей земли не решало аграрного вопроса. В определенной степени можно согласиться с мнением, что попытка решить крестьянские проблемы за счет помещиков, в сущности, была чистой массовой утопией².

Относительно взаимоотношений между крестьянством и интеллигенцией, в особенности сельской, в литературе высказываются различные, часто противоположные суждения. По своему жизненному уровню и образу жизни сельская интеллигенция значительно отличалась от городской. Она, собственно, в большей мере подпадает под категорию полуинтеллигенции или «новой демократии» (Г. Федотов). Некоторые исследователи рассматривают интеллигенцию как прослойку, несшую в деревню образование, культуру и социальный прогресс. Однако вряд ли подобные функции адекватно воспринимались и оценивались самим крестьянством, чему есть достаточно много свидетельств. Насколько близок агроном, сельский учитель, телеграфист или конторщик народу и как относился к нему сам народ – вопрос спорный. Так называемые сельские интеллигенты, даже те, которые считали служение народу своим моральным долгом, не были связаны общинными формами солидарности и воспринимались местным населением как чужаки по образу мышления и образу жизни. «Народ, – писал Н. Г. Чернышевский, – не делает разницы между людьми, носящими немецкое платье»³.

А. Грамши, исходя из западноевропейских реалий, рассматривает сельскую интеллигенцию (священника, учителя, адвоката, врача и т. д.) как посредника, который устанавливает кон-

такт крестьянской массы с администрацией, как государственной, так и местной, и именно в силу этой своей функции играет большую общественно-политическую роль. По его мнению, ничего нельзя понять в коллективной жизни крестьян и в тех ростках и ферментах развития, которые в ней существуют, если не принимать во внимание, не изучать конкретно и глубоко это фактическое подчинение крестьян сельской интеллигенции: всякое органическое развитие крестьянских масс вплоть до известного предела связано с движениями интеллигенции и зависит от них⁴. Возможно, для современной А. Грамши Италии оно так и было, но это не совсем вписывается в реалии Российской империи первой четверти XX столетия, к тому же отнесение священников к категории интеллигенции для России представляется проблематичным. Здесь, по моему мнению, важнее выглядит другое наблюдение А. Грамши: «Отношение крестьянина к интеллигенту является, таким образом, двойственным и выглядит противоречивым: он преклоняется перед социальным положением интеллигента и вообще государственного служащего, но временами делает вид, что презирает его, то есть в его преклонение инстинктивно входят элементы зависти и страстной ненависти»⁵. Хулиганство в деревне, о котором заговорили в начале века, было направлено также против учителей и сельской интеллигенции. «Учитель делается первым объектом дерзких шуток, интеллигенция как класс – объектом ненависти»⁶. «Крестьянский мир» подозрительно, а часто и враждебно относился к интеллектуальным исканиям, моральным терзаниям и «выходам в народ» образованного меньшинства. Последние лишь усугубляли негативный образ «блаженного барина»⁷. Показная любовь к крестьянскому платью или стихам – от частушек до поэм Клюева или Есенина, была частью фундаментального непонимания между «образованными» слоями и их собственными крестьянами, имеющими то же этническое происхождение. Они были продуктами модернизации, пребывали в европеизированной культуре, для которой культура традиционного общества далека и непонятна. Не удивительно, что они тяжело находили общий язык с «крестьянским миром». В этом плане крестьяне разных стран могли бы понять друг друга лучше, чем разные сословия одной страны. Как отмечает Т. Шанин, «слова и символы российского крестьянства револю-

ционной эпохи понимались бы гораздо лучше крестьянами других стран, чем большинством образованных русских, принадлежавших к тому же поколению»⁸.

Интеллигенция, в свою очередь, была поражена инфантильностью и безответственностью крестьянства, его социально-хозяйственной патриархальностью, «культурной дикостью». Представление о крестьянстве как о «досадном анахронизме» было достаточно распространено в среде интеллигенции. Сформировались определенные стереотипы в оценке крестьян как людей умственно малоразвитых, аполитичных, бескультурных, отсталых, неотесанных, инфантильных, лишенных творческого начала и т. п. Представители интеллигенции (в особенности демократической) видели в крестьянах, главным образом, объект для своей пропаганды.

Для внешнего, «крестьянского» мира крестьянство предстает «воображаемым сообществом». Здесь «народ», то есть крестьянство, выступает не как реальный феномен, а как социальный конструкт. Представители модернизированных социальных групп относились к крестьянству с пренебрежением, враждебностью, снисходительной жалостью или романтическим пиететом. Понятно, что такое представление значительно отличается от представления крестьян о себе. «Смешно мне, братцы, как господа нас понимают. Коли он к тебе не с обидой, так словно к дитяти малому, только что гулюшки не гулюкает, аж тошно станет». «Со своим братом я слов сколько надобно имею. А тут немой... И не стыжусь, а все боюсь, что не так услышат. Не понимают они простого человека». «Кто как, иной за скота, другой за цацу считал. А какие мы настоящие, то им не по глазам было»⁹.

Оба субъекта диалога – и «образованное меньшинство» и «крестьянский мир» – весьма активны в своем стремлении к взаимодействию. При этом конструирование диалога осуществляется на основе всемерного стремления «навязать» другому участнику собственное миропонимание и собственное отношение к миру. Этот диалог оказывался малорезультативным часто потому, что оба его участника воспринимали лишь свою позицию, свою точку зрения как единственно верную и содержащую бесспорную истину, не признавая за другим участником диалога самооценности и

самозначимости. Однако у проблемы диалога есть еще и второй, внутренний пласт, определявшийся тем, что, несмотря на всю свою непохожесть, оба субъекта диалога оказывались необычайно близкими друг к другу по многим качественным параметрам. Это внутреннее единство наиболее заметно и в характере постановки, и в качестве ответов на ментальные вопросы. Причем, чем больше, казалось бы, удаляются, объединяются два этих системообразующих начала друг от друга, тем более ощутимым становится их внутренняя близость и внутреннее родство¹⁰.

Многие авторы отмечали родство между традиционными формами крестьянского коллективизма и социалистическим коллективистским идеалом. Согласно М. Веберу, особенность России заключается в том, что в ней по мере капиталистического развития и роста цен на землю идеи архаического аграрного коммунизма будут распространяться наряду с идеями современного социализма. Обе идеологии конкурировали друг с другом как в обыденном сознании, так и в его партийном варианте. Но они также и смешивались друг с другом, приводя к возникновению оригинальных доктрин – вполне эклектических в объективном плане и вполне органично-синтетических в субъективном плане¹¹. Бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в «Записке» на имя Николая II в феврале в 1914 г. писал: «...народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма» и «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое»¹². Исследователи приходят к выводу, что социально-экономическая ситуация в деревне делала большинство крестьян стихийными социалистами, о стихийно социалистических устремлениях российского крестьянства вообще¹³. Однако, по моему мнению, этот «стихийный социализм» крестьян имел архаичную природу и мало соответствовал социалистической идеологии, исповедуемой революционной интеллигенцией. Социализм, вообще, воспринимался массами как своего рода религия, которая должна была занять место православия¹⁴.

Революционная интеллигенция, по словам В. И. Ленина, выполняла функции проповеди, доказательства, разъяснения необходимости революции и ее пользы для народа, подготовки к ней масс¹⁵. Но вряд ли эта «проповедь» доходила до самых низов

и имела решающее влияние на формирование их сознания – всякая политическая борьба, по словам царского министра В. Н. Коковцова, замолкала за сто верст от больших городов¹⁶.

Мир села замкнут и самодостаточен. Крестьянские интересы не простирались дальше своего села, да еще, возможно, нескольких прилегающих. А. В. Чаянов отмечал, что ему приходилось слышать от кооперативных работников Волыни, что они встречали селения, для жителей которых весь известный им мир ограничивался радиусом пяти верст. В районах с промышленным отходом этот радиус значительно шире, но содержание крестьянского кругозора остается весьма бедным¹⁷. Дореволюционная литература говорит об отсутствии у крестьян чувства причастности к судьбам страны или нации, их отгороженности от внешних влияний.

Поведение крестьянства противоречило представлениям о нем «образованных» классов, революционной интеллигенции, представителей цензового общества. Политическая культура народа качественно не совпадала с интеллигентской, даже в радикальных ипостасях той и другой. Крестьяне в основном следовали своим собственным склонностям, а не убеждениям радикальной интеллигенции. Исторический возраст крестьянства, жесткая зависимость его ментальности от природно-географического фактора, относительно низкий уровень образованности и меньшая в сравнении с другими социальными группами вовлеченность в процессы политической жизни предполагают и меньшую зависимость крестьянского поведения от рационализированных представлений о социальной и политической действительности, которые содержались в программах и лозунгах разных партий, стойкое «сопротивление» влиянию идеологического фактора. Большинство исследователей отрицают управляемость крестьянского движения со стороны «третьих сил».

Для периода между революциями 1905 и 1917 гг. характерна крайне низкая зависимость масштабов крестьянских выступлений от политической пропагандистско-агитационной работы, которая проводилась различными политическими партиями. Однако актуализация бунтарской составляющей крестьянского менталитета создавала социально-психологическую базу для усиления влияния революционной идеологии. Интеллигенция все же

осуществляла определенное влияние на крестьянские массы, расшатывая фундаменты традиционного сознания. Из газет, листовок и прокламаций, из популярной литературы крестьяне узнавали о событиях, происходящих в стране, знакомились с различными программами социально-экономического и политического переустройства. Устная и печатная пропаганда, которую вели самые разнообразные партии и организации, – от правомонархических до крайне левых, безусловно, содействовала формированию взглядов крестьян на те или иные обстоятельства и события.

Можно согласиться с мнением Д. А. Коцюбинского, что нет оснований считать социальные противоречия в деревне одним из основных факторов Февраля. Аграрный вопрос лишь косвенно дестабилизировал политическую обстановку¹⁸. Деревня, пишет В. В. Кабанов, встретила Февраль в 1917 г., можно сказать, никак¹⁹. Во многих губерниях до конца марта и даже к началу апреля не было известно ничего определенного о перевороте. Вся старая власть оставалась на местах, священники все еще молились за царя, вели себя так, будто ничего не случилось²⁰.

Исследователи обращают внимание на «поражающую немоту» крестьян, крайнюю неустойчивость их политических суждений и настроений²¹, отмечают партикуляризм крестьян, узость их политического кругозора, который ограничивался стремлением удовлетворения узкосословных интересов, исключая при этом признание интересов каких-либо других социальных групп²². Н. Суханов писал: «Жадное до одной земли, направив все свои государственные мысли к укреплению собственного корыта, а все свои гражданские чувства – к избавлению от земского и урядника, крестьянство, будучи большинством населения, имело, вообще говоря, все шансы “пройти стороной”, соблюсти нейтралитет, никому не помешать в главной драме, на основном фронте революции. Пошумевши где-то в глубине, подпаливши немного усадеб, поразгромив немного добра, крестьянство получило бы свои клоки земли и утихомирилось в своем “идиотизме сельской жизни”»²³. Некоторые исследователи (например, О. Файджест) считают, что крестьянская революция протекала отдельно и независимо от социальной революции городов и захвата власти большевиками, крестьянство оказало лишь условную поддержку большевикам²⁴. Что касается захвата власти большевиками и ее

условной поддержки крестьянами, то с этим можно согласиться, но, по моему мнению, крестьянская революция не могла происходить совершенно отдельно и независимо от городской революции. Город тесно связан с селом, зависит от села, живет за счет села, так или иначе, влияет на него. «Крестьянская революция» не могла происходить отдельно и независимо от городской революции, а была спровоцирована революцией в городе.

Крестьянство достаточно поздно пробудилось к активным действиям, которые могли иметь политические последствия, и это пробуждение было вызвано, прежде всего, внешними факторами. В первую очередь «пробуждался» город. Когда известия о революции достигали украинских сел, крестьяне стали собираться на сходы для обсуждения своего положения, создания первых низовых органов самоуправления. Почти каждый день собирались сходки, вспоминает крестьянин Подольской губернии, на которых непременно присутствовал «посторонний элемент» – агитаторы²⁵. От центра до самых глухих сел происходило множество съездов, манифестаций, митингов, празднований, волостных и сельских сходов и собраний, направленных на ликвидацию и замену царских органов власти.

Значительная роль в организации власти на селе (а тем самым и в «пробуждении» села) в это время принадлежит интеллигенции. Первыми «розъяснителями» событий Февральской революции чаще всего выступают местные священники, учителя, врачи и т. п., а также приезжие агитаторы. Именно представители интеллигенции чаще всего избираются в местные органы управления и самоуправления. Эту особенность отмечал еще Г. Лебон: крестьяне и рабочие редко избирают депутатом своего, он для них не имеет престижа. К. Маркс писал о крестьянах: «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними...»²⁶ Авторитет – это как бы привнесение в данную общность чего-то неодинакового с ней, отличающегося от других, в известном смысле внешнего²⁷. Также, скорее всего, сказалась традиционная нетерпимость крестьян ко всяческим формальностям и официальным процедурам, страх и неприязнь к власти.

Волостные и сельские крестьянские комитеты стали возникать с первых дней марта еще до появления циркуляра Временного правительства от 19 марта в 1917 г., который официально позволял их организацию. Волостные земельные комитеты, согласно постановлению правительства, могли создаваться по инициативе местного населения. При этом наблюдались различные системы выборов, а то и их отсутствие, разнообразие в численности, структуре, названиях, полномочиях. Как отмечалось министерством внутренних дел Временного правительства, местным правительственным комиссарам трудно было определить, от кого исходит то или иное постановление, когда и кем организован комитет, который принимает законы и правила, проводит обыски, аресты и реквизиции, решает земельный вопрос как в частных случаях – в форме обязательных постановлений, так и во всей его полноте – в форме деклараций. Социальный состав этих органов не был однородным: наряду с крестьянами в них присутствуют торговцы, священники, интеллигенция и даже помещики. Выборы в комитеты, как правило, проходили далеко не демократично. Многие комитеты были созданы и руководились лицами, имеющими мало общего с крестьянскими интересами, далекими от сельской жизни, отмечалось министерством внутренних дел Временного правительства²⁸.

Возможно, на уровне волости и в еще большей степени уезда крестьянские чаяния формировала и «направляла» «сельская интеллигенция» (учителя, земские служащие и даже низшее духовенство)²⁹, но не на уровне села. «Вместо послушания, согласия, уважения взрывается с новой силой презрение, возмущение, враждебность и непонимание ко всему тому, что говорит человек в господском пиджаке, то пренебрежение, которое воспитывалось в крестьянине веками», – писал современник³⁰. «К агитаторам здесь относятся с большим подозрением, встречают молчанием или с насмешливыми возгласами и бесстыдными репликами»³¹. Крестьяне воспринимали интеллигенцию традиционно как «начальство», а их отношение к ней продолжало носить официально-формальный характер.

В первые месяцы революции крестьяне вполне лояльно относились к Временному правительству и его мероприятиям, даже к продолжению войны. В начале революции, в «торжественные»

дни «раскрепощения бесправного крестьянина в свободного гражданина» волостные исполнительные комитеты составляли на общих собраниях телеграммы, в которых выражалось доверие Временному правительству. Некоторые сходы высказывали пожелание довести войну до победного конца. Проводя торжественные молебны в честь победы над царизмом и панихиды по борцам за свободу, крестьяне тут же проводили сбор средств для продолжения войны и отправляли их в распоряжение Временного правительства. Так, крестьяне села Богословки Екатеринославской губернии, отправляя 26 марта в 1917 г. поздравительную телеграмму на имя Родзянко, сообщали, что они на общих собраниях решили присоединиться к Всероссийскому Крестьянскому Союзу, помогать армии, согласны снизить цены на сельскохозяйственные продукты, если будут снижены цены на предметы крестьянского потребления. Женщины постановили не приглашать родственников домой, а «содействовать» письмами на фронт, чтобы отцы, мужья и братья терпеливо сносили тяготы военной жизни³².

Надежды на решение аграрного вопроса крестьяне возлагали на органы власти. Сельские и волостные сходы принимали многочисленные обращения к Временному правительству, другим органам с просьбами, предложениями, требованиями относительно ликвидации хлебной монополии, прекращения реквизиций продовольствия, пересмотра арендных отношений, перераспределения земли и т. п. Показательно, что своим противоправным действиям по захвату помещичьих земель и имущества, пересмотру условий аренды, заработной платы и т. п. крестьяне пытались придать законный вид: почти везде составлялись постановления в письменной форме со ссылками на народную власть и государственную необходимость.

Вскоре настроения и требования крестьянства стали резко меняться. Газеты, листовки, письма солдат и рассказы проезжающих были полны шокирующих новостей и идей. Крестьяне повторяли их, пересказывали, ломали над ними головы, приукрашивали и превращали в мифы в каждом селе, на каждой крестьянской сходке. Политические события бросили в среду неподготовленного крестьянства такую массу идей, фактов и впечатлений, с которыми ему трудно было разобраться. «Наши мужики окончательно с толку сбились», – вспоминал современник³³.

За влияние на крестьянство повели борьбу различные политические партии. Деревня стала ощущать и воспринимать идеи и программы, выработанные и принятые в городских центрах. С 25 марта по 20 апреля политические партии осуществили настоящее «движение в народ». Министерство внутренних дел Временного правительства отмечало, что с этого времени везде аграрное движение приняло организованный и отчасти идейный характер³⁴.

Сущность аграрного вопроса все революционные партии Российской империи видели в ликвидации крестьянского малоземелья. Решить эту проблему рекомендовалось путем перераспределения имеющихся земель: частновладельческих, государственных, удельных. Планы проведения реформы каждая политическая партия предлагала свои. В 1917 г. наибольшее влияние на крестьян имели партии эсеров (общероссийская и украинская), которые наиболее активно работали среди крестьянства, и созданные ими крестьянские организации. Спекуляции вокруг аграрного вопроса анархизовали село, возбуждали напрасные надежды. Исходя из своих схематических партийных программ и оторванных от жизни представлений о крестьянстве, пытаясь манипулировать им в своих узкопартийных интересах, революционная интеллигенция лишь способствовала нарастанию социального раскола и общего революционного кризиса. Она все равно оставалась для крестьян чужой. Реальное крестьянское движение питалось собственными мотивами; мотивации же, предлагаемые агитаторами, как правило, не воспринимались крестьянами³⁵. Крестьяне с самого начала настороженно отнеслись ко всем партиям, даже эсеровской. Они реагировали не на партии как таковые, а на выгодные им или соответственно интерпретированные лозунги. Их социальная борьба развивалась в неполитическом измерении³⁶. Как свидетельствуют материалы крестьянских съездов и периодической печати, крестьяне не понимали – да и не могли понимать – всех тонкостей политики (национализация, социализация и тому подобное). По словам известного деятеля Украинской Центральной Рады Б. Мартоса, «крестьяне понимают социализм как перенесение имущества из господского двора в свой собственный»³⁷.

Национальный состав интеллигенции на Украине был неоднороден. В русифицированных городах преобладала русская, русифицированная и еврейская интеллигенция. Украинская интеллигенция чаще всего либо по происхождению, либо по профессиональной деятельности была связана с селом. Украинское движение составляла и представляла, главным образом, «национально сознательная» интеллигенция и так называемая «полуинтеллигенция». «Украинство, – отмечал известный деятель консервативного направления украинского движения В. Липинский, – по природе своей является движением верхов»³⁸. Интеллигенция пыталась внести в крестьянство национальное сознание. Крестьянство же было мало восприимчивым к национально политическим идеям, воспринимая их, в лучшем случае, сквозь призму социально-экономических проблем. Поддержка крестьянами Украинской Центральной Рады летом в 1917 г., о которой так много пишут современные украинские авторы, определялась не столько национальными чувствами или сознательностью, сколько вполне прагматичным расчетом – надеждами на то, что УЦР упразднит введенную Временным правительством хлебную монополию, прекратит реквизиции и будет содействовать решению в интересах крестьян земельного вопроса³⁹. В частности, в агитационно-пропагандистских материалах этого периода отмечалось, что в случае проведения социализации на пахотную землю Украины будут претендовать выходцы из российских губерний, в которых ее не хватает. Чтобы защитить себя от таких претензий, украинцы должны добиваться решения вопроса об автономии. Такая аргументация была достаточно действенной. Бывший министр земельных и продовольственных дел Украинской Народной Республики М. М. Ковалевский признавал, что в своей агитации того времени относительно земельной политики он прибегал к «демагогии»: «Русские хотят накинуть нам, говорил я крестьянам, социализацию земли, то есть передать владение землей отдельным сельским общинам и упразднить таким образом ваши хозяйства, вы уже не будете хозяевами на собственной земле, а будете рабочими на общественной земле. Особенную силу имел аргумент, что русские социалисты хотят “выварить крестьян в капиталистическом котле”, то есть лишить их независимого положения хозяев и превратить в пролетариев»⁴⁰. Украинский

социал-демократ В. Винниченко считал, что национальная интуиция во время разворачивания революции проснулась в известной степени и в душе крестьянина, однако сразу же «слилась с его реалистичной природой и приобрела вполне конкретные социальные формы, которые для крестьянина были вполне понятны и выразительно видны»⁴¹. Другой точки зрения придерживался В. Липинский: «Вместо патриотизма героического, патриотизма посвящения, патриотизма любви, образовался нигде в мире не виданный какой-то патриотизм меркантильный, с расценкой на земельную валюту»⁴².

В 1917 г., начиная с весны, осуществляется активная кампания разного рода волостных, уездных, губернских крестьянских съездов. Однако нет оснований говорить о росте политизации крестьянства. Екатеринославская меньшевистская газета «Наша борьба» так характеризовала настроения крестьян-делегатов губернского съезда, состоявшегося 12–15 января 1918 г.: среди крестьян «живой интерес к земле. О других политических событиях слушают иногда внимательно, иногда зевают. У большинства неразвитых крестьян стремления к украинизации совсем нет и их мало интересует этот вопрос. Не интересует их и положение рабочих, и если сам не заговорит, никто не спросит. К красной гвардии особенно солдаты-крестьяне относятся презрительно и не понимают, для чего она существует. Что делает Рада, кроме осуществления земельных программ – их мало интересует»⁴³.

Материалы различных конференций и съездов, результаты выборов в Учредительное Собрание и т. п. не дают весомых оснований судить о настроениях крестьянства, говорить о росте его политизации. На съездах и конференциях была представлена, главным образом, интеллигенция или полуинтеллигенция, которая и выступала от имени крестьян, решения и документы составлялись также представителями интеллигенции. Даже если это были крестьяне, то, что произносилось ими с трибун, нельзя считать выражением взглядов всего крестьянства. Эти политизированные и милитаризированные крестьяне с непосредственным опытом и знанием мира за пределами их сел, были наиболее мобильными элементами сельского населения, и уже именно это отличает их мировоззрение от взглядов их родных и близких, которые остались в деревне⁴⁴.

Население часто голосовало наугад, по указанию влиятельных в волости лиц или под воздействием приезжих агитаторов. Значение выборов население не осознавало и относилось к ним как к неприятной «повинности». Иногда глава семьи опускал бюллетени за всю семью, «едва ли не за все село»⁴⁵. Электоральное поведение крестьян диктовалось такими практическими установками, как страх не получить землю в случае неявки на выборы, общинная привычка решать и действовать «скопом», покорное следование указаниям сверху при общем безразличии к вопросу о политической власти⁴⁶. Во время выборов в Учредительное собрание часто на сходе решалось, за какую партию голосовать⁴⁷. Но, по моему мнению, это говорит не столько о живучести общинной солидарности, сколько об индифферентности крестьян к политике, с одной стороны, и о стремлении партийной интеллигенции использовать традиционные институты крестьянской жизни, с другой. Выборы подтвердили традиционалистский характер сознания крестьянства.

Вскоре интеллигенция стала терять инициативу и влияние на крестьянство. На заседании Малой Рады 20 марта в 1918 г. (в честь первой годовщины УЦР) представитель Всеукраинского крестьянского союза Г. Одинец отмечал: «Минул год с того времени, как пришла свобода, а что испытали мы, крестьяне, за этот год? Интеллигентных сил на селе мало, а темные силы, пользуясь темнотой нашей, хотят отобрать все достижения революции»⁴⁸. Известный деятель украинского движения, социалист-федералист С. Ефремов в мае в 1918 г. констатировал банкротство на селе не только эсеров, но и вообще всей украинской интеллигенции⁴⁹.

Это может служить индикатором углубления социокультурного раскола между народом и образованной элитой после кратковременного периода февральского единения. Распространение настроений социальной мести подчеркивает специфику понимания народом свободы не как основной демократической ценности, а как «воли» – своеволия, воли «притеснения» угнетателей, носителей чужой «господской» культуры⁵⁰.

Часто лидерство на селе захватывают различные маргинализованные и криминальные элементы, которые при других обстоятельствах не были бы даже признаны консервативным сельским сообществом – демобилизованные солдаты, дезертиры,

освобожденные заключенные и т. п. В глазах крестьян они, с одной стороны, были «своими», а с другой стороны, приобрели престиж – и также эксплуатировали политические лозунги. Достаточно много есть указаний на то, отмечалось министерством внутренних дел Временного правительства, что осторожная, вдумчивая и уравновешенная крестьянская масса присматривается и ожидает, тогда как на поверхности волнуются и агитируют люди, которые не могут иметь влияния и власти при нормальных условиях жизни⁵¹. Е. Чикаленко писал весной 1917 г.: «У нас и по соседним селам почти везде наверх выплыл вот такой мусор, такие шарлатаны, которые возвращались из городов, где служили в полиции, жандармами и т. п., и становились проводниками народа, потому что в искренность интеллигенции народ не верил»⁵².

Расшатывание интеллигенцией традиционного сознания в условиях противостояния власти и общества несло за собой мощные политические и социальные катаклизмы, которые привели Россию на грань национальной катастрофы. В революционных событиях 1917 г. переплелись две революции: революция «сверху», которой пыталась руководить интеллигенция и которая должна была состояться, так или иначе, по европейским образцам, и революция «снизу», которую совершали массы и которая была направлена против европеизированной культуры «верхов». Стихия пробужденных «низов», где превалировали инстинкты, а не интеллигентские политические программы, смела старый режим, старые и новые господствующие классы, а также носителя политических идей – интеллигенцию.

Примечания

¹ Макаров Н. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса // Южно-Русская сельскохозяйственная газета / Изд. Харьк. о-ва сельск. хоз-ва. 1918. 19 (6) дек. С. 8.

² Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России): В 2 т. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 419.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. X. С. 92.

⁴ Грамши А. Тюремные тетради: В 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 334–335.

⁵ Там же.

⁶ Федотов Г. П. Россия и свобода // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 280.

- ⁷ *Булдаков В. П.* Имперство и российская революционность: (Критические заметки) // *Отечеств. история.* 1997. № 1. С. 51.
- ⁸ *Шанин Т.* Революция как момент истины. М., 1997. С. 224.
- ⁹ *Федорченко С.* Народ на войне. М., 1990. С. 50, 52, 122.
- ¹⁰ *Логунов А. П.* Образованное меньшинство и крестьянский мир: проблемы раскола и диалога // *Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир: в поисках диалога: Материалы межвуз. науч. конф., 21–22 апреля 1995 г. М., 1995.* С. 3–6.
- ¹¹ *Кустарев А.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // *Вопр. философии.* 1990. № 8. С. 122–123.
- ¹² Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича // *Красная новь.* М., 1922. № 6 (10). С. 196.
- ¹³ *Кабанов В. В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.
- ¹⁴ Всеподанный отчет Обер-Прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного Исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 121.
- ¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 302.
- ¹⁶ См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 391.
- ¹⁷ *Чаянов А. В.* Война и крестьянское хозяйство. М., 1914. С. 4.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 65.
- ¹⁹ *Кабанов В. В.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁰ *Харитонов В. Л.* Лютнева революція 1917 р. на Україні. Х., 1966. С. 200.
- ²¹ *Яров С. В.* Крестьянин как политик: Крестьянство северо-запада России в 1918–1919 гг.: Политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999.
- ²² *Хаймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна первой мировой войны до февральской революции // *Россия и первая мировая война: (Материалы междунар. науч. коллоквиума).* СПб., 1999. С. 21.
- ²³ *Суханов Н. Н.* Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 231.
- ²⁴ См.: *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 61.
- ²⁵ 1917 год в деревне: (Воспоминания крестьян). М., 1967. С. 114.
- ²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 8. С. 208.
- ²⁷ *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 164.
- ²⁸ См.: *Кострикин В. И.* Крестьянское движение накануне Октября // *Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927 гг. М., 1977.* С. 13–14; *Шестаков А. В.* Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л., 1927. С. 133.
- ²⁹ *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. 2-е изд. М., 1998. С. 97.

- ³⁰ *Прихожанко І.* Якої агітації треба селу // *Нова Рада*. 1917. 29 апр.
- ³¹ *Пашиноківська-Котова О.* Агітація на селі // *Робітничка газета: Центральний орган УСДРП*. 1917. 9 апр.
- ³² *Когон Э.* Из истории аграрного движения на Екатеринославщине // *Борьба за Советы на Екатеринославщине*. Днепропетровск, 1927. С. 61.
- ³³ 1917 год в деревне. С. 132.
- ³⁴ *Шестаков А. В.* Указ. соч. С. 131.
- ³⁵ *Буховец О. Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунар. конф.* М., 1996. С. 192.
- ³⁶ *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 106.
- ³⁷ Земельна справа // *Нова Рада*. 1917. 15 дек.
- ³⁸ *Липинський В.* Повн. збір. творів, архів, студії. К., 1995. Т. 6. Кн. 1. С. XXIV.
- ³⁹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 2197. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 15, 21, 22, 30–30 об., 33 и др.
- ⁴⁰ *Ковалевський М.* При джерелах боротьби. Іннсбрук, 1960. С. 245.
- ⁴¹ *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. К., 1990. С. 174–175.
- ⁴² *Липинський В.* Повн. збір. творів, архів, студії. С. 15.
- ⁴³ *Рудный.* Из крестьянских настроений // *Наша борьба: Орган губернского комитета и Екатеринославской организации РСДРП (объединенной)*. 1917. 17 янв.
- ⁴⁴ *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // *Анатомия революции*. С. 231.
- ⁴⁵ *Анатомия революции*. С. 339.
- ⁴⁶ *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // *Анатомия революции*. С. 145.
- ⁴⁷ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 486.
- ⁴⁸ Українська Центральна Рада: Док. і мат.: У 2 т. К., 1997. Т. 2. С. 216–219.
- ⁴⁹ *Сфремов С.* Селянська трагедія // *Нова Рада*. 1918. 14 (1) мая.
- ⁵⁰ *Поршинева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. М., 2004. С. 220.
- ⁵¹ См.: *Шестаков А. В.* Указ. соч. С. 133.
- ⁵² *Чикаленко Є.* Щоденник (1918–1919): У 2 т. К., 2004. Т. 2. С. 371.

Н. А. Миронова

**ОБРАЗ «СТАРОЙ» ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ
ПЕРВОГО ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
(1917–1927 гг.)**

Обращаясь к художественной и исторической литературе конца XIX века, можно увидеть, что уже тогда сложился определенный стереотип интеллигента. Например, из рассказов П. Д. Боборыкина¹ явственно следует, что в XIX веке быть интеллигентом во многом значило вести определенный образ жизни: интеллигенты, по словам П. Боборыкина, общаются с себе подобными, читают «хорошие» книжки, даже «штудируют» их, посещают лекции, ведут разговоры «с направлением», рассуждают на общественные и моральные темы. В начале XX века понятие «интеллигенция» употреблялось часто для характеристики «отчужденных» интеллектуалов, находящихся в оппозиции режиму.

В советское время интеллигенция заняла видное место в новом коллективном портрете врагов пролетариата. Исследователи неоднократно писали о значении образа врага для формирования тоталитарной системы. Исследовательница Х. Аренд обратила внимание, что «даже после захвата власти тоталитарная пропаганда может направляться на ту часть населения, чье поведение не подвергалось в достаточной мере идеологической обработке»². Интеллигенция – как техническая, так и творческая – критически воспринимала поток пропаганды. Кроме того, через творчество она оказывала влияние на массовое сознание. Многие историки обращали внимание на политические и экономические меры воздействия власти на интеллигенцию, которые привели к снижению жизненного уровня разных ее групп: художественной (ограничение свободы творчества), академической (вмешательство партии в университетскую сферу), техни-

© Миронова Н. А., 2008

Миронова Наталья Анатольевна – ассистент кафедры отечественной истории Ярославского государственного технического университета.

ческой («спецеество») и т. д. Необходимо, однако, остановиться на еще одной мере воздействия на интеллигенцию: на протяжении первого советского десятилетия происходило постоянное понижение ее социального статуса. Главным инструментом для этого были средства массовой информации, которые и сформировали негативный образ интеллигента. Позже отрицательные качества интеллигенции нашли отражение в художественной литературе: вспомним хотя бы, как И. Ильф и Е. Петров воплотили их в образе Васисуалия Лоханкина – бездельника, беспомощного тунеядца и грубияна, днями напролет размышлявшего о роли интеллигенции в русской революции.

Среди средств массовой информации первого советского десятилетия важнейшую роль играла пресса: именно с ее помощью большевикам удалось создать систему информационного воздействия. Со временем власть позаботилась не только о закрытии многих небольшевистских периодических изданий, но и об улучшении качества собственной прессы.

Антиинтеллигентская пропаганда не была одномерной. Напротив, складывалась не только пропагандистская концепция *политического* портрета «старой» интеллигенции, но и ее определенный *моральный* облик. Большевики не оставляли без внимания и идеологические основы творчества «буржуазной» интеллигенции.

Итак, обратимся к политическому портрету «старой» интеллигенции, который создавала большевистская пресса. Во многих статьях можно встретить обвинения интеллигенции в саботаже в первые месяцы Советской власти: о факте интеллигентского саботажа писали в течение всего послеоктябрьского десятилетия. «Неисчислим вред, который эта ужасная забастовка принесла стране и народу. Позорным пятном должна лечь эта забастовка на историю интеллигенции, которого не смыть никакими водами адвокатского или журналистского красноречия»³. Обвинение было вполне справедливым: отрицательное отношение к захвату большевиками государственной власти и установлению ими своей диктатуры вылилось в борьбу интеллигенции против большевиков во многих сферах общественной деятельности. Союз инженеров, Союз служащих государственных учреждений, Академический союз, Союз деятелей искусств, Совет

депутатов трудовой интеллигенции, Петроградский учительский союз, Пироговское общество врачей и некоторые другие организации⁴ заняли наиболее непримиримую позицию. Техническая интеллигенция и служащие государственного аппарата также оказали сопротивление большевикам⁵, журналисты предприняли активные попытки дискредитации новой власти. Троцкий в своих статьях говорил о том, что вся внеоктябрьская литература представляет собой саботаж художников⁶. Зиновьев постоянно обвинял интеллигенцию в измене, в отказе поддерживать советскую власть, в излишнем консерватизме. «Что русская интеллигенция и Октябрьская революция в течение некоторого времени жили на разных половинах – это секрет полишинеля. То время, когда интеллигент был синонимом слова “революционер”, прошло, увы, давным-давно»⁷. Зиновьев говорил о том, что именно Ленин признал отказ интеллигенции работать с властью как саботаж, и потому необходимо быть очень осторожными в отношениях с интеллигенцией. Основная характеристика, которая следовала из обвинения интеллигенции в саботаже – это ее ненадежность и предательская сущность. Для большевиков саботаж интеллигенции был демонстрацией ее контрреволюционного потенциала. «Старая» интеллигенция, согласно пропаганде, после революции вела себя политически очень агрессивно. Корни агрессивности, считали марксисты, произрастали из «классовой отброшенности» интеллигенции.

Впрочем, для многих представителей советской власти даже аполитичность интеллигенции была своеобразным сопротивлением большевистской идеологии. Отсутствие интереса к большевистским устремлениям, недоверие к власти, упрямый профессионализм, с которым многие интеллигенты продолжали делать свое дело, не могли не раздражать большевиков. Во многих статьях⁸ с иронией описывался Питирим Сорокин, критиковалось его безразличие к власти. П. Сорокин вообще стал символом интеллигентской неблагонадежности, аполитичности, скрытого вредительства⁹. Рассуждения философов о революции и ее последствиях именовались не иначе, как «интеллигентским нытьем». «Беспартийных быть не может, середины быть не должно, а средину сейчас занимает интеллигенция в большин-

стве своем, или к коммунистам, или к белогвардейцам», – заявлял большевик С. Борисов¹⁰.

Советские пропагандисты старались донести информацию до читателя, а потому – как интуитивно, так и, возможно, преднамеренно, использовали разнообразные пропагандистские приемы и методы. Некоторые современные исследователи отмечают, что среди них имел место страх, точнее, его специфическая форма. Пропагандисты подчеркивали опасность, которая исходила от интеллигенции. Они постоянно упоминали о связи интеллигенции с контрреволюцией, о том, что буржуазия постоянно делала «вылазки»¹¹. Некоторые исследователи называют этот прием *demonizing the opposition*¹² (преувеличение опасности со стороны противника). Высшая степень названного приема – это т. н. *mud slinging*¹³ (обливание грязью). Прием включает использование фальшивых обвинений, обилие оскорблений. Например, Я. Окунев заявляет, что в университетах преподают «контрреволюционный навоз»¹⁴. Л. Каменев, выделяя недостатки «старой» интеллигенции, заключает: «Приятно видеть врага уродом!»¹⁵

Вероятно, можно считать пропагандистским феноменом введение в оборот словосочетания «интеллигентская обывательщина». Несмотря на то что в XIX веке понятия «интеллигенция» и «мещанство» были прямо противоположны, в советское время интеллигенцию постоянно стремились приравнять к понятию «обыватели». Популярность этого парадоксального сочетания является следствием пропагандистской техники *transfer* (перенос)¹⁶: интеллигенцию связывали с тем, что должно было вызвать у читателя негативные эмоции. Обвинение интеллигенции в ее близости к «мещанству», в том, что она «опустила руки», отказываясь выполнять «предназначенную ей миссию», звучало весьма своеобразно. Оно скрывало под собой некую иронию по отношению к тем, кто долгое время претендовал на то, чтобы быть «солью земли». Уныние интеллигенции, ее «упаднические» настроения были восприняты большевиками как собственное признание «рыцарей печального образа» в своем поражении, в отходе от старых идей и в сознании отмирания старого мира. Сходство интеллигенции и «обывательщины», по мнению большевистских теоретиков, заключалось в их общем консерватизме, желании противостоять потоку пролетарской культуры, и культурной ре-

волюции в частности. «Теперь интеллигент живет этой мелкой сплетней. Прямо поражаешься порой: ну как им не стыдно... Неужели это они не понимают, неужели они так тупы, неужели это – сброд безнадежных пошляков? По-видимому, да, как это ни прискорбно»¹⁷. Н. Бухарин изображал интеллигента как сплетника и тупицу. Он постоянно «делился» с читателями недоверием, скептицизмом по отношению к интеллигенции: «Действительно, лучшие люди из старого лагеря переходят к нам, – писал он. – Но разве много среди всероссийской интеллигентской обывательщины “лучших”?»¹⁸ Обратим внимание, что Н. Бухарин, как и большинство пропагандистов, активно использует для формулировки партийных задач фразы, в которых непосредственно присутствовал субъект, обозначаемый подлежащим «мы». Это определенный психологический прием воздействия на читателя – т. н. bandwagon (прицепной вагон), призывающий аудиторию присоединиться к общей массе. Таким образом, большевики делали упор на волевой потенциал своей организации.

Интеллигенция постоянно обвинялась в излишней симпатии к религии: после Октябрьской революции такое обвинение было одним из самых серьезных. Интересно, что в пропаганде таким образом соединялись два направления: антиинтеллигентское и антирелигиозное. Более всего авторы статей были возмущены религиозностью преподавателей высшей школы: это стало еще одной негативной характеристикой профессуры. «Профессора собирают деньги на благолепие церкви, и с удовлетворением вздыхала казанская интеллигенция, отнюдь не смено-веховского толка, что наука наша идет рука об руку с верою: как же, ведь никто другой... профессора...»¹⁹

Интеллигенция, особенно преподавательский состав вузов, обвинялась в том, что была на протяжении долгих лет «губителем юношества», пресекая распространение марксизма, революционных идей. Одной из иллюстраций этого вредительства является статья в газете «Северный рабочий» от 24 сентября 1922 г., появившаяся в тот момент, когда в стране широкий резонанс получило известие о высылке видных представителей интеллигенции²⁰. Автор рисует красочную картину «вредительства» профессоров: «Поступал туда (в университеты. – Н. М.) юноша с самыми искренними и честными стремлениями к истине, знанию, добру и

красоте... И увы – он не находил в университете того, о чем мечтал. Вместо научного знания его голову забивали мертвыми, не имеющими ничего общего с жизнью теориями... Это было кладбище юности, там в этих стенах храма истины и знания – она навсегда хоронила свои лучшие мечты и идеалы, там отравляли его мозг и сердце тлетворным ядом буржуазной психологии»... Вывод, сделанный большевиком Виленским, весьма любопытен: «Нет, изгнание учителей, оказавшихся дурными учителями, не понявших знамения времен, способными лишь в прямом и настоящем только отравлять нашу молодежь ядом буржуазной психологии, задерживать ее на уровне последних веков, задерживавших тем самым ход нашей жизни, – это благодеяние для всех нас и для будущих поколений»²¹. Обратим внимание, как старательно автор статьи переадресовывает внимание с одного предмета на другой: он не пишет об обстоятельствах высылки интеллигенции, а говорит о «порочной» сущности последней. В некоторых исследованиях этот прием переадресации внимания называют *red herring*²².

Важнейшим обвинением, позволяющим включить интеллигенцию в перечень врагов власти, был тезис о стремлении педагогов сохранить монополию на знания. Учителя, преподаватели вузов якобы не только препятствовали распространению большевистских идей, а, кроме того, недостаточно передавали их молодому поколению, не хотели делиться ими с пролетарским студенчеством. Основанием для этого обвинения был профессорский лозунг автономного университета – автономного не только от государственного, но и для всякого общественного контроля²³. «В университетах и различных ученых комиссиях сидят “светочи науки”, которые продолжают борьбу с рабоче-крестьянской властью», и с ними необходима решительная борьба²⁴.

«Человек в футляре» – вот характеристика дореволюционного педагога, аллюзия на известный рассказ А. П. Чехова. «Футлярность» заключалась в том, что, будучи людьми образованными, понимая недостатки царского режима, старая интеллигенция все-таки работала ему в угоду, насаждая среди детей рабскую покорность и батрацкую идеологию. Профессора боялись, «как бы чего не вышло», подобно тому, как боялся всякого самовыражения Беликов, герой чеховского рассказа.

Гордость, осознание собственной значимости, понимание интеллигенцией того обстоятельства, что она является незаменимой, очень раздражало большевистских идеологов. «Интеллигентский гонор» – вот как характеризовалось отстаивание собственной позиции, нежелание сотрудничать с властью²⁵. Этой характеристике Д. Бедный даже посвятил одну из своих басен:

Мякотин – мудрый человек, интеллигент высокой марки
И сын, конечно, не «кухарки». Гордясь собой, сей муж изрек,
Что недоволен он Кусковой, зовущей всех – какой пассаж! –
Отбросив к черту саботаж, искать согласия с властью новой.
– Интеллигенция мудра, нам без нее спасенья нету.
Но не пойдет сия гора с поклоном низким к Магомету...²⁶

Несколько лет спустя слово «интеллигентский» становится синонимом слов «беспольный», «бесплодный», «пустой». В начале 20-х акцентировалось внимание на том, что интеллигенция не помогала не только делу революции, но и обычным людям, например, не участвовала в кампании помгола²⁷.

К негативным морально-нравственным характеристикам интеллигенции прибавляли трусость: интеллигенция, якобы, испугалась революции, к которой сама стремилась. «Во славу революции пели многие, – заявляет К. Радек. – Но все это был лепет интеллигентов, мечтающих о революции, но это не был голос революции. Ибо испугалась ее интеллигенция и не увидела, что разрушение очищает путь для созидания»²⁸. По мнению большевиков, интеллигенция настолько боялась реальности, что с головой ушла в мистицизм, в религию, богоискательство, что являлось бесперспективным и не имело идеологической ценности.

Любопытным представляется обвинение интеллигенции в безнравственности. Например, большевик И. Степанов так изобразил облик «среднего профессора»: «Зависть, подсиживание, чванство, пустое важничество, табель ремесленных рангов, мелкие интриги, мелкая борьба, опять зависть, страх конкуренции, страх быть обойденным, мечтания об удаче, которая принесет доходный патент, мечтания о создании учебника, который вытеснит всех конкурентов, опять скрытая зависть, опять гложущие маленькие тревоги»²⁹. Автор сделал вывод о том, что интеллигент

по своей буржуазной сущности порочен и никогда не изменится, так как не подлежит идеологическому перевоспитанию.

Предательская сущность, подлость буржуазного интеллигента якобы постоянно проявлялась во всей его деятельности. Например, при избрании одного профессора на должность выяснилось, что он «в патриотических целях искоренения крамолы в российском государстве... писал на своих коллег доносы, изобличал их в вольнодумстве и вредном образе мыслей»³⁰.

Пораженческие настроения, пустые размышления, «гамлетические шатания» стали еще одной характеристикой морального облика интеллигенции. Большевики неоднократно писали о ее нерешительности: «как девушка в черном из произведения Л. Андреева, “архиинтеллигентского писателя”, она мечется и страстно желает перекинуть между двумя враждебными социальными силами мостик соглашения, страстно ищет средний путь». Она сочувствует народу, но «приросла к буржуазной культуре и достижениям буржуазного гения»³¹. Пропагандисты подчеркивали необходимость выбора, предлагая выбрать одну сторону из двух, хотя в действительности выбор шире. Это также является пропагандистским приемом, называемым *limiting the choices* (ограниченный выбор).

Что касается критики большевиками «старых» основ художественного творчества, то она шла по нескольким направлениям. Интеллигентскому индивидуализму противопоставляется коллективизм, мистицизму «буржуазных» писателей и поэтов – злободневность произведений молодых. На смену «гнилой» идее мессианства должен был прийти коллективизм. Большевизм был изображен пропагандой чудесным спасением от консервативных, устаревших идей интеллигенции. Большевики пытались полностью отстранить интеллигенцию от передачи информации, то есть от возможности воздействовать на умы людей. «Россия не будет во власти этого мракобесия, тупой ожесточенности и предельной глупости. И возрождение русской литературы придет с низов, от рабоче-крестьянского демоса, либо не придет совсем...»³², – писал А. Воронский, подчеркивая необходимость создания народной интеллигенции.

Большевики признавали, что участок искусства, в частности художественной литературы, являлся наименее защищенным участком идеологического фронта пролетариата. Причину этого многие видели в отсутствии отчетливой классовой художественной политики, распылении и неорганизованности пролетарских литературных сил. Между тем, большевики понимали, что «осколки дореволюционной буржуазно-дворянской литературы и беспринципные промежуточные мелкобуржуазные литературные группировки»³³ проявляют значительную степень сплоченности и пользуются преобладающим влиянием в литературно-художественных отделах большинства партийно-советских органов печати и издательств. Старая интеллигенция представляла опасность для построения идеологической системы.

Таким образом, идеология и политическая практика марксизма при всей ориентации учения на выработку и распространение «научного мировоззрения» были запрограммированы на формирование антиинтеллигентских настроений. Отрицательный образ интеллигента усугублял проблему отношений интеллигенции и власти. Печать сыграла важнейшую роль в формировании стереотипа восприятия интеллигента: она не только создавала негативный образ интеллигента, но и определенным способом «преподносила» его читателям. Приемы и методы пропаганды различались в зависимости от уровня газеты или журнала, степени образованности редактора или авторов статей, от года выпуска периодического издания. Авторы статей использовали их скорее интуитивно, стараясь облегчить читателю восприятие информации. Отметим кстати, что многие из рассматриваемых пропагандистских приемов используются и в современных средствах массовой информации.

Примечания

¹ *Боборыкин П. Д.* На ущербе // *Собрание романов, повестей и рассказов П. Д. Боборыкина.* СПб., 1897. Т. 5. С. 55, 117.

² *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 453.

³ *Макар.* Беззубый скрежет // 2 года революции. Ярославль, 1919. С. 6.

- ⁴ *Фортуатов В.* Общественные организации Петрограда-Ленинграда, 1917–1928 // *Российская интеллигенция: страницы истории.* СПб., 1991. С. 15.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5548. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.
- ⁶ *Троцкий Л.* Внеоктябрьская литература // *Правда.* 1922. 3 окт.
- ⁷ *Зиновьев Г.* Интеллигенция и революция // *Правда.* 1923. 25 нояб.
- ⁸ *Н. П.* Светочи науки // *Правда.* 1922. 1 сент.
- ⁹ См.: *Правда.* 1922. 16 марта.
- ¹⁰ См.: Там же. 18 марта.
- ¹¹ *Яковлев Я.* Большевизм в пролеткультовской одежде // *Правда.* 1923. 4 янв.
- ¹² http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Demonizing_the_opposition.
- ¹³ http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Mud_slinging.
- ¹⁴ *Окунев Я.* Тихой сапой // *Правда.* 1922. 27 окт.
- ¹⁵ *Каменев Л.* Об эволюции ругани // *Под знаменем марксизма.* 1922. № 4. С. 108–109.
- ¹⁶ *Зорич А.* Четыре царя, святая женщина и ученый профессор Головин // *Правда.* 1924. 10 апр.
- ¹⁷ *Бухарин.* Рыцари духа // *Правда.* 1919. 22 авг.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Карцев С.* Портреты казанской профессуры // *Правда.* 1922. 10 авг.
- ²⁰ *Виленский С.* Злодеяние или благодеяние // *Северный рабочий.* 1922. 24 сент.
- ²¹ Там же.
- ²² http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Red_herring
- ²³ *Марков А.* Что значит быть студентом. М., 2005. С. 57.
- ²⁴ *Борисов С.* Что такое коммунисты и большевики? // *Пошехонско-Володарский сборник статей 2 годовщины Октября.* Ярославль, 1919.
- ²⁵ *Канатчиков.* Мысли о партийно-воспитательной работе // *Правда.* 1922. 16 авг.
- ²⁶ *Бедный Д.* Гнилая гора // *Правда.* 1918. 20 апр. Д. Бедный иронизирует над высказыванием В. Мякотина о саботаже интеллигенции: «Гора не пойдет к Магомету» (см.: *Правда.* 1918. 20 апр.).
- ²⁷ *Зорич А.* Указ. соч.
- ²⁸ См.: *Окунев Я.* Бестактные речи. *Правда.* 1922. 25 июля.
- ²⁹ См.: *Воронский А.* Литературные отклики // *Красная новь.* 1922. № 2. С. 226.
- ³⁰ Соглашение московской ассоциации пролетарских писателей МАПП и группы «Леф» // *Леф.* 1923. № 4.
- ³¹ http://www.sourcewatch.org/index.php?title=limiting_the_choice

³² Воронский А. Указ. соч. С. 226.

³³ Соглашение московской ассоциации пролетарских писателей МАПП и группы «Леф».

И. И. Григоркина, Н. А. Добрякова, О. В. Сопенок

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В ЭПОХУ
КОРЕННЫХ ПЕРЕМЕН
(На примере послереволюционной истории
Александринского театра)**

В настоящее время, когда кризисные процессы в обществе затронули не только экономическую и социальную сферы, но и духовную жизнь России, проблемы взаимоотношения власти и художественной интеллигенции, театра и общества особенно актуальны. Театр играл и играет в жизни страны важную роль, влияя через эмоциональные структуры на мировоззренческие установки личности – ценности, идеалы, убеждения. Это должно учитываться в продуманной культурной политике власти, озабоченной будущим нового поколения, его духовным и физическим здоровьем. Как ни странно, примером подобной политики является опыт советского государства, стремившегося с первых дней своего существования поставить формы духовной культуры на службу собственной идеологии.

В 1917 году после победы Великой Октябрьской социалистической революции Совет Народных Комиссаров поручил теат-

© Григоркина И. И., Добрякова Н. А., Сопенок О. В., 2008

Григоркина Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и политологии Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии.

Добрякова Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии.

Сопенок Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии.

ральное дело органам просвещения. Февральская буржуазная революция не смогла реализовать общие принципы демократизации искусства. Несмотря на все декларации о его свободе, положение театра оставалось прежним. Поэтому пролетарскому правительству предстояло решить попутно задачи буржуазной революции. Едва отзвучали последние выстрелы, известившие о переходе власти пролетариату, как в Петрограде открылся театральный занавес. 17 ноября 1917 года состоялся первый спектакль в революционной России — пьеса А. Н. Островского «Бедность не порок». Вместе с революцией произошла демократизация зрительного зала, на спектакле присутствовали те зрители, которым приходилось открывать для себя новый язык — язык театра.

Перед большевистской партией возникла проблема соотношения сложившейся системы бывших императорских театров и новых потребностей общества. Этот вопрос необходимо было решать с учетом психологии деятелей искусств. Поэтому руководство Наркоматом просвещения поручили А. В. Луначарскому, а театральное дело — М. Ф. Андреевой.

Им предстояло решить задачи огромной сложности: сохранить лучшее в культурном наследии прошлого и адаптировать его к новым идеалам и ценностям. О том, что это было не простым делом, говорят многие факты. Так, общеизвестно событие, произошедшее в бывшем императорском Александринском театре 28 октября 1917 года. На «общем собрании русской драматической труппы» было принято решение о прекращении спектаклей. Принявшие его ссылались на отсутствие распоряжений «законного правительства». Саботаж стал ответом на предписание «военно-революционного комитета по делам государственных и частных театров» о возобновлении спектаклей. На собрании труппы была вынесена резолюция, гласившая: «...прекратить спектакли впредь до выяснения общего положения в государстве»¹.

Потребовалось умное и тактичное вмешательство А. В. Луначарского, чтобы сохранить замечательную труппу одного из старейших театров страны. Анатолий Васильевич, пользуясь не столько своим положением, сколько известностью театрального критика, часто встречался с актерами бывших императорских театров, таких, как «Александринка» и «Мариинка», и в беседах с ними объяснял подлинный смысл произошедшей рево-

люции. В своих воспоминаниях один из старейших александринцев – Ю. М. Юрьев – писал: «...для подавляющего большинства из нас, деятелей старого театра, именно Луначарский сыграл решающую роль в сложный и трудный период в нашей гражданской и творческой жизни»².

А. В. Луначарский, осуществляя на практике указания В. И. Ленина о бережном отношении к культурному наследию, подготовил решение об автономии театров. Это решение было призвано не только сохранить кадры императорских театров, но и дать им возможность осуществить давно лелеемую мечту о самоуправлении. Лучшие силы театральных коллективов тяготились репертуарной политикой, навязанной им чиновниками «конторы императорских театров». Достаточно обратиться к воспоминаниям и письмам великого русского актера В. Н. Давыдова, чтобы понять, как настойчиво и страстно он мечтал об обновлении репертуара Александринского театра. Именно эту возможность – управление репертуаром и предоставила театрам автономия. Однако осуществляться она должна была под контролем Наркомпроса и его театрального отдела.

Решение о предоставлении театрам автономии стало первым шагом компартии и советского правительства в подготовке реформы театрального дела в стране. Во всех партийных документах и правительственных решениях первых лет революции последовательно проводилось в жизнь ленинское требование – сохранять и осваивать культурное наследие прошлого. Именно поэтому такое большое место занимает борьба партии с нигилистическими теориями «пролеткульта», отрицавшими культурное наследие. Эта борьба выразилась и в письме ЦК РКП (б) «О пролеткульте»: «...Всероссийский съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру»³. Одновременно оказывалась разнообразная помощь по организации строительства новых театров – предвестников молодой театральной культуры страны.

На протяжении 1917–1918 годов велась упорная и последовательная работа по подготовке и популяризации Декрета Совнаркома «Об объединении театрального дела». Данный документ, подписанный В. И. Лениным, стал законом о национализации

всех театральных предприятий и коллективов России. Декрет сохранил за старейшими театральными коллективами положение автономии, но ввел систему субсидирования театра государством, дал право органам государственного контроля фактически не только контролировать, но и руководить деятельностью театра. Для этого был учрежден центральный театральный отдел при Наркомпросе, который превратился в театральный центр. Так родились органы государственной власти, контролирующие театр и его репертуар.

В тяжелейших условиях Гражданской войны театральный отдел Наркомпроса провел огромную работу по поддержке новых и сохранению старых театров. Во всей этой работе важнейшее место занимала деятельность репертуарной секции. Она была организована в 1918 году. Одной из основных ее задач стало составление рекомендательных списков пьес. Для этого репертуарной секцией Наркомпроса был проведен под председательством А. М. Горького первый Всероссийский конкурс на лучшую советскую пьесу. Конкурс признал лучшей пьесу комиссара Красной Армии П. Вермишева «Красная правда». Она вошла в репертуар ряда профессиональных театральных трупп, а также самодеятельных представлений и игралась на фронтах Гражданской войны.

Главной заботой репертуарной секции на первых порах ее деятельности было очищение репертуара театров от «мелкотравчатых буржуазных» пьес и антихудожественных поделок. Наряду с этой работой все острее и значительнее вставал вопрос о создании нового репертуара. К выполнению этой задачи были привлечены все силы Наркомпроса, стремившегося вовлечь в процесс создания нового репертуара революционно настроенных и сочувствующих революции писателей. Так, по рекомендации А. В. Луначарского пьеса В. В. Маяковского «Мистерия Буфф», написанная к первой годовщине Октября, была прочитана артистом Александринского театра.

Но новые неожиданные формы не были поняты и приняты театральными коллективами, воспитанными на иных эстетических принципах. Понимая, что решительный перелом может произойти только в результате рождения спектаклей новой революционной темы, А. В. Луначарский сам пишет пьесу, соединяя революционно-философскую проблематику с формами выражения,

приемлемыми для художественной системы старых театров. Это была пьеса «Фауст и город», которую поставили на сцене Александринского театра. Символическую фигуру БУНТА сыграл выдающийся актер того времени В. Н. Давыдов. В этой пьесе не было конкретных исторических событий, а символически изображался народ и его угнетатели. Отсутствие новой художественно-полноценной драматургии обусловило ориентировку театра на отечественный и западный классический репертуар.

Вместе с тем продолжались попытки решить тему народа и революции путем навязывания отвлеченной символики, например в инсценировке Петром Хлебником пьесы Л. Н. Толстого в 1918 году, или созданием грандиозных массовых сцен в спектаклях «Сарданапал» Байрона, «Антоний и Клеопатра» Шекспира, «Мещанин во дворянстве» Мольера. Это было попыткой решительной перестройки репертуара, но с точки зрения правительственных кругов она могла осуществиться только в результате появления подлинно современной советской драматургии. Процесс рождения задерживался внутригрупповой борьбой различных писательских объединений. Даже в их названиях отразились признаки вульгарно-социологического понимания общественной направленности в литературе: «Пролеткультовцы», «Организация крестьянских писателей», «Попутчики», «Лефовцы» и многие другие. Они вели непрерывную борьбу за «командное поражение» в искусстве и претендовали на руководящую роль в литературном процессе. Эта борьба ослабляла силы отечественной литературы, и творческий процесс заменялся непрерывными дискуссиями. Поэтому встал вопрос о серьезном и активном вмешательстве партии в литературную и художественную жизнь страны.

Важнейшим документом, определившим принципы партийного руководства в области искусства, стала резолюция ЦК РКП (б) от 18 июля 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». Этот партийный документ решительно осудил рапповские методы «литературной команды» и отметил, что «гегемонии пролетарских писателей еще нет и партия должна помочь этим писателям заработать себе историческое право на эту гегемонию»⁴. ЦК партии резко отвергал пролеткультовскую идею о предоставлении монопольного или преимущественного положения какой-либо группировке, «даже самой проле-

тарской по своему идейному содержанию...»⁵. «Это значило бы загубить пролетарскую литературу прежде всего»⁶. В вопросе о писателях-попутчиках партия требовала такого подхода, который обеспечивал бы все условия для возможно быстрого перехода их на сторону коммунистической идеологии. Так, десятый пункт резолюции гласил: «...партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма»⁷. Таким образом, партия призывала писателей различных группировок консолидироваться и направить свои силы на единую задачу – строительство «нового социалистического искусства». Партия считала невозможным перепоручить дело руководства литературой ни одной из групп, претендовавших на руководящую роль в процессе формирования нового искусства. Резко и решительно ЦК партии осудил лозунги наиболее воинствующей рапповской группы «налитпостовцев»: «диалектико-материалистический творческий метод “одемянивания поэзии” и их девиз “союзник или враг”»⁸. Претензии рапповцев были определены в резолюции ЦК РКП (б) как литературное комчванство, и было решительно осуждено развитие этих тенденций и группировочная ограниченность.

Это решение ЦК партии стало основополагающим для всех областей художественной жизни страны. Оно сыграло решительную роль в изменении репертуара театров. Практическая значимость резолюции ЦК РКП (б) от 1925 года подтвердилась очень скоро. 1925–1926 годы стали годами рождения первых пьес современной советской драматургии. В 1925 году на сцене Госдрамы (бывшего Александринского театра) были поставлены спектакли «Яд» А. В. Луначарского и «Виринея» Л. Сейфуллиной. Появились первые пьесы историко-революционной драматургии: «Пугачевщина» К. Тренева и «Г. Гапон» Н. Шаповаленко. Тем не менее, процесс перестройки всего художественного фронта был делом не простым, и это наглядно определилось на созванном в мае 1927 года партийном совещании при Агитпропе ЦК РКП (б). Целью совещания стал анализ реализации в советском социалистическом искусстве указаний ЦК, содержащихся в резолюции.

В докладе А. В. Луначарского указывалось, что вся работа в области руководства театром или в плане выполнения резолюций партии привела к определенным успехам в деле строительства театра. Отмечался «сдвиг Академических театров, то есть внедрение в них за последние три года нового репертуара... Новое искусство, которое вырастает из недр пролетариата... должно находить поддержку, без потакания, однако, комчванству, и с теми тенденциями», которые осуществил ЦК по отношению к литературе в своей известной резолюции⁹.

Основные положения упомянутой резолюции были следующие:

1) поддержка молодого революционного самодеятельного театра при исправлении имеющихся ошибок;

2) бережное отношение к образцам русской драматургии;

3) решительная борьба против произведений, «культивирующих упадничество, мистицизм, порнографию и национальную травлю»;

4) борьба с «идеологически враждебными, мещанским салонным и бульварным репертуаром»¹⁰.

Таким образом, совещание поддерживало и развивало применительно к театру основное направление партии в области создания нового репертуара, который должен был освещать вопросы социалистического строительства. Резолюция развила принципы государственной политики по освоению и критическому осмыслению культурного наследия. Этим она оказала огромную поддержку позициям Госдрамы (Александринского), Малого и Художественного театров, которые уже тогда сумели утвердить свою роль в борьбе за передовое искусство. Содействуя развитию самодеятельного театрального движения, резолюция партийного совещания по вопросам театрального искусства решительно утвердила приоритет профессиональных театров вопреки воззрениям некоторых пролеткультовских идеологов, которые видели в самодеятельном театре будущее советского театра. Совещание отметало нетерпимый разрыв между театральным обслуживанием городского и сельского населения и дало директиву приступить «к постепенному налаживанию деревенских трупп с ценным художественным и идеологическим репертуаром»¹¹.

Последний пункт был чрезвычайно важен, так как в 1927 году XV съезд партии взял курс на коллективизацию. На этом же съезде было принято решение о создании первого пятилетнего плана. «Борьба за социализм развернулась на всех фронтах жизни страны». Поэтому театру предстояло занять в этой борьбе важное место и исполнить ответственную роль в воспитании нового социалистического мировоззрения. Осуществление поставленной задачи зависело в первую очередь от идейно-художественного уровня драматургии. Ведущие театры страны, в том числе Академический театр Госдрамы, оказавшись в тисках идеологии, проявляли большую заинтересованность в поисках современного репертуара.

Огромную роль в создании репертуара этого театра сыграл молодой главный режиссер Н. В. Петров. В 1926 году он приступил к постановке спектакля по пьесе Б. Ромашева «Конец Криворыльска», премьера которого состоялась в декабре 1927 года. Ее можно считать моментом решительного перелома в репертуарной политике театра. «Конец Криворыльска» вызвал большие споры как в труппе театра, так и в зрительской аудитории. Впервые на Академической сцене возникало как бы прямое продолжение самой жизни, бушевавшей за стеной театра. Пьеса привлекала не только сатирическим разоблачением представителей старого Криворыльска – Отченаша, Корзинкиной, но главным образом, утверждением молодых положительных героев современности – Розы Бергман и военкома Механошева в исполнении артистов Н. Рашевской и Н. Симонова. Эти молодые строители города Ленинска, выросавшего на развалинах Криворыльска, были людьми веселыми, жизнерадостными, убежденными в победе всего нового. Пьеса и спектакль вторглись в самые близкие для зрителя вопросы современного быта, вызвали на живой спор не только о спектакле, но и о решении этих проблем в реальной жизни. В «Конце Криворыльска» впервые объединились разные поколения труппы Александринского театра, и блестящие актерские работы молодых Н. Рашевской и Н. Симонова соседствовали с отточенным мастерством старшего поколения (И. Перский, А. Грибунина, И. Певцов). Н. В. Петров, вспоминая о работе над спектаклем, писал в своих мемуарах: «...работая над современным спектак-

лем, мы проходили” большую школу закладки фундамента нового советского театра»¹².

Вслед за «Концом Криворыльска» были осуществлены постановки пьес «Штиль» Биль-Белоцерковского и «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. В этих спектаклях по-новому раскрылись таланты таких замечательных мастеров Академической сцены, как И. Н. Певцов, Б. А. Мичурина-Самойлова, Е. П. Корчагина-Александровская, Л. С. Вивьен. Илларион Певцов сыграл в спектакле «Штиль» роль комиссара Красильникова. Этот образ вошел в историю советского театра как один из первых положительных героев в советском репертуаре. В «Бронепоезде 14-69» Певцов исполнял роль белого офицера Незеланова. Практически эти роли стали основой, открывавшей в И. Певцове новые черты мастера современного и тенденциозного. Полностью эти качества скажутся впоследствии в замечательной работе актера – роли Бородин в спектакле «Страх».

В работе над современным репертуаром быстро расширились актерские возможности театра за счет среднего и молодого поколения. Образовывался творческий фронт актеров новой формации, который возглавил сложную перестройку театра, начавшуюся в 1927 году. В этот год была проведена децентрализация академических театров и вместо единой дирекции установлена личная ответственность директоров и художественных руководителей за свой театральный коллектив. Работой театра Госдрамы по созданию современного репертуара очень интересовался С. М. Киров. Н. В. Петров, вспоминая разговор с С. М. Кировым при своем назначении художественным руководителем театра, писал, что С. М. Киров требовал перестроить «Александринку» в подлинно современный театр, «нужный рабочему зрителю, понятный ему»¹³.

С 1928 года современные пьесы начинают занимать ведущее место в репертуаре старейшего театра страны. Так в 1928 году были осуществлены постановки пьес «Рельсы гудят» В. Киршона, «Мятеж» Д. Фурманова и С. Поливанова, «Шахтер» Биль-Белоцерковского. Эти спектакли откликались на конкретные события советской действительности. Особенно остро прозвучала «Ярость» Ев. Яновского, поставленная в феврале 1930 года, в разгар массовой коллективизации.

Разумеется, все эти пьесы, так же как и «Высота», «Огненный мост» Б. Ромашова, не были произведениями высокого художественного качества. Они создавались молодыми драматургами как непосредственное осмысление событий и фактов, увиденных в жизни. Для того чтобы обрести полноту художественного бытия на сцене, эти события должны были получить дополнительное насыщение в спектакле. Такое насыщение могло произойти только за счет актеров и режиссеров, которые обостренным гражданским чутьем улавливали направление в развитии действительности и приносили в спектакль свое отношение к событиям, изображаемым на сцене. Таким образом, пьесы советских драматургов становились идеологическими критериями для отечественного театра, но именно они заставляли актеров и режиссеров обращаться к самой жизни и ее изучению. Поиски материалов способствовали наполнению живой плотью человеческих характеров, иногда схематически изображаемых молодыми драматургами. Так было и с пьесой «Ярость». Она привлекла театр остротой жизненной темы, бывшей в центре внимания всего советского общества. Во время постановки этого спектакля актерам очень помогли их подлинные впечатления, полученные от поездок в деревню с агитационной бригадой. Спектакль еще до своего выпуска был показан в отрывках и обсужден в рабочих коллективах Ленинграда. Премьера «Ярости» стала событием в культурной жизни города: «...самое главное заключалось в том, что деревенская тема вошла органически в репертуар театра»¹⁴. Когда после просмотра «Ярости» рабочие уезжают на помощь колхозному строительству, «тогда со всей ясностью обнаруживается, какую огромную организационную роль может играть искусство в деле построения социализма»¹⁵, – писала газета «Смена» 1 октября 1930 года. О непосредственной публицистической силе воздействия спектакля свидетельствует многократно описываемый факт: «Когда в финале сообщалось, что кулаки убили председателя колхоза Глобу, то его тело выносилось на авансцену и прикрывалось флагом. Сверху спускался большой траурный стяг, на котором были написаны подлинные имена и фамилии жертв кулацкого террора в Ленинградской области. На сцене начинался

траурный митинг, и зрительный зал стихийно вставал, становясь соучастником событий, происходящих на сцене»¹⁶.

Идеологическое и воспитательное значение вышеупомянутого спектакля было настолько сильно, что, подводя итоги театрального сезона 1929–1930 годов, Ленинградский областной комитет партии отмечал, что данный театральный сезон характеризует дальнейшее приближение театра к постановке и разрешению важнейших задач, выдвигаемых социалистической реконструкцией. Как отмечалось в постановлении, наиболее значительные факты и показатели роста и перестройки театра заключаются в следующем:

а. Укрепление революционных театров;

б. Серьезный шаг академического театра драмы в сторону охвата современных задач («Ярость», «Нефть») и крупного сдвига основной массы работников театра в сторону задач социалистического строительства;

в. Укрепление художественно-политических Советов в театрах, широкое развитие коллективных походов рабочего зрителя в театр¹⁷.

Все больше и больше завоевывала сцену новая советская драматургия. И все острее возникал вопрос о художественном качестве пьес на современную тему. Сближение театра с жизнью страны, его включение в государственное социалистическое строительство стало основой для постановления Совнаркома РСФСР «Об улучшении театрального дела» от 7 октября 1930 года. В постановлении говорилось: «Необходимо обеспечить рост советской драматургии и еще более приблизить ее произведения к требованиям социалистического строительства...»¹⁸ Об окончательном поражении пролеткультовских идей свидетельствовал такой факт – молодой писатель Афиногенов, тесно связанный с театром пролеткульта, в это время резко порывает с ним и приносит свои пьесы в профессиональный театр. Пьесу «Чудак» Афиногенов в Москве передал МХАТу, а в Ленинграде – Госдраме. Пьеса рассказывала о рождении энтузиастов – предвестников социалистического соревнования в годы первых пятилеток. В главной роли молодого энтузиаста Волгина выступил тогда молодой артист А. Борисов. Огромный успех этого спектакля надолго связал творческую судьбу Афиногенова с

Академическим театром драмы. В его пьесах впервые вышла на сцену тема труда.

В это же время образы строителей заводов и фабрик начинают занимать ведущее место в советской драматургии (Я. Погодин – «Поэма о топоре», «После бала», И. Микитенко – «Девушки нашей страны», «Город на заре» В. Гусева). В постановлении «Об улучшении театрального дела» указывалась необходимость расширения сети национальных театров, постройки театральных зданий в новых районах и регулярных гастролей центральных театров в крупных промышленных районах. Таким образом, была признана значительная роль театров в деле строительства нового общества.

Большой художественной победой «нового современного партийного» театрального искусства стал спектакль «Страх» по пьесе Афиногенова, осуществленной в Академическом театре Госдрамы в мае 1931 года. Пьеса была посвящена классовой борьбе на идеологическом фронте, и в ее центре оказался поединок-спор профессора Бородина (арт. И. Н. Певцов) и старой большевички Клары (арт. Е. П. Корчагина-Александровская). В этом споре побеждала Клара, утверждая бесстрашие пролетариата в классовой борьбе. Театр успешно выдержал серьезный политический экзамен. Успех постановки подтверждается цифрами – за полтора года спектакль «Страх» был сыгран триста раз.

Важнейшим итогом работы партии по идейному воспитанию и консолидации сил разных поколений художественной интеллигенции стало постановление ЦК РКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературных художественных организаций». В условиях жесткого идеологического контроля за деятельностью художественных организаций Центральный Комитет РКП (б) принял следующие решения:

«1. Ликвидировать ассоциации пролетарских писателей (КШШ, РАДО);

2. Объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;

3. Провести аналогичное изменение по линии других видов искусства;

4. Поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения»¹⁹.

Постановление от 23 апреля сыграло огромную роль в жизни советского театра, так как незадолго до его опубликования появился так называемый «Театральный документ РАППа», возрождавший опыт «оранжерейного» выращивания пролетарской культуры, который был осужден в резолюции 1925 года. Этот документ должен был стать идейно-художественной программой целой сети так называемых «театров РАППа». Противопоставляя себя театрам страны, «Театральный документ РАППа» давал вульгарно-социологическую характеристику всем старейшим театральным коллективам, отрицая их положительный опыт работы в советское время.

Постановление ЦК РКП (б) «О перестройке художественной организации» положило конец этим раскольническим проискам рапповцев. Оно явилось идеологической основой подготовки Первого Всероссийского съезда писателей (1934 г.), на котором были сформулированы принципы социалистического реализма, ставшие дисциплинарными рамками развития отечественного искусства.

Как мы видим, государственные структуры советского общества, осознавая влияние театра на общественное сознание, его роль в оздоровлении нравственной атмосферы общества, стремились поставить театр на службу реализации своих целей. С одной стороны, жесткое идеологическое давление порождало духовную несвободу, узость в освещении общественных проблем. С другой стороны, роль театра в жизни общества была настолько велика, что он формировал вкусы, диктуя интеллектуальную моду. И дело не только в том, что театр поддерживали государственные дотации, но и в том, что ему предоставлялась возможность влиять на воспитание всех возрастных категорий зрителей. Последнее не может не учитываться в ходе проводимой театральной реформы, когда происходит замена репертуарного театра антрепризным, что существенно снижает его эстетическую и мировоззренческую составляющие.

Примечания

- ¹ Пути развития театра: Стенографический отчет партийного совещания по вопросам театрального искусства. М., 1927. С. 19.
- ² *Юрьев Ю. М.* Воспоминания. Л., 1956. С. 124.
- ³ КПСС о культуре, просвещении и науке: Сб. док. М., 1963. С. 155.
- ⁴ Там же. С. 153.
- ⁵ Пути развития театра. С. 20.
- ⁶ Там же. С. 479–480.
- ⁷ Там же. С. 493.
- ⁸ Там же. С. 503–504.
- ⁹ Там же. С. 510.
- ¹⁰ КПСС о культуре, просвещении и науке. С. 160.
- ¹¹ Там же. С. 163.
- ¹² *Петров Н. В.* Пятьдесят и пятьсот. М., 1960. С. 260.
- ¹³ Там же. С. 274.
- ¹⁴ Смена. 1930. 1 окт. С. 3.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Петров Н. В.* Указ. соч. С. 295–296.
- ¹⁷ Бюллетень Ленинградского Обкома ВКП (б). 1930. № 23. С. 10.
- ¹⁸ Советский театр. 1930. № 13. С. 6.
- ¹⁹ Пути развития театра. С. 36.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ф. Х. Соколова

СУДЬБЫ «СТАРЫХ» СПЕЦИАЛИСТОВ В 1930-х ГОДАХ (На материалах европейского Севера России)

Проблема судеб интеллигенции дореволюционного поколения в период конца 1920-х – 1930-х гг. вызывает повышенный интерес современных исследователей. Однако процесс осмысления обозначенной темы проходит чрезвычайно сложно и противоречиво. В исследовательской мысли наряду с попытками все-сторонне и комплексно разобраться в социальных процессах, происходивших в советском обществе в 1930-х гг., нередко присутствует тенденциозный, сугубо политизированный подход.

К примеру, Л. Н. Коган пишет, что лидеры партии и государства испытывали «страх», «ненависть» к интеллигенции и призывали народ «бороться против интеллигенции, применяя к ней всевозможные репрессивные меры»¹. В свою очередь В. А. Беляев, Е. Е. Дегтярев, Н. В. Карлов, А. Е. Корушаев, В. А. Куманев, В. А. Фролов и ряд других исследователей утверждают, что «старая» интеллигенция была «выполота», «истреблена» в 1930-х гг., что В. И. Ленин вел «борьбу за интеллигенцию», а И. В. Сталин – «борьбу против интеллигенции»².

© Соколова Ф. Х., 2008

Соколова Флера Харисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Как следствие утверждается, что «старые» специалисты не имели возможности передать свои социально-психологические и профессиональные установки советскому поколению интеллигенции. Ряд исследователей отлучает это поколение от данной социальной общности и идентифицирует его с «серой посредственностью», «неинтеллигентными специалистами», «малополезными недоучками», «псевдоинтеллигенцией»³.

Действительно, введенные в научный оборот материалы ранее засекреченных фондов свидетельствуют, что масштабы порой ничем не обоснованных репрессий против интеллигенции приобрели в 1930-х гг. чудовищные размеры.

На европейском Севере России, который представителями центра воспринимался как зона симпатий «антибольшевистского, правого» лагеря, репрессивно-карательные меры против интеллигенции в 1930-х гг. приобрели огромные масштабы. К примеру, только в Архангельской губернии за период конца 1920-х – 1930-х гг. было репрессировано свыше 3,5 тыс. работников интеллектуального труда⁴. Значительное их число составляли представители дореволюционного поколения интеллигенции.

Вместе с тем вряд ли правомерно государственную политику по отношению к «старым» специалистам сводить к репрессиям и сознательному их истреблению. 1930-е гг. были ознаменованы бурными темпами модернизации всех сфер жизнедеятельности общества, что чрезвычайно обострило дефицит работников интеллектуального труда. В связи с этим как центральная власть, так и региональные органы управления в той или иной степени были заинтересованы в привлечении «старых специалистов» к решению созидательных задач. Активно участвуя в реализации этих экономических и социально-культурных задач, некоторые «старые» специалисты не только смогли сохранить свою жизнь, но и получили общественное признание. Одновременно в процессе делового сотрудничества с интеллигенцией советского поколения они получали возможность оказать на последних социально-психологическое и воспитательное воздействие.

Следует учесть, что, несмотря на укрепление вертикали власти в 1930-х гг., вряд ли политику центра можно полностью идентифицировать с политикой регионов. В эти годы ряд окраинных регионов, вступивших на индустриальный путь развития и

испытывавших повышенную потребность в высококвалифицированных кадрах, были вынуждены прибегнуть к использованию труда «старых» специалистов даже из числа ссыльных и административно-высланных. К примеру, на европейском Севере специалисты этой категории работали на лесозаводах и промышленных объектах, в сельском хозяйстве, в школах, профессиональных учебных заведениях, больницах, театрах, художественных студиях и музеях.

Нравственные принципы перестают быть регуляторами поведения в таком типе обществ, где члены социума не имеют гарантированного права на жизнь и поставлены на грань физического выживания. В советском обществе 1930-х гг., когда основная масса населения и интеллигенции жила в постоянном страхе, бесперерывно испытывала сильный психологический стресс, физическое и моральное истощение, деформировались многие нравственные ценности и устои. Распространенным явлением стали зависть, злоба, клевета, доноительство.

Трудно не согласиться и с Э. Б. Ершовой, которая констатирует, что ответственность за кровавый террор 1930-х гг. лежит не только на представителях властных структур, но отчасти и на интеллигенции, которая нередко своим доноительством и участием в разоблачительных кампаниях содействовала увеличению масштабов кровавой драмы⁵.

Но в истории отечественной интеллигенции 1930-х гг. имеются и обратные примеры, когда в признание заслуг жизнь «старым» специалистам спасали их ученики из числа нового поколения интеллигенции. Иными словами, жизнь советского общества 1930-х гг. нельзя сводить к тотальному злу. Здесь наряду с морально деформированными людьми имелись личности высокого нравственного долга, которым были не чужды взаимопомощь и взаимовыручка, приверженность общечеловеческим гуманистическим принципам.

В силу специфики профессиональной деятельности интеллигенции свойственно мыслить, анализировать, обобщать и прогнозировать. В 1930-х гг. нередко именно эти способности позволяли «старым» специалистам избежать репрессивных мер. В период повышенной мобильности общества, обусловленной значительной миграцией населения в места новостроек, некоторые из

них, предчувствуя опасность, предпринимали все меры для того, чтобы хотя бы на время исчезнуть из поля зрения органов НКВД.

Наконец, известны примеры, когда представители дореволюционного поколения интеллигенции, увлеченные профессиональной деятельностью и далекие от политики, вовсе не подвергались преследованиям.

На примере жизненного пути ряда «старых» специалистов, чья профессиональная деятельность в 1930-х гг. была связана с европейским Севером России, попытаемся обосновать авторскую позицию.

Елизаровский Иван Автономович (2.04.1881–26.02.1958) – филолог, исследователь северного фольклора и актовых источников XVI–XVIII вв., педагог, профессор⁶. Всецело увлеченный профессиональной деятельностью, этот человек всегда чуждался политики. Родился он в семье священника села Благовещенское Шенкурского уезда Архангельской губернии. Получил солидное образование. В 1904–1908 гг. он учился в Петербурге и окончил отделение русской палеографии Археологического института по специальности «история русского языка». По итогам учебы был удостоен звания действительного члена Археологического института. Одновременно закончил словесно-историческое отделение Санкт-Петербургской духовной академии по курсу «введение в языковедение».

В мае 1915 г. И. А. Елизаровский сдал экзамены историко-филологической комиссии Петербургского университета на звание «учителя средних учебных заведений по предмету русского языка и словесности».

Знание языков других народов – немецкого, английского, чешского, болгарского, карельского – стало необходимой основой научных изысканий, которые были начаты Иваном Елизаровским еще в студенческие годы. Во время командировки на Соловки он отыскал и изучил пергаментные новгородские грамоты XV–XVI вв. В 1908 г. Ученый совет Санкт-Петербургской духовной академии удостоил И. А. Елизаровского за этот труд кандидатской степени.

С августа 1908 г. Иван Автономович работал штатным наставником русского языка в Архангельской учительской семинарии. Здесь он сразу же включился в научную жизнь города, стал

членом церковно-археологического комитета. С открытием в 1916 г. в Архангельске Учительского института И. А. Елизаровский преподает здесь языковедение и историю русского языка.

В 1920-е гг. он работал в Архангельском практическом институте народного образования (бывший Учительский институт), Морском политехникуме, на рабфаке, Северном коммунистическом вузе. С 1 ноября 1932 г. начал свою преподавательскую деятельность на отделении русского языка и литературы во вновь открытом в Архангельске вечернем педагогическом институте. В 1937 г. Иван Автономович был назначен заведующим кафедрой русского языка и литературы, а с 1943 г. и до конца своей жизни возглавлял самостоятельную кафедру русского языка.

Одновременно И. А. Елизаровский продолжал активно заниматься научно-исследовательской деятельностью. В 1935–1937 гг. им подготовлен и опубликован ряд учебников и учебных пособий: «Русский язык XI–XVII вв.», «Синтаксис русского языка», «Русская речь XI–XIX вв.». Заявки на учебные пособия автора приходили из разных городов страны.

В эти годы Иван Автономович активно сотрудничал с Институтом языка и мышления им. Н. Я. Марра Академии наук СССР. В ноябре 1939 г. директор института, академик И. И. Мещанинов обратился к Елизаровскому с просьбой об «организации изучения народных говоров в западных районах Архангельской области». Увлеченный краевед с удовольствием принял предложение. В годы Великой Отечественной войны были опубликованы его труды – «К генетике группы беломорских говоров русского языка», «К генетике народных говоров в бывших Соловецких вотчинах».

В мае 1943 г. И. А. Елизаровский защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук.

Все последующие годы ученый продолжал свои исследования, привлекая новые источники. Заслуги И. А. Елизаровского получили общественное признание. В 1948 г. ему было присвоено звание «Отличник народного просвещения». В 1957 г. за вклад в развитие культуры Севера его имя было занесено в Книгу почета Архангельской области. Он награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В Архангельске семья Елизаровских известна. Брат И. А. Елизаровского – Василий Автономович – известный учи-

тель, кавалер ордена Ленина. Старший сын Николай Иванович – учитель математики, лейтенант Красной Армии, в 1943 г. погиб на фронте. Младший – Сергей Иванович – доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Архангельского государственного медицинского института.

Новомбергский Николай Яковлевич (4.05.1871–17.02.1949) – историк, публицист, педагог, доктор исторических наук, профессор, специалист в области истории отечественной науки и техники⁷. Он родился в семье крестьянина станицы Барсуковская Кубанской области. После окончания гимназии и немецкой школы поступил на химическое отделение Дерптского университета. Позднее перевелся на физико-математический факультет Варшавского университета, в котором перешел на юридический факультет. Будучи студентом 4-го курса Н. Я. Новомбергский принял участие в конкурсе студенческих научных работ. За работу «Аптекарский приказ. Его устройство, заботы о государевом и народном здоровье и значение в развитии медицинских средств и познаний в России» Ученый совет университета в 1896 г. наградил его золотой медалью.

Свою трудовую деятельность Н. Я. Новомбергский начал в акцизном правлении в западной России. Вскоре перевелся в Переселенческое управление по Тобольской губернии. Значительная часть жизненного пути ученого-исследователя оказалась связанной с Сибирью и Севером.

В своем первом труде, посвященном изучению быта переселенцев Тобольской губернии, молодой ученый разоблачал безнадежность царской переселенческой политики как способа решения аграрного вопроса в европейской России. Последовали гонения. По распоряжению министра внутренних дел И. Л. Горемыкина был изъят из обращения первый том этого труда и запрещена публикация очередных двух томов Н. Я. Новомбергского. В 1901 г. он был переведен мировым судьей на о. Сахалин.

В 1902–1903 гг. в Петербурге вышли в свет две книги Н. Я. Новомбергского, посвященные истории аптечного и врачебного дела в допетровской России. Результатом двухлетнего труда стала новая солидная работа «Остров Сахалин», в которой автор критиковал политику правительства по отношению к названному региону. В результате он был отстранен от государственной служ-

бы. Накануне русско-японской войны Новомбергский работал над новыми книгами, посвященными соседям России на Дальнем Востоке: «Япония», «Корея», «Манчжурия». Одновременно в 1904 г. Николай Яковлевич оканчивает Петербургский археологический институт. В 1904–1907 гг. одна за другой были изданы шесть работ ученого по истории медицины в России. 26 октября 1906 г. после сдачи магистерского экзамена он становится приват-доцентом кафедры полицейского права Томского университета с поручением обязательного чтения курса административного права. 27 ноября 1907 г. научный труд «Врачебное строение в допетровской Руси» был защищен Н. Я. Новомбергским в качестве диссертации на степень магистра полицейского права. В 1908 г. этот труд был удостоен Большой премии им. Графа А. С. Уварова Императорской Академии наук. Через три года Новомбергский был избран профессором кафедры полицейского права, а позднее стал деканом юридического факультета Томского университета, читал лекции в Омском сельскохозяйственном институте, сотрудничал с периодическими изданиями Сибири.

Революционные процессы 1917 г. вовлекли ученого в водоворот политических событий. В 1918 г. он – депутат Сибирской областной думы. Совместно с единомышленниками – Г. Н. Потаниным, В. М. Поповым и А. В. Андриановым – Н. Я. Новомбергский выступил против сепаратистских лозунгов эсеровского большинства об отделении Сибири от России. 2 сентября 1919 г. профессор Н. Я. Новомбергский успешно защитил монографию «Слово и Дело Государевы» в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора административного права. В том же году Николай Яковлевич некоторое время исполнял обязанности министра просвещения при правительстве Колчака. После ликвидации антибольшевистского режима в Сибири в числе других деятелей этого правительства профессор был арестован и приговорен к тюремному заключению, а после окончания гражданской войны был освобожден и работал в органах хозяйственного управления Сибири.

В ноябре 1930 г. Н. Я. Новомбергский вновь был арестован «за связь с представителями антисоветского колчаковского правительства» и в мае 1932 г. направлен в Архангельск в качестве административно-ссылного. Здесь ученый завершил работу над

большим исследованием «Разведки полезных ископаемых в Московском государстве XVII века», которое было высоко оценено научной общественностью, в том числе членом-корреспондентом Академии наук СССР, профессором А. И. Яковлевым и выдающимся геохимиком и минералогом, академиком А. Е. Ферсманом. В 1943 г. за названный труд Академия наук СССР присудила административно-ссылному исследователю ученую степень доктора исторических наук. 24 августа 1943 г. Николай Яковлевич был зачислен профессором кафедры истории Архангельского государственного педагогического института, а в 1944 г. принял активное участие в учреждении Северного отделения Всесоюзного географического общества АН СССР. После войны Н. Я. Новомбергский работал над монографией «Система народного продовольствия в Московской Руси XVII века».

17 февраля 1949 г. Николая Яковлевича не стало. Северяне бережно хранят память и чтят имя талантливого ученого, историка, педагога, автора более 100 научных работ, в том числе 30 монографий. На юридическом факультете Поморского государственного университета учреждена почетная стипендия имени ученого-правоведа Н. Я. Новомбергского.

А вот судьба другого интеллигента, «старого» специалиста. *Синицын Тимофей Петрович* (3.03.1894–18.06.1971) – педагог, один из первых организаторов ненецких школ, журналист, писатель, первооткрыватель ненецкой темы в северной художественной литературе, член Союза писателей СССР⁸.

Он родился в семье крестьянина деревни Демидовская Шенкурского уезда Архангельской губернии. С детства стремился к знаниям. Учился в школе грамоты, двухклассном училище. В 1913 г. успешно закончил Архангельскую учительскую семинарию. Тимофея Петровича вряд ли можно отнести к категории активных участников революционного движения. Накануне 1917 г. он работал учителем начальной школы в родном уезде. Для него, как и для значительной части сельской интеллигенции, информация о крахе самодержавия скорее всего явилась неожиданностью. Однако цели и ценности, провозглашенные в феврале 1917 г., соответствовали его политическим убеждениям. На волне общей политизации населения Т. П. Синицын был вовлечен в водоворот событий. В июне 1917 г. молодой учитель стал делегатом Шен-

курского уездного съезда крестьянских депутатов. Здесь произошло окончательное оформление его партийно-политических взглядов. Как и значительное число сельских интеллигентов европейского Севера, которым были глубоко понятны крестьянские проблемы, Тимофей Петрович симпатизировал социалистам-революционерам и вступил в ряды этой партии.

Летом 1917 г. Т. П. Сеницын переехал в Архангельск – эпицентр политических событий губернии. Он делегируется на губернский съезд крестьянских депутатов, вводится в состав его губсовета. Активное участие Т. П. Сеницын принимал в конструировании земских учреждений, созданию которых на Севере всяческие препятствия чинило царское правительство. Как член Временной губернской земской управы он исполняет обязанности зав. отдела народного образования и одновременно становится редактором периодического издания социалистов-революционеров – газеты «Воля Севера».

Отношение Т. П. Сеницына к событиям Октября 1917 г. было неоднозначным. С одной стороны, он, как и все гласные первого Архангельского губернского земского собрания, открывшегося 14 декабря 1917 г., голосует за резолюцию «Об организации власти в настоящий момент», в которой постановлялось: «...впредь до образования власти Учредительным собранием, принять участие в конструировании власти в пределах Архангельской губернии» и послать своего представителя в Революционный комитет, «дабы не допустить дальнейшего развития анархии». Позднее на допросе в органах НКВД 5 декабря 1937 г. октябрьские события 1917 г. он именуется «переворотом». С другой стороны, участвуя в работе 2-го Всероссийского съезда Советов, приходит к осознанию того, что борьба с большевиками будет ошибкой, так как за ними идут «широкие слои населения».

В условиях нарастания антибольшевистских настроений в регионе вышеобозначенная позиция временно уводит Т. П. Сеницына от активного участия в политических событиях. Он получает выговор от соратников по партии. Его кандидатура была провалена на выборах в члены губернской земской управы.

В период существования антибольшевистского режима на Севере (август 1918 – февраль 1920 г.) имя Т. П. Сеницына не фигурирует в числе активных политических деятелей. Оставаясь

членом партии эсеров, он занимается преподавательской деятельностью в образцовом городском училище при Архангельской учительской семинарии. Однако по мере эволюции антибольшевистского режима в сторону правых диктатур среди значительной части членов губернской организации эсеров происходит ревизия политических взглядов. От безусловной поддержки антибольшевистского режима в августе 1918 г. они склоняются к мысли о начале переговоров с большевиками к середине 1919 г. В этих условиях вновь стали востребованными организаторский талант и политический опыт Т. П. Сеницына. Он был избран секретарем губкома партии эсеров, участвовал в работе IV чрезвычайной сессии Архангельского губернского собрания и вошел в состав членов губернской управы.

После эмиграции правительства Е. К. Миллера в Архангельске был учрежден временный комитет, который занимался установлением порядка в городе и подготовкой к приходу красных. Т. П. Сеницын вошел в состав комитета в качестве члена отдела печати.

После восстановления советской власти в Архангельске Тимофею Петровичу было предложено место сотрудника «Известий Архангельского губисполкома», а позднее он был избран секретарем губернского отделения профсоюза работников просвещения.

Однако в северных губерниях отношение местных органов управления к «старым» специалистам сразу после восстановления советской власти было чрезвычайно настороженным и недоверчивым. В адрес интеллигенции порой высказывались нелестные эпитеты, типа: «обыватели», «продажные специалисты», «лакеи». Некоторые наиболее непримиримые советские управленцы предлагали полностью отказаться от услуг «старых» специалистов. Т. П. Сеницын, продолжавший поддерживать личные связи со своими друзьями по партии, в июне – сентябре 1920 г. находился под следствием. С него была взята подписка о невыезде. На протяжении 1920–1922 гг. он дважды находился под арестом (с сентября 1920 г. по 4 марта 1921 г. и с 6 марта 1921 г. по 17 марта 1922 г.).

Вместе с тем чрезвычайная малочисленность работников интеллектуального труда в ведущих отраслях народного хозяйст-

ва региона, систематические обращения членов союза работников просвещения с просьбой выпустить на свободу ряд коллег по профессии, которые «не могут быть врагами Советской власти», возымели свое действие. Т. П. Синицын был освобожден и вскоре направлен на учебу в Ленинград для получения высшего педагогического образования. Ввиду недостатка средств к существованию Тимофей Петрович был вынужден оставить учебу и вернуться в Архангельск, где, как он говорил, «стены помогают – если не стены, так люди». До 1925 г. он работал журналистом в губернской газете «Волна».

Во второй половине 1920-х гг. в условиях восстановления народного хозяйства, разрушенного в годы Гражданской войны, центральная власть взяла курс на укрепление единства в партии, свертывание «инициативы и творчества регионов», командно-административные методы управления экономикой, активизацию борьбы с инакомыслием.

На европейском Севере среди различных профессиональных групп интеллигенции в связи с этим начали регулярно проводиться проверки личного состава на предмет лояльности советской власти. Губернские отделы ГПУ приступили к составлению досье и сбору информации о людях, занимающих общественно-значимые должности. Всем учреждениям и организациям было предписано в кратчайшие сроки представить полную информацию о данной категории работников. Помимо традиционных анкетных сведений надлежало указывать: социальное происхождение, партийность, место службы до 1917 г., чин или звание в царской, белой и красной армиях. С этого времени все учреждения и организации лишались права принимать на работу специалистов без предварительного согласования с губернскими отделами ГПУ. Для выявления настроений общественности с января 1924 г. везде и всюду внедрялся штат тайных осведомителей.

Как человек, разбирающийся в политических процессах и умеющий прогнозировать последующее развитие событий, Тимофей Петрович принимает предложение председателя Комитета содействия развитию Севера Н. Е. Сапрыгина выехать на Новую Землю. На Т. П. Синицына была возложена обязанность организовать школу-интернат для детей ненцев. Осенью 1925 г. он вместе с женой, находившейся на последних месяцах беременности, спеш-

но отправился в путь. В последующем дочь, родившаяся под Полярной звездой, была именована Поляриной. Тимофей Петрович Сеницын стал одним из первых педагогов и организаторов ненецких школ на Новой Земле, в Тиманской и Большеземельской тундрах. Здесь он начинает писать свои первые очерки и рассказы о жизни ненцев. В 1928 г. в Москве была опубликована его первая книга «Под вой пурги», о которой с большой теплотой отзывался А. М. Горький. Успех книги окрылил учителя. Уверовав в свои творческие возможности, Тимофей Петрович публикует «Очерки о Новой Земле» (1928), повесть «Не по шаману» (1929).

Однако имя, бывшее на слуху в связи с антибольшевистским движением на Севере, привлекало внимание следственных органов. В 1929 г. Т. П. Сеницын был лишен избирательных прав. В поисках правды он отправился в Москву, где встретился с М. И. Калининым. Выслушав писателя, всесоюзный староста дал ход бумагам для принятия решения, но и посоветовал: «Бумаги долго ходят, а жить надо. Раз уж начали писать, возьмите псевдоним – легче будет». Так появился литературный псевдоним Тимофея Петровича – Пэля Пунух (Пунух – полярная птичка из породы синиц, первая прилетающая в Заполярье весной). Под этим псевдонимом он публиковался в 1930-х гг.

Именно эти годы ознаменованы расцветом его творчества как писателя. Произведения этих лет – «Новоземельские будни», «Гайборей» («Стрела восстания»), «Пята тысячелетий» и другие получили высокое признание читателей и критиков. Как свидетельствует статья о творчестве писателя, опубликованная в литературном журнале «Звезда Севера», произведения Пэля Пунуха впервые отразили «самые различные уголки жизни целого, до этого почти неизвестного ненецкого народа». В признание заслуг в 1936 г. Т. П. Сеницын был принят в члены Союза писателей СССР.

Еще в 1931 г. он был восстановлен в избирательных правах и вместе с семьей возвратился в Архангельск, где стал сотрудником газеты «Правда Севера». В 1936 г. как член Союза писателей он был вновь направлен на Крайний Север, теперь уже в Нарьян-Мар – столицу Ненецкого округа, в качестве корреспондента окружной газеты «Нарьяна Вындер». Однако в ноябре 1936 г. Т. П. Сеницын был внезапно отстранен от работы в редакции и

направлен педагогом в ненецкую школу в местечко Тобседа, а в конце апреля 1937 г. вновь оказался уволенным из школы «по сокращению штатов». Обеспокоенный Тимофей Петрович направился в Нарьян-Мар и перед входом в здание окружного исполкома встретился с прокурором, с которым «прежде играли в шахматы и были чуть ли не на дружеской ноге»⁹. Тот не ответил на обычное приветствие. Тимофей Петрович заподозрил неладное и, не сказавшись никому, тайно перебрался в г. Грязовец (Вологодская область) к своим родственникам. Однако в июле 1937 г. был обнаружен здесь органами НКВД, арестован и этапирован через Архангельск в Нарьян-Мар для проведения следствия. Как оказалось, он стал жертвой доноса. Формулировка обвинения была следующая: «проводил разлагательную политику среди работников редакции», в школе «обвиняемый Синицын-Пунух проводил контрреволюционную пораженческую агитацию, распространял провокационные измышления о положении трудящихся в Советском Союзе и брал под защиту разоблаченных врагов народа – правых и троцкистов»¹⁰.

Над жизнью Т. П. Синицына нависла серьезная угроза. К счастью, на пути педагога и писателя встретился бывший ученик К. Березин, который в это время заступил на пост окружного прокурора. Благодарный ученик смог спасти жизнь своего учителя. В январе 1938 г. следствие по делу было свернуто, обвинение снято. Т. П. Синицын возвратился к семье в Архангельск и в последующие годы занимается преподавательской, журналистской и литературной деятельностью. Одновременно серьезное внимание он уделял воспитанию детей. Его дети – Полярина и Всеволод унаследовали тягу отца к знаниям и педагогической деятельности. Полярина Тимофеевна – кандидат филологических наук, в 1973–1981 гг. проректор по научной работе Архангельского государственного педагогического института, ныне профессор кафедры иностранных языков Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Сын – кандидат технических наук, профессор кафедры технологии машиностроения Ярославского государственного технического университета. Внучка Елена Всеволодовна продолжает дело деда и родителей. Она кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного технического университета.

Подводя итоги вышеизложенному, следует признать, что в исследуемые годы удельный вес «старых» специалистов среди интеллигенции европейского Севера, безусловно, существенно сократился. С одной стороны, это было вызвано масштабными репрессиями. С другой стороны, «старые» специалисты постепенно растворялись в огромной массе новых кадров, которые пополняли сферу интеллектуального труда в конце 1920-х – 1930-х гг. Однако они не исчезли вовсе и частично оказали влияние на процесс формирования интеллигенции нового поколения.

Примечания

- ¹ Коган Л. Н., Чернявская Г. Интеллигенция. Екатеринбург, 1996. С. 42–43.
- ² Беляев В. А. Советская интеллигенция в борьбе идей. Казань, 1990. С. 41; Фролов В. А. Место и роль военной интеллигенции в политике руководства советской республики по использованию военных специалистов в период зарождения Красной армии // Интеллигенция в политической истории XX века: Межвуз. сб. ст. Иваново, 1993. С. 40; Корупаев А. Е. Очерки истории русской интеллигенции. М., 1995. С. 89–90; Карлов Н. В. Интеллигентна ли интеллигенция... // Вопр. философии. 1998. № 3. С. 2; Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции: (Очерки). М., 1991. С. 32; Дегтярев Е. Е., Егоров В. К. Интеллигенция и власть: (Феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти). М., 1993. С. 49; и др.
- ³ Беляев В. А. Указ. соч. С. 41; Корупаев А. Е. Указ. соч. С. 89; Карлов Н. В. Указ. соч. С. 13; Коган Л. Н., Чернявская Г. Указ. соч. С. 45–46; Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Русский и советский менталитет // Интеллигенция и нравственность: Социологические очерки. М., 1993. С. 48–50.
- ⁴ Подсчитано автором по: Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий: В 3 т. / Отв. ред. Ю. М. Шперлинг. Архангельск, 1999–2002.
- ⁵ Ершова Э. Б. Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии 1917–1941 гг. М., 1994. С. 180.
- ⁶ Поморская энциклопедия: В 5 т. Архангельск, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 152; Ломоносовец. 2006. 13 апр.
- ⁷ Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 272; Ломоносовец. 2006. 6 мая.
- ⁸ Пономарев Б. С. Литературный Архангельск: События, имена, факты. 1920–1988. Архангельск, 1989. С. 89; Синицына П. Т. Первооткрыва-

тель ненецкой темы: К 100-летию со дня рождения Тимофея Петровича Сеницына. Архангельск, 1994; *Толкачев В.* Обвиняемый Пэля Пунух // Северные просторы. 1994. № 6. С. 21–22; Возрождение Севера. 1918. 15 авг.; Вельск-инфо. 2002. 23–30 окт., 6–13 нояб.; Волна. 1994. 1 марта; Государственный архив Архангельской области. Ф. 71. Оп. 9. Д. 34. Л. 75; Ф. 4097. Оп. 2. Д. 1. Л. 13; Ф. 273. Оп. 1. Д. 68. Л. 23–25; Ф. 352. Оп. 1. Д. 66. Л. 27; Ф. 1865. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–41; Ф. 4097. Оп. 2. Д. 1. Л. 13; Государственный архив Вологодской области. Ф. 53. Оп. 1. Д. 48. Л. 19–27, 81.

⁹ Вельск-инфо. 2002. 6–13 нояб.

¹⁰ Там же.

С. Ю. Кривенцова

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-АНТИФАШИСТОВ ВО ФРАНЦИИ В 1933–1939 гг.

В первой половине XX в. во Франции постоянно проживало несколько миллионов эмигрантов. Немецкие писатели-антифашисты, эмигрировавшие в эту страну, создавали свои союзы и объединения, поддерживали друг друга, были активнейшими участниками борьбы за объединение всех антифашистских сил, выступали в этой борьбе не только как литераторы, но и как политические деятели. После прихода Гитлера к власти во Франции оказались десятки тысяч немецких антифашистов и тех, кто преследовался нацистами по политическим, религиозным, расовым соображениям.

16 апреля 1933 г. в Париже был образован международный комитет помощи жертвам фашизма. В его состав вошли А. Барбюс, Р. Роллан, Г. Пери, Ч. Раппорт, В. Дамрош, Ф. К. Вайскопф, Г. Эйслер, Р. Леонард и другие общественные деятели. Такие же организации были созданы в Великобритании, США, Нидерландах, Швеции, Норвегии, Дании, Испании, Чехословакии, Австрии, Болгарии, Румынии, Греции, Японии, Мексике. Члены представительства комитета во Франции не ограничивались сбором средств. Они издавали брошюры, листовки, газеты, журналы, в которых поддерживали эмигрантов.

© Кривенцова С. Ю. , 2008

Кривенцова Славяна Юрьевна – преподаватель кафедры истории и международных отношений Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета.

Уже с сентября 1935 г. активно велась работа по формированию Подготовительного комитета по созданию единого народного фронта, основной целью которого было информирование мировой общественности о фашистском режиме в Германии. В нем активно работали В. Кенен, А. Штерн, писатели К. Хайден, Р. Леонард, М. Шеер, Г. Манн, Л. Фейхтвангер, Э. Толлер, К. Розенфельд, Г. Бернхард, Л. Шварцшильд.

Но уже первые дискуссии обнажили существенные различия взглядов членов подготовительного комитета по вопросам задач единого антифашистского движения. Издатель «Neues Tagebuch» Л. Шварцшильд, например, требовал четкого определения характера немецкого государства после свержения нацизма. В ходе долгих дискуссий было решено основное внимание сосредоточить на непосредственных актуальных задачах борьбы за мир, против фашизма, его военных провокаций и террора.

В августе 1935 г. была создана комиссия под руководством Генриха Манна, в которую входили 2 представителя КПГ, 2 социал-демократа, 3 представителя от правых партий. Она опубликовала обращение, содержащее такие требования единого фронта: «1) совместная борьба против коричневой диктатуры внутри Германии и за ее пределами; 2) совместная помощь всем жертвам этой борьбы; 3) борьба против военной опасности за неделимый и прочный мир»¹. Г. Манн одним из первых выступил за создание народного фронта. Он поддерживал тесные связи с лидерами КПГ В. Пиком, Ф. Далемом, П. Меркером. Именно Г. Манн был избран в сентябре 1935 г. председателем антифашистского бюро «Luteziakreis». Вспоминая о его участии в борьбе с фашизмом, Ф. Далем писал: «Можно с гордостью и уверенностью сказать, что Г. Манн сыграл большую роль в истории немецкого рабочего движения, в движении всех миролюбивых людей Европы»².

Различные комиссии и бюро должны были выработать общую концепцию, доказать необходимость единства. 22 ноября 1935 г. состоялось собрание «Luteziakreis», на котором присутствовало 44 человека, в том числе представители СДПГ, КПГ, писатели и другие деятели³. Но лидеры СДПГ были еще далеки от понимания необходимости единства действий против фашизма. Первым серьезным шагом на пути сближения СДПГ и КПГ стала борьба против казни в Германии немецкого коммуниста Рудоль-

фа Клауса. В совместном протесте говорилось: «Немецкие социал-демократы и коммунисты оставляют перед лицом этого очевидного убийства свои принципиальные разногласия и тактические различия, чтобы впервые выступить с совместным открытым обвинением против фашистского режима»⁴. Этот обвинительный акт подписали коммунисты Ганс Баймлер, Филипп Денгель, Вильгельм Кенен, Вилли Мюнценберг, социал-демократы Макс Браун, Рудольф Брайтшайдт, Эмиль Киршманн, Макс Бауэр, Виктор Шиф.

2 февраля 1936 г. состоялось еще одно собрание «Luteziakreis», где приняло участие 100 человек: 20 социал-демократов, 20 членов КПГ, остальные – представители буржуазно-демократических сил⁵. На конференции велась деловая дискуссия по проблемам совместной борьбы. Участники собрания согласились с тем, что успех борьбы против фашизма зависит от силы и сплоченности движения Соппротивления. Важнейшим результатом конференции было создание рабочей группы по разработке платформы для объединения всех оппозиционных фашизму сил и программы устройства будущей Германии⁶.

22 апреля 1936 г. члены «Luteziakreis» создали исполнительный орган из 15 человек, который должен был наладить связи с эмигрантами в других странах, вовлечь их в борьбу за единый фронт. В работе исполнительного органа активно участвовал Г. Манн. В письме к нему В. Пик писал: «Я с большим интересом слежу за Вашей работой в “Luteziakreis”, которой Вы нам очень помогаете в достижении единого фронта против войны и фашизма»⁷. 24 мая 1936 г. «Die deutsche Volkszeitung», а затем и другие газеты опубликовали воззвание «Будьте едины, едины против Гитлера», где в качестве главной задачи выдвигалась борьба за мир⁸. Под воззванием поставили свои подписи представители различных партий, интеллигенции, члены Союза в защиту немецких писателей.

В 1936 г. в Париже был создан комитет по подготовке немецкого народного фронта. В него вошли антифашисты различной политической ориентации. КПГ представляли В. Ульбрихт, П. Меркер, З. Редель и В. Мюнценберг, бывший тогда еще членом ЦК КПГ. От СДПГ в работе комитета участвовали М. Браун, А. Гржезинский, З. Ауфхойзер. В комитете были широко пред-

ставлены и немецкие писатели: Л. Фейхтвангер, Э. Толлер, Р. Леонхард, И. Р. Бехер, Б. Узе, Г. Манн, Т. Манн и другие. Президентом подготовительного комитета был избран Генрих Манн.

Деятельность комитета была тесно связана с работой кружков единомышленников немецкого народного фронта. В июле 1937 г. в них сотрудничали более 400 эмигрантов. Известные деятели науки, культуры, в том числе А. Зегерс, Е. Вайгель, Б. Брехт, Р. Леонхард, выступали на собраниях, митингах, в печати, в газете «Die deutsche Volkszeitung»⁹. Наиболее важным событием в борьбе за единый фронт в предвоенные годы была конференция 10–11 апреля 1937 г. Томас Манн написал приветствие ее участникам, где изложил свои взгляды и призвал к единству. На конференции с большой речью выступил Г. Манн. Он обратил внимание собравшихся на то, что Гитлер ввергает Германию в войну, и подчеркнул, что главная задача немецких сторонников единого фронта – борьба за мир, против вооружения и военных приготовлений¹⁰.

Объединенные в подготовительном комитете народного фронта силы были весьма разнородны. Именно этим объясняются разногласия по вопросам о главном направлении деятельности комитета, о перспективах борьбы против фашизма. КПГ выдвигала лозунг «демократической республики», буржуазные деятели отстаивали вариант Веймарской республики, а «левые» социалисты стояли за социалистическую республику. Входившая в состав комитета группа СДПГ во главе с М. Брауном выдвигала требование «народного фронта без коммунистов»¹¹. Вспоминая события тех лет, Ф. Далем писал: «Если бы врагам политики народного фронта удалось полностью парализовать деятельность подготовительного комитета народного фронта, это было бы большим злом, чем возврат к положению до образования комитета в 1936 г.»¹²

Несмотря на эти разногласия, работа по объединению антифашистов продолжалась. 20 сентября 1938 г. около 40 сторонников народного фронта под руководством Г. Манна выступили с обращениями «К немецкому народу» и «К народам демократических стран»¹³. Весной 1939 г. была образована комиссия действия немецких оппозиционеров, куда кроме социал-демократов и коммунистов вошли также и немецкие писатели: Г. Манн,

Р. Леонард, Л. Фейхтвангер, Л. Франк, М. Шеер, Г. Бернхард, К. Керстен, А. Мойзель¹⁴. Но до начала Второй мировой войны работа по созданию народного фронта не была завершена.

Немецкие писатели-антифашисты не могли ограничиться политической борьбой за единый фронт. Объединению немецких писателей во Франции способствовала подготовка выпуска «Коричневой книги о поджоге Рейхстага», создание в Париже Союза в защиту немецких писателей и немецких эмигрантских журналов.

«Коричневая книга о поджоге Рейхстага» вышла из печати 1 августа 1933 г. Работа над книгой имела для немецких эмигрантов большое организационное значение, дала определенные направления деятельности писателей-антифашистов, была попыткой их объединения. Одна из глав книги посвящена политике фашизма в области культуры. Как отмечал И. Р. Бехер, раздел имел много недостатков, но сплачивал писателей в эмиграции, акцентировал их внимание на совместных интересах¹⁵. Программа антифашистской деятельности литераторов была еще не определена, но базис для решения наиболее актуальных вопросов был найден.

Важнейшими органами антифашистского движения во Франции являлись газеты «Der Gegen-Angriff», «Unsere Zeit», «Die Aktion», «Das blaue Heft»; журналы «Das neue Tagebuch», «Neue deutsche Blätter» и другие печатные издания. Их редактировали О. М. Граф, В. Херцфельде, А. Зегерс, а в немецком подполье – Ян Петерсен. Писатели сотрудничали с французским издательством «Addition du Carrefour», продолжавшим работу издательства «Neuer deutsche Verlag» в Берлине¹⁶.

Самой крупной, массовой, действенной организацией немецких писателей-эмигрантов во Франции в предвоенный период являлся Союз в защиту немецких писателей. Первоначально туда вошли Р. Леонард, Й. Рот, А. Деблин, Л. Фейхтвангер, Л. Маркузе, Ф. Брукнер, В. Хазенклевер, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Э. Вайнерт, Ф. Вольф. Позже круг литераторов значительно расширился. Союз в защиту немецких писателей был образован по инициативе Р. Леонарда. Вспоминая о роли Р. Леонарда в парижской эмиграции, М. Шеер отмечал: «Он скоро пришел к своим немецким коллегам, стал их наставником в стране, советчиком, помощником, руководителем и инициатором создания Союза в защиту немецких писателей в эмиграции»¹⁷.

Союз в защиту немецких писателей существовал в Германии с 1908 г. После 1933 г. 200 немецких писателей, что составило 90 % членов Союза, оказались в эмиграции¹⁸. Летом 1933 г. эти писатели объединились в профессиональную организацию, решив сохранить для нее старое название. В фашистской Германии был учрежден «Имперский союз писателей». Интересно, что в 1937 г. из всех произведений, созданных 30 тысячами унифицированных писателей – членов «Имперского союза», было переведено 79 книг, а из произведений 200 антифашистских писателей в эмиграции – 85 книг¹⁹. Уже этот факт свидетельствует о больших творческих возможностях членов Союза в защиту немецких писателей и силе немецких писателей-эмигрантов.

Задачи, которые решал Союз в защиту немецких писателей в эмиграции, состояли в объединении всех антифашистских деятелей литературы, защите их материальных интересов, в представительстве немецкой литературы за границей, ее развитии, охране культурного наследия Германии. Союз просуществовал до запрета организации французскими властями осенью 1939 г.

Рудольф Леонард был первым и единственным председателем Союза. Почетным секретарем был Бруно Фрай, постоянным представителем Альфред Курелла, а после его отъезда – Эгон Эрвин Киш. Регулярная и интенсивная работа организации началась осенью 1933 г. Ежедневно организовывались доклады, вечера, дискуссии, митинги, лекции писателей.

С осени 1934 г. Союз в защиту немецких писателей стал легально действующей организацией. В его составе к этому времени было около 400 человек²⁰. Первым крупным мероприятием Союза было собрание его членов, на котором участники выступали против гитлеровского террора. Организация направляла общественное мнение на спасение жизни немецких писателей, оказавшихся в концентрационных лагерях и фашистском застенке. Были организованы митинги за освобождение Людвиг Ренна, траурный митинг, посвященный памяти Эриха Мюзама, Курта Тухольского. Члены организации обсуждали литературные и политические проблемы.

14 апреля 1934 г. «Der Gegen-Angriff» опубликовал воззвание Союза о создании библиотеки немецких книг, одноименные экземпляры которых были сожжены фашистами 10 мая 1933 г.²¹

Обращаясь к литературным деятелям, Г. Манн писал: «Инициативный комитет по созданию Свободной немецкой библиотеки взял на себя большую и ответственную миссию. Она со времени немецкой катастрофы 1933 г. является первым громким культурным предприятием к спасению и сохранению всех исторических и жизненных культурных ценностей, которые созданы в Германии XVIII, XIX, XX столетий и переданы миру»²².

В течение нескольких недель комитету удалось скомплектовать и открыть библиотеку в Париже. Было собрано несколько тысяч экземпляров книг. Возглавил работу библиотеки Г. Манн, руководящим секретарем был избран А. Канторович. Библиотека превратилась в центр пропагандистской работы. Здесь проводились лекции, выставки, собрания, авторские вечера. В сентябре 1939 г. она была закрыта властями, а после вторжения нацистов во Францию переместилась в Нью-Йорк. С середины 1935 г. Союз в защиту немецких писателей совместно со Свободной немецкой библиотекой начал выпуск особого номера журнала «Mitteilungen der deutschen Freiheitsbibliothek», где публиковались материалы международных конгрессов писателей, антифашистские статьи и доклады М. Зейдевица, В. Шиффа, Г. Манна, В. Ульбрихта, В. Мюнценберга, А. Зегерс, К. Керстена, Т. Манна. Была издана брошюра «Задание и создание немецкого народного фронта»²³.

Важнейшим направлением в деятельности Союза в защиту немецких писателей была связь с Германией. Союзом издавался журнал «Schriftsteller», номера которого переправлялись в Германию. Именно в эмиграции во Франции Анна Зегерс пишет роман об Эрнсте Тельмане «Человек в Моабите», который распространялся членами Союза в Германии. Вкладом организации в борьбу против фашизма стало и открытие выставки «Немецкая книга в Париже 1837–1937», где были представлены произведения Генриха и Томаса Маннов, Л. Фейхтвангера, А. Деблина, Э. Людвиг, Р. Леонарда, К. Кестена и многих других немецких писателей-антифашистов²⁴.

Союз в защиту немецких писателей представлял интересы деятелей немецкой литературы на международных конгрессах и в различных организациях, призывая их членов к борьбе против политики национал-социалистов. Писатели, принадлежавшие к

Союзу, принимали участие в подготовке радиопередач на волне 29,8²⁵. Центр радиовещания находился в Испании. Такие передачи позволяли через свободное немецкое радио обращаться к тем, кто остался в Германии. Союз в защиту немецких писателей стал крупным центром немецкой эмиграции; его группы были созданы в Великобритании, Голландии, Австрии, Люксембурге, Швейцарии, США, Мексике.

Важную роль в объединении усилий писателей-антифашистов сыграли международные конгрессы в защиту культуры, проходившие в 1935, 1937, 1938 гг. В июне 1935 г. в Париже прошел первый международный конгресс писателей в защиту культуры. На нем присутствовали делегаты из 38 государств. Особенно многочисленными делегациями были представлены писатели Франции, Германии и СССР²⁶. В ходе подготовки к конгрессу Союз в защиту немецких писателей разрабатывал свои основные требования и лозунги. Их выразил И. Р. Бехер в письме своим единомышленникам: «1. За защиту духа. 2. За сохранение большого наследия всех времен и народов. 3. За литературу правды, мира и свободы. 4. За силу литературы. 5. За международное сотрудничество литературоведов. 6. За объединение всех демократических сил в литературе»²⁷.

Подготовка к конгрессу протекала в обстановке трений и столкновений. Представители сюрреалистического и некоторых других направлений в искусстве выступали с предложениями бойкотировать конгресс. Не хватало средств, секретарей, стенографисток для ведения подготовительной работы. Но, несмотря на все это, конгресс состоялся. Он открылся 21 июня 1935 г. в Париже. В состав немецкой делегации вошли Б. Брехт, И. Р. Бехер, Э. Вайнерт, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Г. Манн, Т. Манн, Г. Мархвица, Я. Петерсен, Б. Узе, Л. Фейхтвангер, Л. Франк и другие. В своих выступлениях они подчеркнули необходимость участия всех гуманистических сил в борьбе против фашизма. Они говорили о задачах писателей, об истинном и ложном патриотизме, о преемственности демократических идей. Во многих докладах подчеркивался гуманистический характер антифашистской борьбы. Агрессивности фашизма противопоставлялась вера в торжество человечности и разума. Так, Б. Брехт в своем выступлении говорил о необходимости борьбы против нацистской пропаган-

ды: «Сжались над культурой, но прежде сжались над людьми! Культура спасена, если спасены люди. Не будем увлекаться утверждением, что люди существуют для культуры. Это не так. Культура существует для людей»²⁸.

После Л. Фейхтвангера от имени нелегальных писателей Германии выступил Ян Петерсен. Рукописи трех романов, 50 рассказов и стихи, которые он привез с собой, – яркое свидетельство тому, что, несмотря на террор, доносы, провокации, тюрьмы, концентрационные лагеря, в Германии успешно распространялась антифашистская литература. В своем выступлении Я. Петерсен подчеркнул: «Страна поэтов и мыслителей стала государством лицемеров-палачей. Но Гитлер – это не Германия! Германия завтрашнего дня – Германия свободы уже в пути. Никакой кровавый террор не сможет ее остановить. Вот для какой Германии мы пишем! Вот за какую Германию мы боремся!»²⁹

Конгресс имел большой международный резонанс. Было создано международное объединение писателей в защиту культуры, избрано его бюро. В состав бюро вошли 112 писателей из 38 государств, представленных на конгрессе, в том числе 13 немецких писателей. Бюро избрало президиум из 12 писателей, куда вошли Томас и Генрих Манны. Местом пребывания бюро был выбран Париж³⁰.

Второй конгресс писателей проходил в сражающейся Испании в 1937 г. Третий конгресс был созван в 1938 г. в Париже. На нем выступили Анна Зегерс, Эрнст Толлер, Рудольф Леонард. Приветствие участникам конгресса прислал Томас Манн. На конгрессе была принята резолюция, которая призывала мобилизовать все силы и средства для борьбы против фашизма и войны. В целом все три конгресса активно содействовали сплочению писателей-антифашистов во всем мире и оказали огромное влияние на дальнейшее развитие антифашистской литературы во многих странах.

Исключительно важным событием предвоенных лет в жизни немецких эмигрантов во Франции была немецкая культурная неделя в Париже, проведенная с 4 по 27 ноября 1938 г. В программу недели входило ежегодное отчетное собрание Союза в защиту немецких писателей, дискуссии, выставка Союза немецких художников, театральные представления, францужско-немец-

кий митинг и ряд других мероприятий³¹. В рамках отчетного собрания Союза в защиту немецких писателей была проведена дискуссия «Об историческом материале как оружии в борьбе за свободную Германию». За годы эмиграции это была первая дискуссия, затрагивавшая специфические литературные проблемы³².

14 ноября 1938 г. в рамках немецкой культурной недели состоялся немецко-французский митинг под девизом «За свободу немецкой литературы». В нем активно участвовали немецкие и французские писатели, а также общественные деятели. На митинге были зачитаны приветственные адреса Т. Манна, Л. Фейхтвангера, Ф. Верфеля. От имени немецких писателей выступили Р. Леонард, Х. Будзиславский, Ф. К. Вайскопф.

Союз в защиту немецких писателей продолжал свою деятельность и в 1939 г. Он организовывал и проводил авторские вечера, лекции, беседы, митинги протеста против оккупации Австрии и Чехословакии. Весной и летом 1939 г. шла усиленная подготовка к 150-летию Великой французской революции. В немецких литературных эмигрантских журналах появилось много статей, посвященных этому событию. Одну из них «Французская революция и Германия» написал для «Интернациональной литературы» Генрих Манн³³.

В сравнении с другими странами Западной Европы, немецкая эмиграция во Франции была наиболее сильной, сплоченной, организованной. Именно Франция стала крупнейшим центром сосредоточения немецких писателей. Они активно участвовали в международном движении писателей в борьбе за мир, против фашизма и войны, в борьбе за объединение всех антифашистских сил, в издании эмигрантских газет и журналов, в создании творческих организаций и союзов как центров борьбы против гитлеровского фашизма.

Примечания

¹ *Brekle W.* Exil in Frankreich. Berlin, 1985. S. 88.

² *Далем Ф.* Накануне второй мировой войны. М., 1982. Т. I. С. 192.

³ *Steinbach P.* Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Bonn, 1994. S. 601–602.

⁴ *Mann H.* Verteidigung der Kultur: Antifaschistische Streitschriften und Essays. Berlin, 1973. S. 181.

- ⁵ *Pieck W.* Gesammelte Reden und Schriften. 1933–1939. Berlin, 1972. S. 343.
- ⁶ *Langkau A.* Volksfront für Deutschland? Frankfurt am M., 1977. S. 154, 310.
- ⁷ *Brekle W.* Op. cit. S. 96.
- ⁸ *Pieck W.* Op. cit. S. 356.
- ⁹ *Далем Ф.* Указ. соч. С. 57.
- ¹⁰ *Mann H.* Op. cit. S. 245.
- ¹¹ *Далем Ф.* Указ. соч. С. 64.
- ¹² Там же. С. 63.
- ¹³ *Brekle W.* Op. cit. S. 118.
- ¹⁴ *Далем Ф.* Указ. соч. С. 97.
- ¹⁵ *Becher J. R.* Bericht über die Tätigkeit während meiner Reise. Berlin, 1967. S. 89–90.
- ¹⁶ *Gerzfelde W.* Wir wollen deutsch reden // *Neue deutsche Blätter.* 1953. № 1. S. 2–3.
- ¹⁷ *Scheer M.* So war es in Paris. Berlin, 1972. S. 45.
- ¹⁸ *Канторович А.* Пять лет борьбы союза немецких писателей в эмиграции // *Интернацион. лит.* 1938. № 11. С. 200.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Mann H.* Op. cit. S. 87.
- ²² Ibid.
- ²³ *Walter H. A.* Deutsche Exilliteratur. 1933–1945. Darmstadt, 1974. S. 465.
- ²⁴ *Канторович А.* Указ. соч. С. 206.
- ²⁵ *Teubner H.* Der deutsche Freiheitsender 29,8 als Führungsorgan der KPD im Kampf. Berlin, 1964. S. 1022–1036.
- ²⁶ *Kändler K.* Die internationale Schriftstellervereinigung zur Verteidigung der Kultur. Weimar, 1978. S. 586.
- ²⁷ *Becher J. R.* Op. cit. S. 91–92.
- ²⁸ *Brecht B.* Werke in fünf Bänden. Berlin, 1951. S. 115.
- ²⁹ Литературная газета. 1939. 15 янв.
- ³⁰ *Kändler K.* Op. cit. S. 586.
- ³¹ Ibid. S. 591–592.
- ³² Ibid.
- ³³ *Mann H.* Op. cit. S. 519.

Р. Н. Матусевич

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕРГЕЕМ БУЛГАКОВЫМ:
ИДЕОЛОГИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ «Я»**

Все понятия, в которых концентрируется по-настоящему значимый процесс, не поддаются определению; определяемо только то, что не имеет истории.

*Ф. Ницше*¹

Русскую дореволюционную интеллигенцию можно изучать в различных перспективах – с позиций политической, интеллектуальной, социальной и культурной истории, а также в рамках истории «ключевых понятий». Совершенно очевидно, что во всех этих случаях предмет исследования будет разным. Так, в интеллектуальной истории в качестве «интеллигенции» выступают те или иные доктрины и их творцы, в политической – те или иные политические объединения или партии с их программными установками, в социальной истории исследуются группы, их состав и поведение и т. д. Часто в исторических исследованиях наблюдается совмещение двух или даже трех перспектив. Словом, научные работы, в названия которых выносится слово «интеллигенция», отличаются друг от друга не только по целям, задачам и методологии, но и по самому *объекту* изучения. Объединяющим началом выступает только само слово – «интеллигенция», которое превращается в «пустую формулу» (leer Formel), наполняемую самым различным содержанием в зависимости от определенной ситуации. Поэтому во избежание путаницы попробуем сначала четко сформулировать объект настоящего исследования.

В данной работе «интеллигенция» рассматривается не как социальная группа или в качестве какого-либо другого феномена т. н. объективной реальности (политической партии, интеллекту-

© Матусевич Р. Н. , 2008

Матусевич Рустам Николаевич – студент IV курса исторического факультета Белорусского государственного университета.

альной среды и т. д.), но как ключевое понятие, как феномен языковой или текстовой реальности. Интерпретация мира выражается через язык, через осмысление тех или иных «ключевых понятий». Важно, однако, установить, какие представления и восприятия структурируются «ключевым понятием», какие смыслы сопрягаются с ним. Таким образом, «ключевое понятие», в нашем понимании, обладает не только лингвистическим измерением, но и семиотической перспективой. «Ключевое понятие» – это символ, который служит проводником той или иной идеи или смысла. Мышление отдельного человека в целом зависит от более широких культурных схем. Эта констатация, как представляется, расчищает путь для плодотворного синтеза методики исторической семантики с «семиотико-антропологическим» анализом в том виде, как он представлен в работах Р. Вортмана, С. Гринблатта, К. Гирца, Л. М. Баткина, В. М. Живова, А. Зорина² и др. Предмет антропологического анализа, по справедливому замечанию С. Гринблатта, должен состоять не столько в изучении механизмов функционирования обычаев и институтов, сколько в исследовании интерпретирующих моделей, которые члены данного социума используют для осмысления окружающего мира. Российское общество периода поздней империи располагало целым рядом интерпретирующих конструкций, которые помогали индивиду ориентироваться в политической и социальной реальности, выражать свои эмоциональные реакции на те или иные явления и события. Так, проблема политической власти в дореволюционной России осмыслялась по крайней мере в рамках трех альтернативных смысловых пространств, которые конструировались соответственно 1) ключевым понятием «интеллигенция», 2) метафорической формулой «Святая Русь» и 3) триадой «православие, самодержавие, народность». Показать особенности функционирования трех названных смысловых конструкций в мышлении отдельного автора составило одну из задач настоящей работы.

Интеллигенция как политическое понятие играло важную роль в структурировании политических представлений и политической деятельности в дореволюционное время. Однако ключевое понятие «интеллигенция» в предреволюционной России было так популярно, сопрягалось с таким количеством *смыслов* и ин-

терпретировалось настолько индивидуально, что трудно выстроить какую-либо удовлетворительную типологию. По словам Н. В. Шелгунова, в России было «столько интеллигенций, сколько считающих себя образованными»³. В этой связи представляется целесообразным сосредоточить внимание на интерпретации понятия интеллигенции у одного конкретного автора – Сергея Николаевича Булгакова (1871–1944). Публицистика С. Булгакова представляет собой подлинную сокровищницу по истории понятия интеллигенции. Однако в таком ракурсе работы мыслителя еще не изучались, за исключением краткого и достаточно поверхностного анализа Отто Мюллером булгаковской статьи в сборнике «Вехи»⁴.

Политическое мышление С. Булгакова отличалось таким синкретизмом и динамизмом, что порой очень не просто определить, какие элементы и с какой целью конституировали очередное политическое представление мыслителя. Однако не вызывает сомнения, что в период 1901–1918 гг., когда протекало интенсивное публицистическое творчество С. Булгакова, в его разнообразных концепциях понятие интеллигенции играло ключевую роль. Что выражало или должно было выражать у Булгакова это понятие? Какие при этом традиции осмысления «интеллигенции» в российской дореволюционной публицистике актуализировались в булгаковских текстах? В какие иные модели концептуализации политической и социальной реальности включалась булгаковская «интеллигенция»? Дать ответ на эти и ряд смежных вопросов – цель настоящей статьи.

В разные периоды творчества Булгакова изменялся характер осмысления «интеллигенции». В марксистские годы для мыслителя характерно негативное отношение к этому понятию, что было вполне закономерным в контексте полемики с народнической доктриной. Как показал О. Мюллер, с начала 1880-х гг. понятие интеллигенции превращается в главный символ народнического движения. У народников существовало два основных варианта понимания понятия⁵. Первый – выражал саморепрезентацию представителей реформистского народничества, второй – представителей радикальных народнических групп. Булгаков, разумеется, полемизировал с первым из названных вариантов

интерпретации «интеллигенции». По этой причине в марксистских работах Булгакова слово «интеллигенция» – редкий гость: мы встречаемся с ним лишь в двух работах – «Простая речь о мудреных вещах» (1897) и «Манифест «народной партии» (1897). Обе работы носят резко полемический характер и направлены против народничества. В них противопоставлены два способа самоидентификации русской политической оппозиции 1890-х гг.: два «мы» – «мы» как русская народническая интеллигенция и «мы» как сторонники марксистской доктрины (т. н. «русские ученики»). Слово «интеллигенция» в марксистский период для Булгакова, таким образом, было тождественно понятию народничества. Но, тем не менее, в том наборе репрезентаций («мы», «критически мыслящая личность», «кающиеся дворяне», «герои»⁶), которые Булгаковым прочно связываются с народничеством, интеллигенция избегает критической рефлексии мыслителя, несмотря на то что он употребляет слово в *одном ряду* с вышеназванными выражениями, и даже прямо обращается к своим оппонентам-народникам как к «интеллигенции»⁷. В чем причина подобного парадокса? Ответить на этот вопрос помогает следующий пассаж из статьи «Простая речь о мудреных вещах»: «В наше время, когда уже из среды народа или по крайней мере известного его класса выделяются *интеллигентные* (курсив наш. – Р. М.) слои и когда сама интеллигенция теряет свою барскую бессословность... пора интеллигенции подумать о своем историческом (читай: политическом. – Р. М.) и социальном положении, пора бросить смешную и нелепую претензию “нас” вести “их”»⁸.

В этом высказывании совмещаются социологическое и идеологическое понятия интеллигенции. Социологический (т. е. оценочно-нейтральное определение интеллигенции как образованного слоя) компонент зафиксирован в выражении «из среды народа... выделяются интеллигентные слои», идеологическая составляющая отражена в следующей части высказывания: «пора интеллигенции... бросить *смешную* и *нелепую* претензию “нас” вести “их”». Здесь все признаки оценочной нагруженности (эпитеты «смешной», «нелепый») анализируемого выражения, а также его идеологической заданности: интеллигенция в полной мере отождествляется с понятием «мы», под которым Булгаков пони-

мает народников и их идеологию. Таким образом, в булгаковское понятие интеллигенции входят не только идеологические коннотации (отождествление с народнической идеологией), но и чисто социологическое понимание. Как представляется, именно социологический регистр (т. е. понимание интеллигенции, не зависящее от того или иного идеологического течения) служит объяснением того парадокса, что, с одной стороны, Булгаков прямо именует народников «интеллигенцией», а с другой – не помещает этого слова в критический контекст, в который оно, казалось бы, должно было попасть наряду с такими выражениями, как «мы», «критически мыслящая личность» и др. Возможно, и в последующие годы Булгаков полагал, что оперирует исключительно социологическим понятием интеллигенции⁹, не замечая, однако, какими далекими от социологии смыслами было перенагружено его словоупотребление.

С переходом Булгакова в начале 1900-х гг. на идеалистические позиции радикальным образом изменяется форма его самоидентификации. Так, в статье «Иван Карамзев как философский тип» (1901), которую, по-видимому, следует признать первым немарксистским публичным выступлением мыслителя, с заявлениями об отходе от марксизма соседствуют настоящие дифирамбы по адресу «интеллигенции». Теперь Булгаков противопоставляет интеллигенцию буржуазии, самоотверженность и состраdatельность интеллигенции резко отделяет от «культурной буржуазности» и мещанского самодовольства, отмечает ответственность интеллигенции перед народом¹⁰ и т. д. То есть в работе воспроизводится народническая концепция интеллигенции со всеми ее привычными мотивами. В научной литературе отмечалось, что критические марксисты, переходя на позиции философского идеализма, заимствовали некоторые положения народнической доктрины, в частности, переняли критические формулы Н. К. Михайловского, направив их по адресу своих новых идейных оппонентов – т. н. «ортодоксальных» марксистов¹¹. Очевидно, что этот специфический момент перехода критических марксистов к идеализму выявился не только на уровне ясно и четко сформулированных идеологических формул, но и на латентном уровне механизмов формирования «ключевых понятий».

С начала 1900-х гг. понятие интеллигенции в идеологическом творчестве Булгакова задействовано, по крайней мере, в двух проектах: 1) в построении новой генеалогии «освободительного движения» или в переосмыслении традиционных ее версий (народнической, либерально-прогрессистской и др.) и 2) в постепенной адаптации имперского дискурса, обеспечивающей переход мыслителя на позиции национализма и ортодоксального православия.

Для конструирования новой генеалогии Булгаков обращается не только к персоналиям (А. Герцен, В. Белинский и др.), но активно использует такие термины, как «западничество» и «славянофильство», содержание которых варьируется у него в зависимости от той или иной идеологической установки. В целом конструирование генеалогии интеллигенции (т. е. духовных предшественников самого себя) Булгаков осуществляет на основе отношения к религии. Так, в статье «Религиозное состояние русского общества» (1912)¹² Булгаков писал: «Главное же различие между славянофилами и западниками определялось их отношением к религии вообще и православию в частности, и из него проистекали и все другие, *второстепенные* (курсив наш. – Р. М.) различия»¹³. Однако в 1906 г. у Булгакова была совершенно иная точка зрения на вопрос о главном пункте различий между западниками и славянофилами. Так, в статье «Из записной книжки» (апрель 1906 г.) Булгаков проводит водораздел между западниками и славянофилами по линии отношения к самодержавию (т. е. различие обосновывается по политическому, а не религиозному критерию). Это вполне соответствовало той цели, которую Булгаков преследовал в 1906 г. – объяснить предоставление Францией в апреле этого года крупного кредита царскому правительству, подавлявшему революцию, через славянофильское осуждение «запада». Однако в 1906 г. Булгаков не мог прямо сослаться на славянофильство, и поэтому он вынужден был корректировать традиционное восприятие различий между славянофильством и западничеством, которому и сам отдал дань в статьях «Душевная драма Герцена» (1902) и «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?» (1902)¹⁴. Именно эту задачу «корректировки» выполняет следующий пассаж: «Славянофильские толки о гниении запада представляли сравнительное исключение, куль-

турная и духовная ценность западной цивилизации была для славянофилов совершенно ясна, *яснее* (курсив наш. – Р. М.)... нежели для западников»¹⁵. Этим пассажем Булгаков заранее ограждал себя от обвинений в славянофильстве в той ситуации, когда его рассуждения принимали отчетливо антизападный характер. Отождествление же западничества исключительно с политической оппозиционностью помогало Булгакову отделить критику самодержавия, которой он сочувствовал, от критики «запада», которую он активно проводил. Таким образом, дискурсивная стратегия в статье «Из записной книжки» в полной мере учитывает опыт полемики вокруг статьи «Душевная драма Герцена», причем, несмотря на уверения Булгакова о том, что он выработал «определенное внутреннее отношение» к обвинениям в политической неблагонадежности, мыслитель, тем не менее, сознательным или бессознательным образом, строит свой текст так, чтобы более не навлечь на себя обвинений в славянофильстве или в лояльности к существующей политической системе. Любопытно, что в 1912 г. такой взгляд, согласно которому водораздел между западничеством и славянофильством основывался на отношении к самодержавию, Булгаков назвал *вульгарным*. Помнил ли Булгаков в 1912 г., что несколько лет тому назад он сам активно проповедовал эту «вульгарность»? Однако важнее дать ответ на другой вопрос: в чем причина подобной трансформации? Ответ, как представляется, очевиден: в 1912 г. критика самодержавия в идеологии Булгакова явно занимала периферийное положение, тогда как атеизм интеллигенции находился в центре внимания. И это обстоятельство требовало построения новой генеалогии. Западники и славянофилы как в 1906 г., так и в 1912 г. назывались Булгаковым «отцами» (и «дедами») «теперешней интеллигенции», однако если в 1906 г. Булгаков еще в полной мере отождествлял себя (и интеллигенцию) с «западничеством» (А. Герцен), то в 1912 г. генеалогия совершенно другая: предшественниками мыслятся славянофилы (А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и др.), а такая фигура, как Герцен, причисляется к западничеству, которое жестко противопоставляется славянофильству и оценивается, разумеется, только отрицательно. Представление о том, что «славянофилы гораздо глубже и тоньше воспринимали духовную культуру Запада», Булгаков сохраняет в статье 1912 г. и, видимо, по

причине того, что он обращался к англоязычной («западной») аудитории, перед которой необходимо было искусственно подчеркивать «западничество» славянофильства. Таким образом, мы видим, что указание на западничество славянофилов в разных булгаковских текстах сохранялось, но выполняло различные идеологические и дискурсивные задачи.

Отход от марксизма сопровождался у Булгакова актуализацией проблемы поисков национальной идентичности. Национальную идентичность мыслитель располагает, подобно славянофилам и Ф. Достоевскому, в религиозной перспективе. К 1902 г. относится первая одобрительная ссылка Булгакова на славянофилов, которая еще так недавно была бы невозможной. Смычка национализма и религии (православия), которая фиксируется в булгаковских текстах уже с начала 1900-х гг., неизбежно размещает политическое мышление Булгакова в смысловом пространстве теории «официальной народности», модификацию которой и представляет собой политическая доктрина славянофилов¹⁶. Согласно В. Живову, славянофильская адаптация уваровской триады реализует потенциал религиозно-имперского пространства с «устраненным монархическим центром» («Святая Русь»). Вместо самодержавия в качестве центрального и самодостаточного принципа у славянофилов выступает «народность». Православие мыслится как неотъемлемый атрибут народа, самодержавие же ставится в полную зависимость от национального принципа. Так, в соответствии со славянофильским учением, полноценность самодержавия основывается на его единстве с народом, которое должно выражаться в заботливом отношении к народной вере – православию. Именно этой заботы славянофилы и не обнаруживали в современной им секуляризированной правящей элите. Это обстоятельство и определило славянофильское переосмысление триады в пользу национального принципа.

Булгаковская адаптация имперского дискурса двигалась первоначально именно в русле выше охарактеризованной славянофильской модификации. Однако с самого начала «народность» у Булгакова была подчинена религиозному принципу¹⁷. Концепт религии мыслитель наполнял в разные периоды неодинаковым содержанием: в начале 1900-х гг. религия для Булгакова – это вера в наличие некоего трансцендентного разумного начала, т. е.

в это время булгаковское понятие религии не выходило за рамки немецкого классического идеализма. В последующие годы концепт религии у мыслителя наполняется все более отчетливым конфессиональным содержанием: религия ассоциируется с православием и его догматикой. Что касается самодержавия, то в течение 1900-х гг. мыслитель решительно отрицал этот принцип. До 1905 г. в булгаковском осмыслении триады «самодержавие» просто отрицалось, а его место оставалось вакантным: Булгаков довольствовался, как правило, критикой существующего политического режима и обоснованием религиозного и национального принципов. Однако с началом революции, в которой Булгаков принимал живейшее участие в качестве публициста и депутата Думы, перед мыслителем встала задача заполнить политическую сферу *фактором*, который содействовал бы развитию последней в нужном направлении. Этот фактор получил в булгаковских текстах имя *интеллигенции (или общественности)*¹⁸. Таким образом, традиционную славянофильскую схему Булгаков дополняет новым компонентом – «интеллигенцией». Происхождение данного концепта вполне очевидное – это сфера оппозиционного дискурса, который характеризовался не только антимонархизмом, но и ярко выраженным антиклерикализмом и нередко полным атеизмом. Поэтому встает вопрос о логике Булгакова, предпринявшего попытку столь неожиданного синтеза. Если антимонархизм может быть соотнесен с подчиненностью принципа самодержавия принципу «народности» в славянофильской доктрине, то атеизм и антиклерикализм было трудно совместить с православием. Это обстоятельство отразилось в двойственности и противоречивости булгаковских текстов в 1900-е гг. С одной стороны, подобно народникам, которые интерпретировали интеллигенцию как пропагандистов социализма, поднимающих «народ» на свержение существующей власти¹⁹, Булгаков также возлагает на интеллигенцию обязанность уничтожения самодержавия и осмысливает ее как силу, способную оказывать на «народ» влияние в нужном направлении. С другой – мыслитель пытается поставить интеллигенцию на службу религиозно-имперской идее. По сути, Булгаков заимствует народническую оппозицию «интеллигенция – народ», но адаптирует ее к смысловому пространству имперского дискурса. С наибольшей полнотой булгаковский синкретизм выра-

зился в его веховской статье. Основная задача, которую ставит здесь перед собой Булгаков: объяснить «неудачу» революции отпадением интеллигенции от церкви (православной веры). Но чтобы не слишком драматизировать ситуацию, Булгаков постулирует религиозную природу феномена интеллигенции. Это позволяет ему, во-первых, сохранить «интеллигенцию» как позитивное понятие и, во-вторых, развивать свою мысль в привычных для него религиозных категориях. К последним, в частности, относятся центральные для статьи понятия, выраженные в формуле «героизм и подвижничество», в основе которой лежит довольно незатейливое оценочное противопоставление атеизма и религии. Как показал Н. Плотников, истоки этой формулы восходят к Э. Трёльчу, у которого, однако, и «героизм» и «подвижничество» суть компоненты единого религиозного процесса²⁰, т. е. без какого-либо противопоставления их друг другу²¹. Булгаков, заимствуя у Трёльча формулу, наполняет ее своим собственным содержанием, но при этом структура формулы остается неизменной, т. е. сохраняется представление о «героизме» и «подвижничестве» как элементах, обладающих единой религиозной природой. И если учесть, что понятие героизма тождественно у Булгакова понятию атеизма, то становится понятным, для чего мыслителю понадобилась эта формула. Постулирование «религиозности» атеизма интеллигенции нужно Булгакову, чтобы отстоять саму возможность перехода от атеизма к религии, тот путь, через который он прошел сам: если «героизм» (т. е. атеизм) – лишь неверное («неправильное / неправославное») переживание религиозного чувства, то, поскольку само это чувство *имеется*, вполне возможно через «самопознание» облечь свою религиозность в «правильную» форму («подвижничество»). Другими словами, антитеза, выраженная в булгаковском переосмыслении формулы «героизм и подвижничество», не столь уж однозначна и категорична, так как подразумевает субстанциональную тождественность двух феноменов. Этот потенциал формулы позволил Булгакову в завершающей части статьи развить позитивное представление «церковная интеллигенция», в котором он попытался синтезировать элементы «святорусской» парадигмы (о ней ниже) с элементами оппозиционного дискурса. «Церковная интеллигенция, – подчеркивает мыслитель, – которая подлинное христианство соединяла

бы с просвещенным и ясным пониманием культурных и *исторических*²² задач (чего так часто недостает современным церковным деятелям), если бы таковая народилась, ответила бы насущной *исторической* и *национальной* (курсив наш. – Р. М.) необходимости»²³. В этом высказывании синкретизм Булгакова выразился с полной ясностью: интеллигенция должна послужить двум задачам одновременно: демократизации политической системы – «историческая необходимость» – и реализации мифа о «Святой Руси» – «национальная необходимость» (однако этот мотив в рассматриваемый период играет явно второстепенную роль²⁴).

Следует отметить, что в годы революции интеллигенция мыслилась как самодостаточный фактор, который в сознании Булгакова, несомненно, доминировал над двумя остальными принципами: религиозным и национальным. В 1905 г. в программной статье журнала «Вопросы жизни» С. Булгаков прямо указывает на то, что «все вопросы русской жизни разрешатся лишь с разрешением политического вопроса»²⁵. Завершение революции, которая, с точки зрения С. Булгакова, потерпела поражение, наложило сильный отпечаток на булгаковское осмысление интеллигенции. После 1907 г. интеллигенция в отличие от оптимистического контекста оппозиционной идеологии не признается более самодостаточной. Если бы интеллигенция была самодостаточна, то революция, по логике Булгакова, окончилась бы полной ликвидацией абсолютной монархии в России. С точки зрения Булгакова, революция потерпела поражение, и это было в чем-то и его личное поражение, которое надо было как-нибудь объяснить или оправдать. В этой связи перед мыслителем стояла вполне конкретная *идеологическая* задача: выработать новое обоснование оппозиционной практики. Новую идеологию для оппозиции Булгаков предлагал заимствовать из религиозной доктрины. В этой связи функция религии в веховском контексте, как представляется, не совсем точно интерпретируется Н. Плотниковым и М. Колеровым, которые полагают, что обращение к религии у веховцев было выражением поиска ими «фактора консолидации послереволюционного общества»²⁶. На самом деле, Булгаков, обращаясь к религии, стремился объяснить и оправдать итоги революции. Необходимость в этом обосновании для Булгакова объяснялась его убеждением в том, что интеллигенция в резуль-

тате поражения революции утратила свою самодостаточность; другими словами, по логике Булгакова, революция потерпела поражение исключительно в силу того, что она не была освящена религией. Поэтому для того, чтобы сохранить «интеллигенцию» (и дело антисамодержавной революции) в позитивной перспективе, Булгаков помещает ее в религиозный контекст. Так, в булгаковских текстах рождается понятие «церковная интеллигенция». Церковная интеллигенция должна выполнить две задачи: 1) обеспечить благополучие (или спасение) России, разумеется, в соответствии с идеалами оппозиционного движения (здесь прямое перенесение статуса самодержавия уваровской триады на «интеллигенцию» с соответствующей трансформацией содержания этого принципа); 2) укрепить саму церковь²⁷ (свидетельства об осмыслении самодержавия как оплота православия см. в работе В. Живова, Б. Успенского²⁸). В концепте «церковная интеллигенция» выразился весь синкретизм Булгакова веховского периода: церковность интеллигенции, с одной стороны, должна обеспечить слияние ее с народом для организации совместной борьбы против самодержавия (в этом Булгаков в 1909 г. видел спасение России), с другой – реализацию религиозно-имперской идеи (распространение и утверждение православия на всей земле). Необходимо подчеркнуть, что интеллигенция у Булгакова не подвергается сакрализации, она просто нуждается в религиозной поддержке для осуществления своей преобразующей роли в истории России – точно такая же концептуальная система характеризует уваровскую доктрину 1830-х гг. Сам С. С. Уваров, как показал А. Зорин, не подразумевал сакрализации принципа самодержавия. Сакральный компонент в теорию «официальной народности» был введен позднее, при Александре III²⁹, когда возникла необходимость в более интенсивной легитимации царской власти. Возможно также, что одним из препятствующих факторов на пути сакрализации интеллигенции был и тот, что это понятие использовалось Булгаковым и в качестве самоопределения. Таким образом, концепт «интеллигенция» в определенной степени должен рассматриваться как необходимый эквивалент принципу самодержавия в процессе булгаковского освоения имперского дискурса. Однако подобный вариант адаптации был основан исключительно на личной воле Булгакова: против булгаков-

ского осмысления православия, интеллигенции и народности восставали не только уже устоявшиеся традиции интерпретации, но и реальная действительность. Революция 1905–1907 гг. ничего не изменила в политической системе: самодержавие оставалось актуальным объектом для всевозможной критики. Совершенно очевидно, что если бы в результате революции была уничтожена монархия, то булгаковская мысль развивалась бы в ином направлении, так как его понятие интеллигенции как эквивалент³⁰ самодержавию получило бы некоторую опору в реальности. Вероятно, что в этом случае была бы создана довольно оригинальная идеологическая система. Но ход событий сложился иначе.

В условиях так называемой третьеиюньской системы и с утратой прежнего оппозиционного запала Булгаков постепенно отходит от осмысления интеллигенции в положительной оценочной перспективе. В понятие интеллигенции после 1910-х гг. Булгаков включал: 1) все, что не укладывалось в рамки религиозно-имперского нарратива (атеизм, антимонархизм, космополитизм и т. д.); 2) свой личный интеллектуальный опыт прошлого (марксизм, политическая деятельность периода революции, антимонархическая публицистика). С принятием священнического сана Булгаков вводит в понятие интеллигенции всю секуляризованную сферу, в том числе свое прошлое светское «я»³¹.

В концептуализации понятия интеллигенции отчетливо отразилась эволюция политических взглядов мыслителя. Анализ осмысления Булгаковым интеллигенции позволяет детализировать его идеологическое развитие. Дело в том, что Булгаков, в отличие от Л. Н. Тихомирова, не совершал *резкого* скачка от антимонархизма к монархизму³². Между этими двумя этапами пролегал краткий период «аполитичности» мыслителя. Эта аполитичность выражалась в том, что Булгаков не связывал благополучие в политической сфере ни с самодержавием, ни с интеллигенцией. Именно в силу этого он занимается переформулированием многих категорий, которые ранее интерпретировал с политической точки зрения³³, и обращается к понятию «святая Русь», в котором отразилась равноудаленность мыслителя в этот период как от официального имперского дискурса, так и от народнического оппозиционного нарратива. Как показал Майкл Чернявский, функция концепта «Святая Русь» в религиозно-консерватив-

*М. В. Нестеров. Философы.
(С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский). 1917*

ной публицистике состояла в том, чтобы оправдать российскую реальность в эсхатологическом регистре³⁴. Российские религиозные мыслители осознавали «Святую Русь», в целом, как «идеальный тип», размещая его либо в историческом прошлом (славянофилы), либо в «светлом будущем» (Вл. Соловьев). Но в любом случае концепт «Святая Русь» подразумевал конституирование теократического пространства, в центре которого помещался не сакрализованный монарх, а русский православный народ. Именно это символическое пространство актуализируется Булгаковым в период его «аполитичности», при этом реализуется соловьевский вариант осмысления, согласно которому «святая Русь» располагается в футуристической перспективе (ср. призыв Булгакова в 1915 г.: «Гряди же, гряди, святая Русь!»³⁵). Но напрасно было бы думать, что «аполитичность» Булгакова носила искренний характер, концепт «святой Руси» не отменял для Булгакова политику, но лишь определял последнюю в религиозных категориях³⁶. Концепт «Святая Русь» подразумевал идеализацию «народа», постулирование его самодостаточности. Веховские сомнения в полноценности «народа» исчезают из булгаковской публицистики в

последующие годы, все отрицательные моменты в «народе» объясняются тлетворным влиянием интеллигенции. Однако в целом миф о «Святой Руси» предполагал ранжирование пространства по критерию его святости, это обстоятельство требовало от тех, кто актуализировал для себя этот миф, переориентации политической ангажированности с внутренних проблем на внешние. Булгаков в полной мере реализовывает этот потенциал мифа. Так, в 1912 г. мыслитель решает для себя основную внутреннюю проблему, утверждая, что «после... 17-го Октября 1905 года самодержавие в старом политическом смысле отошло в историю...»³⁷. Эта констатация позволяла Булгакову сконцентрироваться на внешних проблемах³⁸: исторической миссии православной России («Святой Руси») по спасению человечества, что в переводе на язык внешней политики России тех лет означало установление контроля над Балканами и захват Стамбула (Константинополя).

Но как бы там ни было, после 1910 г. осмысление интеллигенции как силы, способной организовать земное бытие православной России, сменяется представлением, которое, в соответствии с типологией О. Мюллера, восходит к негативному словупотреблению славянофилов и консерваторов. Согласно этому применению, интеллигенция – это чуждая народу социальная прослойка, которая включает в себя носителей антикультурных и антигосударственных идей западного происхождения, а также интеллигенция – это истинное воплощение нравственного зла³⁹. Подобное осмысление интеллигенции в полной мере актуализируется в булгаковской публицистике после 1910 г. Однако в отличие, например, от публицистики И. Аксакова или Ф. Достоевского, булгаковские работы 1910-х гг. содержат *исключительно* негативное понятие интеллигенции, т. е. разделения на мнимую и настоящую интеллигенцию в текстах Булгакова не прослеживается. Надо полагать, это связано с переходом Булгакова в 1914 г. к традиционной имперской модели, которая следующим образом конструирует реальность: высшим благодатным местом на земле объявляется теократическое пространство, в центре которого располагается православный царь. Все, что так или иначе уклоняется от религиозного почитания русского царя, решительно выносится за рамки сакрализованного и резко осуждается. Интеллигенция, которая до сих пор неизменно осмысливалась Булгако-

вым в связи с атеизмом и антимонархизмом, в этом контексте, разумеется, утрачивает какую-либо надежду на позитивную концептуализацию. Подтверждением сказанному может служить следующая весьма характерная цитата из письма Булгакова своему близкому другу А. Глинке (август 1914 г.): «Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда еще народ не познавал так своего Царя, а Царь своего народа (как прекрасен, как смиренен и мужественен наш Государь, какие слова нашел он для выражения чувства всей России. Воистину Господь с ним!). Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать Наша, Православная Церковь! Куда делась вся *интеллигентская* (курсив наш. – Р. М.) и партийная мерзость, распря, вражда!»⁴⁰ Роль ключевого слова «интеллигенция» (в данном случае его производного – «интеллигентский») обнажена в этом контексте с достаточной четкостью.

Главная же функция интеллигенции как позитивного понятия в системе мышления Булгакова – структурирование довольно жесткого и непримиримого чувства оппозиционности к существующему политическому и социальному порядку. Поэтому в тех текстах, где существует хотя бы намек на положительное осмысление интеллигенции, можно однозначно констатировать характер политической ангажированности мыслителя. С утратой чувства отчужденности и переходом на прямо противоположные позиции радикально изменяется характер концептуализации понятия, однако народническое представление об интеллигенции как силе, противостоящей существующему порядку и стремящейся к его разрушению, остается неизменным во всех случаях. Функция понятия интеллигенции в лексике Булгакова, однако, не исчерпывается одними политическими представлениями. Интеллигенция в булгаковских текстах – это также завуалированная форма саморепрезентации. Булгаков не просто относил себя к интеллигенции, но и пытался с помощью этого понятия придать своей индивидуальной идентичности статус идентичности групповой или такой, которая характеризовалась бы более существенной социальной значимостью.

С понятием интеллигенции также были тесно сопряжены представления о политическом развитии и политических идеалах для тех, кто к себе это понятие прилагал. Булгаков относился к

числу тех, кто с помощью понятия интеллигенции выражал 1) свое видение будущего России 2) характер и задачи собственной политической деятельности. Поэтому с изменением характера осмысления интеллигенции изменялись соответственно 1) булгаковское видение будущего России и 2) отношение к своей собственной политической активности.

Таким образом, на примере С. Булгакова мы увидим, какие многообразные функции выполняло понятие интеллигенции в дореволюционный период: оно структурировало эмоциональные реакции на те или иные события, определяло характер политической ангажированности тех, кто прилагал его к себе или к другим, формировало стереотипы восприятия и интерпретации окружающего мира.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialer Sprache in Deutschland / Ed. Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck. Bd. 1. Stuttgart, 1971. S. XXIII.*
- ² *Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф Российской империи XIX века // Россия / Russia. 1991. № 3(11); Вортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.; Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира // Новое литературное обозрение. 1999. № 35; Гириц К. Интерпретация культур: Пер. с англ. М., 2004; Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978; Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002; Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.*
- ³ *Шелгунов Н. В. Сочинения. Т. 3. СПб., 1904. С. 194.*
- ⁴ *Müller O. Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt; Athenaum, 1971. S. 370–372.*
- ⁵ *Ibid. S. 378–379.*
- ⁶ Дистанцированность автора названным выражениям проявляется в том, что он берет их в кавычки и помещает в иронический контекст; ср., например, «сказку про еврея» в статье «Простая речь о мудреных вещах» (*Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму: Статьи и рецензии. 1895–1903. М., 2006. С. 122–123.*)

⁷ Булгаков С. Н. От марксизма... С. 123, 124.

⁸ Там же. С. 124.

⁹ Ср. сформулированное в 1912 г. для англоязычной аудитории (в английском языке *Intelligentsia* фиксируется лишь с 1920-х гг.) Булгаковым определение интеллигенции, которое, кстати сказать, является единственным у мыслителя: «Под именем “интеллигенции” в России разумеется класс людей, прикосновенных к образованности чрез высшую ли школу или путем самообразования. Главным образом его составляют представители либеральных профессий, литераторы, адвокаты, врачи, агрономы, статистики, педагоги» (Булгаков С. Н. Религиозное состояние русского общества // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2000. С. 239).

¹⁰ Булгаков С. Н. От марксизма... С. 488–490.

¹¹ Балугев Б. П. Н. К. Михайловский и «легальный марксизм» // Отечеств. история. 1992. № 6. С. 23–27.

¹² Статья была опубликована в английском переводе в четвертом номере журнала “The Russian Review” за 1912 год.

¹³ Булгаков С. Н. Религиозное состояние... С. 254.

¹⁴ Ср. следующие высказывания в статье «Душевная драма Герцена»: «Учение о гниении Запада составляет... печальную особенность славянофильства» (Булгаков С. Н. От марксизма... С. 564); и в статье «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева»: «Наряду с политическим романтизмом следует поставить вторую отрицательную черту старого славянофильства, его... склонность к национальному превознесению на счет “гниющего” Запада» (Там же. С. 630). Следует отметить, что в примечаниях к публикации статьи «Из записной книжки» О. К. Локтева и М. А. Колеров допускают неточность, когда подчеркивают: «Мнение о том, что различия славянофильства и западничества были не национальные, а политические, Булгаков сформулировал еще в статьях 1902 г.: “Душевная драма Герцена”, “Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?”» (Локтева О. К., Колеров М. А. Примечания // Вopr. философии. 1994. № 6. С. 147). Однако более внимательное чтение названных статей приводит к совершенно обратным выводам. Так, в последней статье читаем: «...Славянофилы с самого начала стали на философскую и религиозную почву (курсив наш. – Р. М.)... Если где-либо существует между славянофильством и западничеством не недоразумение и случайное разногласие, но пункт коренного различия (курсив наш. – Р. М.), целая философская пропасть, то именно здесь...» (Булгаков С. Н. От марксизма... С. 628). В «Душевной драме Герцена» Булгаков не формулирует однозначно, в

чем он видит этот «пункт коренного отличия», но общий замысел статьи и характер (оценочно-положительный) того контекста, в который помещается фрагмент о славянофильстве, заставляют сделать вполне определенные выводы. Общий замысел статьи – обосновать на примере Герцена преимущества религиозной и национальной идеи над атеизмом и космополитизмом. По Булгакову, путь Герцена протекал по следующей схеме: от веры в Запад к вере в Россию (или народ, нацию). Эти две «веры», согласно Булгакову, образуют два полярных этапа в духовной биографии Герцена. Эпизод о славянофильстве помещается в контексте второго из этих этапов, в завершающей третьей главе статьи, которая так и называется – «Духовное возвращение на Родину». Иначе говоря, Булгаков вспоминает о славянофильстве в связи с *национальностью* позднего Герцена, резко противопоставляемой «*западничеству*» раннего Герцена при сохранении его политической оппозиционности. Все это позволяет сделать только один вывод: в статье «Душевная драма Герцена» реализуется противопоставление западничества и славянофильства по национальному критерию, а не по политическому, как это утверждают Локтева и Колеров. Политический компонент был актуализирован чуть позже, в 1906 г., когда Булгаков решал другие задачи, тесно связанные с политической злободневностью.

¹⁵ Булгаков С. Н. Из записной книжки. 11 апреля [1906] / Публ. О. К. Локтевой и М. А. Колерова // *Вопр. философии*. 1994. № 6. С. 145.

¹⁶ Живов В. М. Два пространства русского средневековья и их позднейшие метаморфозы // *Отечеств. записки*. 2004. № 5. С. 37.

¹⁷ Ср. следующий пассаж из «Душевной драмы Герцена»: «Вера в свой народ коренится... в метафизических основах мирозерцания, которое необходимо должно посчитаться с проблемой национальности. Народы, подобно индивидуумам, имеют свою нравственную задачу, свою историческую миссию, и эта миссия предусмотрена в нравственном миропорядке... Уже самый факт исторического существования великого народа свидетельствует, что ему суждено на свой собственный лад послужить добру... Идея народности, таким образом понимаемая, является религиозной идеей существования нравственного миропорядка» (Булгаков С. Н. *От марксизма...* С. 563–564). Первенство «религии» для Булгакова следует также из уже цитировавшегося высказывания о «пункте коренного различия», который, напомним, согласно Булгакову, пролегает именно по линии отношения к «религии».

¹⁸ Любопытно, что в «Вехах», утверждая, что минувшая революция была интеллигентской, Булгаков указывал, надо полагать, не на реальную действительность, а на свое *понимание* интеллигенции, основанное в свою очередь на соответствующем народническом представлении.

¹⁹ Müller O. *Intelligencija...* S. 379.

- ²⁰ *Плотников Н.* Заметки о «Вехах» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год (6). М., 2004. С. 564.
- ²¹ Кстати сказать, согласно Трельчу, взаимосвязь между героизмом и подвижничеством мыслится как переход от первого ко второму, и, возможно, эта общая схема (разумеется, вне связи с содержательным аспектом) была положена в основу пафоса веховской статьи Булгакова.
- ²² Хотелось бы обратить особое внимание на фигурирующее в приведенной цитате понятие «историческое». В него Булгаков (а вкупе с ним и целый ряд дореволюционных публицистов) вкладывал весьма специфический с современной точки зрения и едва ли уловимый современным читателем смысл: оно приблизительно соответствует современному понятию *политического*, но для Булгакова и для его современников «политическое» (т. е. вопрос о структурах власти) характеризовалось несколько иными масштабами: это понятие нередко сопрягалось с глобальными социальными проектами, смена одного политического режима другим неизменно связывалась с соответствующими изменениями (нередко самыми радикальными) в социальной и экономической сферах общества, подобное восприятие политических явлений в целом было типичным для интеллектуальных элит модернизирующихся обществ.
- ²³ Вехи... С. 70.
- ²⁴ Необходимо отметить, что для мифа о «Святой Руси» в это время нет соответствующего булгаковского представления о «народе» как о самодостаточной сущности. В этой связи «церковная интеллигенция» Булгакова сохраняет народническое представление о ней как о «пропагандисте новых, социально-критичных идей», который учит народ, однако если Булгаков признает за «народом» функцию хранителя православной веры, то непонятно, какую роль может сыграть церковная (православная) интеллигенция в «религиозной миссии народа» («национальная необходимость»? Другими словами, народ в осуществлении *своей* миссии ни в ком не нуждается. Поэтому, как представляется, национальный принцип был введен Булгаковым в веховскую статью – механически, поскольку он противоречил развиваемому в статье представлению об интеллигенции как элите, от которой зависит судьба России и соответственно ее народа. Впоследствии, когда парадигма «Святой Руси» имела для Булгакова первостепенное значение, он уже не позволял себе сомневаться в полноценности русского народа.
- ²⁵ *Булгаков С. Н.* Без плана // *Вопр. жизни.* 1905. № 2. Февр. С. 360–361.

- ²⁶ Плотников Н., Колеров М. Русский образ Германии: социал-либеральный аспект // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 100.
- ²⁷ Вехи... С. 70.
- ²⁸ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 49.
- ²⁹ Вортман Р. «Официальная народность»... С. 235.
- ³⁰ Эта эквивалентность отчетливо была выражена самим Булгаковым в 1923 г.: «Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие... и я обречен был видеть, как эта теократия не удалась в русской истории и из нее уходит сама... оставляет свое место *интеллигентщине*» (курсив наш. – Р. М.) (Булгаков С. Н. Автобиографическое. Пять лет (1917–1922) // С. Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1 / Сост., вступ. статья и коммент. И. И. Евлампиева. СПб., 2003. С. 86).
- ³¹ Ср. признание Булгакова в письме к П. Флоренскому (август 1922 г.): «На всю свою прошлую жизнь я смотрю как, вероятно, смотрит душа покойника на сброшенное тело или бабочка на свою куколку. Я увидел свой, или наш, портрет (см. портрет М. В. Нестерова. – Р. М.)... но на себя там смотрю именно так, извне, как на бывшее свое тело... ибо я твердо и несомненно знаю, что ведь это не-я, хотя и было я в предыдущей жизни... и лишь напрягая память восстанавливаю свое единство с этим... *интеллигентом* (курсив наш. – Р. М.)... Я священник теперь и **только** (выделено автором. – Р. М.) священник: все остальное во мне затихло и замерло...» (Булгаков – Флоренскому. 17. VIII. 1922 // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым: Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 4. Томск, 2001. С. 162–163).
- ³² Булгаковский монархизм при этом носил весьма специфический характер и поэтому нуждается в специальном тщательном исследовании.
- ³³ См. выше о «западничестве» и «славянофильстве».
- ³⁴ Cherniavsky M. “Holy Russia”: A Study in the History of an Idea // American Historical Review. 1958. P. 633.
- ³⁵ Булгаков С. Н. Война и русское самосознание (1915) // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии. Т. 2. М., 1997. С. 171.
- ³⁶ Ср. следующий пассаж из статьи «На выборах» (1912): «Наступила година, которой ждала старая Русь с ее мечтою о “третьем Риме”, столице православного царства, приближается срок для исполнения политического завещания Достоевского о том, что... “Константино-

поль должен быть наш”... Назрели всемирно-исторические события, в которых Россия призвана играть первую роль» (*Булгаков С. Н. На выборах // Христианский социализм* (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 200–201).

³⁷ *Булгаков С. Н. Религиозное состояние...* С. 256.

³⁸ Оставалась, правда, интеллигенция, но ее роль для Булгакова очевидна: интеллигенция, в полном соответствии с консервативным употреблением, объявлялась инородным (проникшим с Запада, т. е. неблагодатного места, находящегося за пределами «Святой Руси») компонентом внутри сакрализованного пространства.

³⁹ *Müller O. Intelligencija...* S. 379.

⁴⁰ С. Н. Булгаков – А. С. Глинке // *Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках*. М., 1997. С. 585.

Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Интеллигенция в структуре власти — миф или реальность?

Авторы с привлечением широкого круга источников и литературы анализируют политическую роль интеллигенции в современной России, изменения в структуре и функциях интеллигенции, вызванные политическими и экономическими реформами рубежа XX–XXI вв. и процессом глобализации. В статье ставятся острые и злободневные вопросы, перед отечественными интеллигентами выдвигаются новые задачи в их взаимоотношениях с властью.

Без интеллигенции невозможно возрастание духа (Интервью **В. П. Ракова с О. И. Федотовым**)

В представленном материале обсуждаются актуальные проблемы интеллигентоведения, высшего образования, уровень гуманитарных научных исследований и вопросы, касающиеся духовного состояния общества.

Никонов О. А. Из истории русско-иранских гуманитарных связей

В статье отмечены первые инициативы в поисках становления русско-иранских гуманитарных и, в частности, профессионально-образовательных контактов середины XIX века, ставших исходным рубежом дальнейшего сотрудничества двух стран в общегуманитарных взаимоотношениях.

Михайлюк А. В. Интеллигенция и крестьянство Украины (февраль – октябрь 1917 г.)

Автор отчасти восполняет пробел отечественной историографии в изучении проблемы «интеллигенция и крестьянство Украины». Работа внутренне распадается на две части. Первая – посвящена общим (методологическим, понятийным, историческим) аспектам вопроса «интеллигенция и крестьянство». Во второй – показаны конкретные факты отношений этих социумов в Украине с февраля по октябрь 1917 г.

Миронова Н. А. Образ «старой» творческой интеллигенции в советской прессе первого послеоктябрьского десятилетия (1917–1927 гг.)

На широкой источниковой базе рассматривается создание негативного образа интеллигенции в советских печатных изданиях в 1917–1927 гг. Анализируются приемы и методы советской пропаганды в создании такого образа, исследуются печатные высказывания в адрес интеллигенции большевистских лидеров – Троцкого, Бухарина, Каменева.

Григоркина И. И., Добрякова Н. А., Сопенок О. В. Интеллигенция и власть в эпоху коренных перемен (На примере полереволюционной истории Александринского театра)

Авторы рассматривают политику советской власти по отношению к театру, формы и способы взаимодействия большевистских властей с театральной интеллигенцией. Привлечен широкий круг источников, проанализированы программные и директивные документы ВКП (б) и лидеров большевизма.

Соколова Ф. Х. Судьбы «старых» специалистов в 1930-х годах (На материалах европейского Севера России)

На примерах судеб «старых» специалистов, чья профессиональная деятельность в 1930-х годах была связана с европейским Севером России, автор доказывает, что жизнь советского общества этого периода нельзя сводить к тотальному злу.

Кривенцова С. Ю. Общественно-политическая деятельность немецких писателей-антифашистов во Франции в 1933–1939 гг.

Работа освещает основные направления общественно-политической деятельности немецких писателей-антифашистов в предвоенные годы во Франции. Подчеркивается значение Подготовительного комитета по созданию единого народного фронта, организации издательской деятельности немецких эмигрантов. Делается аргументированный вывод о том, что именно во Франции сложилась наиболее сплоченная организация немецких писателей, которые активно участвовали в международном антифашистском движении.

Матусевич Р. Н. Концептуализация понятия интеллигенции С. Булгаковым: идеология и формирование «я»

Статья актуализирует вопрос о структуре и морфологии философского дискурса С. Булгакова. В центре внимания автора находится концепт «интеллигенция», прослеживается его трансформация в связи с духовной и мировоззренческой эволюцией мыслителя.

Mansurov V. A., Barbakova K. G. Intelligentsia in power structure: myth or reality?

The authors use a vast amount of materials and sources to analyze the political role of intelligentsia in modern Russia as well as those changes in the structure and functions of intelligentsia that were prompted by the political and economic reforms at the turn of the 21st century and by globalization. The article covers burning issues offering Russian intelligentsia new challenges in their relations with power.

Spiritual growth is not possible without intelligentsia
(**V. P. Rakov** interviews **O. I. Fedotov**)

The present publication discusses current problems of intelligentsia studies, higher education, level of research in the humanities, and issues concerning spiritual state of society.

Nikonov O. A. Glimpses of Russian-Iranian humanitarian contacts

The article covers first initiatives in the search for establishing Russian-Iranian humanitarian contacts, namely, the ones of professional and educational character, in the mid-19th century that formed a starting point for further cooperation of the two countries in general humanitarian relations.

Mikhailyuk A. V. Intelligentsia and peasantry of Ukraine (February – October, 1917)

The author partly fills in the gap in Russian historiography that concerns the issue of Ukrainian intelligentsia and peasantry. Two parts constitute the given paper: the first one deals with general aspects of the issue – methodological, notional, and historic, while the second one illustrates actual facts of the relations between those Ukrainian social strata in February – October, 1917.

Mironova N. A. Image of ‘old’ clerisy in the Soviet press of the first post-October decade (1917–1927)

Using a wide array of sources, the author explores the formation of a negative image for intelligentsia in Soviet periodicals of 1917–1927 and analyzes the methods engaged by Soviet propaganda in published statements of Bolshevik leaders – Trotsky, Bukharin, and Kamenev – as they address intelligentsia.

Grigorkina I. I., Dobryakova N. A., Sopenok O. V. Intelligentsia and power in the epoch of dramatic changes (Exemplified by the post-revolutionary history of Alexandrinskiy theatre)

The authors explore the policy of the Soviet power as related to theatre, and forms and methods of interaction between Bolshevik power and theatre intelligentsia. A wide range of sources helps analyze the policies and directives of the All-Russia Communist Party (of Bolsheviks) and its leaders.

Sokolova F. Kh. Fates of ‘old’ specialists in 1930s (Exemplified by the European North of Russia)

Using examples of ‘old’ specialists, whose professional activities were connected with the European North of Russia in 1930s, the author proves that the life of Soviet society of that period cannot be treated as total evil.

Kriventsova S. Yu. Social and political activities of German anti-fascist writers in France of 1933–1939

The given paper covers basic trends in social and political activities of German anti-fascist writers in pre-WWII France and accents the importance of the Preparatory Committee for creation a united people’s front and publishing activities of German emigrants. A well-reasoned inference states that it was France where a closest organization was formed by German authors, who actively participated in international anti-fascist movement.

Matysevich R. N. Conceptualization of the ‘intelligentsia’ notion by Sergey Bulgakov: ideology and formation of self

The article actualizes the issue of the structure and morphology of S. Bulgakov’s philosophic discourse as the author focuses on the concept of intelligentsia and its transformation due to the evolution of the spirit and world-view of the thinker.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

➤ **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**

➤ **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**

➤ **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**

➤ **Интеллигенция и общество в современных условиях;**

➤ **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**

➤ **Международные отношения и личность;**

➤ **Роль религии в развитии мировой культуры;**

➤ **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**

➤ **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**

➤ **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются рукописи *в электронном виде* на дискете стандартного формата с приложением 2 экземпляров распечатки на белой бумаге (**обязательно**).

2. Максимальный размер статьи – 1,0 авт. л. (20 страниц машинописного текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице

формата А4, не более 65 знаков в строке или компьютерного набора, выполненного в редакторе *Microsoft Word XP* (или другой более ранней версии – формат: *.doc или *.rtf); шрифт Times New Roman, кегль 14 или Times New Roman Cyr, кегль 13 через полтора интервала), сообщения – 0,5 авт. л. (10 страниц).

3. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: инициалы, фамилия автора, название материала, текст статьи (сообщения).

4. Текст должен удовлетворять следующим требованиям: абзац – 1 см; отступы со всех сторон – 2 см; между инициалами и фамилиями, годом и сокращением «г.» ставится неразрывный пробел (клавиши: Ctrl + Shift + «пробел»); тире набирать при помощи клавиш: Ctrl + минус в дополнительном цифровом блоке.

5. Библиографические ссылки (**автоматические**) даются в конце статьи, нумерация ссылок сплошная. Библиографическое описание выполняется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

6. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки – четкими.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество полностью, место работы (**полное название учреждения и кафедры**). **Материал должен быть подписан всеми авторами.**

9. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

10. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

Подписано в печать 13.03.2008 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 35-63-81 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 37-52-44, 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru